

РОЖДЕННЫЙ ЛЕТАТЬ

Мечты
Александра
Грина

С. 32

ПРОЗА ПОЭЗИИ

ОКАЗЫВАЕТСЯ, САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ XX ВЕКА НА сегодня в России Сергей Есенин. На втором месте Владимир Маяковский. Почему так? Потому что они есть в школьной программе или потому что обоим были посвящены телевизионные сериалы?

«Левада-центр», проводивший опрос, не просил людей декламировать на память что-то из «любимых поэтов». Тогда было бы более ясно. Что вдруг такого есенинского в нашей сегодняшней жизни уловили люди? Ответ на этот вопрос мог бы объяснить, почему среди самых-самых оказался есенинский «двойник» по образу жизни, Владимир Высоцкий. К тому же про него тоже фильм был сделан. Появление на втором месте Маяковского куда более логично – он больше созвучен ностальгии по советским временам, временам гордости за страну, что бы ни делало ее руководство. Впрочем, если отталкиваться от методов экранизации жизни вышеупомянутых поэтов, то вся первая тройка (по образу жизни, созданному авторами сериалов и экранизаций) – это дань, видимо, все же телевизионному смотрению, а не чтению томиков поэзии любимых авторов на ночь для отдохновения души.

Социологи опрашивали взрослых людей – от 18 лет и старше. Любопытно, что именно среди молодежи Есенин – кумир, как и Александр Блок. Тогда как у людей постарше (25–40 лет) на первое место выходит Высоцкий, который, правда, уже умер к тому времени, как они родились. У 40–55-летних в почете «классические» поэты Анна Ахматова и Марина Цветаева. А вот среди более пожилых – от 55 лет – предпочтения сугубо «шестидесятнические»: Окуджав, Твардовский, Рождественский, Ахмадулина. Почему-то

эти предпочтения выглядят как наиболее правдоподобные и осмысленные, прочувствованные лично. Уходящее поколение помнит, видимо, поэтические праздники свободы у памятника Маяковскому в Москве и в Политехническом.

Опрашиваемые взрослые также подозрительно часто вспоминали сугубо детских поэтов – Агнию Барто, Самуила Маршака. Видимо, на том у них знакомство с современной поэзией и закончилось. А у многих оно и не начиналось: 17 процентов женщин и 23 процента мужчин не сумели назвать ни одного любимого поэта. Им совсем не до стихов, видимо. А зря.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР – ТАСС)»

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Россотрудничества

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Министр культуры Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной Думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

СКОРОСПЕЛОВ П.П.

Исполнительный директор фонда «Русский мир», заместитель председателя правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЮРКОВ Е.Е.

Директор Института русского языка и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры Аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Директор департамента специальной связи МИД России

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЯКУНИН В.И.

Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06 От Усть-Лабинска до Мексики
08 Смыслы и ценности

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 10 Молдавские парадоксы
русского языка
14 Спорные буквы

ИСТОРИЯ

- 18 Офицерской национальности

НАСЛЕДИЕ

- 24 Достать из-под земли

40 Чувство Рима

32 Рожденный летать

46 Романовы и Бауман

ЭКСПЕДИЦИЯ

54 Вольный Иран

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

60 Сестра страны

78 Золотой
скальпель
84 Обет

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

64 «И всех, кого любил...»

ПУТЕШЕСТВИЕ

90 Восточный берег

70 Отшельники

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Елена БЕРДНИКОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Ксения БОБРОВИЧ
Михаил БЫКОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Геннадий ЕВГРАФОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Елена КУДРЯВЦЕВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Юлия СЕМЕНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ОТ УСТЬ-ЛАБИНСКА ДО МЕКСИКИ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

**ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ИНТЕРНЕТ-РАДИО «РУССКИЙ МИР»
ВЫПУСТИЛО НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ПЕРЕДАЧ И УВЕЛИЧИЛО
АУДИТОРИЮ СЛУШАТЕЛЕЙ ПО ВСЕМУ МИРУ.**

В СЕТКЕ ВЕЩАНИЯ ИНТЕРНЕТ-РАДИО «Русский мир» сейчас стоит 35 программ, среди которых центральное место занимают передачи по изучению русского языка. Еще три года назад ресурс задумывался как архивное пространство для передачи «Русский мир» – она выходила раз в неделю на радиостанции «Голос России». Тогда накопилось больше ста часов, и их было решено разместить на сайте www.rfm.fm. Во многом благодаря

энтузиазму главного редактора интернет-радио Любови Курьяновой на портале появились десятки различных проектов.

Один из самых популярных – «Золотые лекции Русского мира», где известные российские филологи, лингвисты и культурологи читают открытые лекции. Их слушают в вузах разных стран, используя как учебный материал. «Золотые лекции» слушают и люди, которые уже давно вышли со студенческой скамьи, – говорит Любовь

Курьянова. – Они хотят развиваться, самосовершенствоваться, новая информация им интересна. Другая передача – «Смыслица», юмористическая пятиминутка, объясняющая происхождение и смысл фразеологических оборотов.

За последний год на www.rfm.fm был не только изменен дизайн сайта, но и появилось несколько новых удачных передач. «Концертный зал Русского мира» создается совместно с сотрудниками российских консерваторий. Они рассказывают о новых исполнителях и композиторах, предлагают прослушать концертные записи. «Литературную гостиную» Дмитрия Силкана слушатели не только оценили, но и признали лучшей литературной передачей 2013 года на международном конкурсе XII Артиады народов России. О новинках современной русской литературы рассказывает программа «Высокая мода» – на какие издания стоит обратить внимание, что почитать. Передачу «При-

Ведущие радиопрограммы «О главном» Раджаб Мамедов, заместитель главного редактора журнала «Эхо планеты», и Никита Новиков

думай слово» ведет Оксана Ушакова – доктор педагогических наук, заведующая лабораторией развития речи и речевого общения Института дошкольного образования и семейного воспитания Российской академии образования. Профессор знакомит слушателей с методами обучения детей дошкольного возраста работе со словарем, воспитания у детей внимания к содержательной стороне слова. Иначе говоря, учит прививать детям любовь и вкус к русскому языку. К интернет-вещанию подключаются и различные организации-единицы. Так, программа «Имя» – совместный проект фонда «Русский мир» и Российской гeraldической палаты – повествует о благотворительности в нашей стране: истории, организациях, волонтерах... «Подобного контента нельзя встретить ни на одной российской FM-радиостанции», – говорит Любовь Курьянова. – Традиционное

Любовь Курьянова с юными актерами театральной студии «Ромео и Джульетта» – участниками радиоспектакля

Любовь Курьянова, главный редактор интернет-радио «Русский мир», – журналистка, энтузиастка и просто красавица

вещание идет по другому пути: развлекательный характер, музыкальный или новостной. Мы не гонимся ни за информацией, ни за политикой, ни за развлечениями. В то же время нас нельзя назвать клоном «Радио Культура», которое делает ставку на мировую культуру. Мы

делаем акцент на русском языке, русской литературе и всем, что касается прошлого, настоящего и будущего России». Любовь Курьянова написала диссертацию «Иновещание в XXI веке: история, технологии и перспективы развития на примере радиокomпании «Голос России». В процессе работы журналистка пришла к выводу, что научно-популярные программы пользуются все большей популярностью, а время «лайт-информации» проходит. «Людям интересна наука – вопрос в том, как ее преподнести, – утверждает главный редактор интернет-радио. – Сейчас появляется все больше научно-популярных каналов, многие радиостанции общественно-политического характера включают в свои сетки научно-популярные программы. На радио «Русский мир» вы услышите настоящих звезд – например, людей, которые совершили научные открытия. Они и есть герои, о которых нужно рассказывать».

**25 ПРОЦЕНТОВ СЛУШАТЕЛЕЙ –
С УЧЕНОЙ СТЕПЕНЬЮ**

Передачи «Русского мира» звучат на зарубежных русскоязычных радиостанциях, хотя такой задачи фонд себе не ставит. Радиокomпании FM-диапазона ретранслируют лучшие программы «Русского мира» в Болгарии, Канаде, Германии и США. «Эфир некоторых наших партнеров на 50 процентов и более состоит из программ нашей радиостанции», – говорит Любовь Курьянова. В процессе работы с русскоязычными зарубежными радиокomпаниями возникла традиция радиомостов. На сегодняшний день работают три: «Москва–Хьюстон», «Россия–Германия» и «Россия–Португалия». Ежедневно в студиях двух стран – редакции «Русский мир» и, предположим, в Хьюстоне – собираются журналисты и эксперты для обсуждения заранее поставленных вопросов. Как правило, это вопросы эмиграции, образования, культурного обмена и многие другие. «Как-то у нас была тема эфира «Русские глазами немцев, немцы глазами россиян». С Португалией мы говорили о положении русской диаспоры и Русской православной церкви. Что касается Хьюстона, то совсем недавно речь шла о конгрессе русскоязычной прессы, который проходил в Белоруссии, о первой волне эмиграции, об образовании, детских школах, о том, кто хочет учить русский язык, об отношении американцев к России... Выбор темы – процесс творческий, во многом он зависит от точек соприкосновения между нашими странами и от экспертов, которых мы приглашаем». Слушательская аудитория радио «Русский мир» с годами растет. По

словам Любви Курьяновой, радиостанцию фонда слушают «от Усть-Лабинска до Мексики». 50 процентов аудитории – из России, 50 процентов – из-за рубежа. Типичный слушатель «Русского мира» – женщина старше 40 лет с высшим образованием, имеющая семью и профессию. 25 процентов слушателей имеют ученую степень. Конечно, так получилось прежде всего потому, что многие передачи выстроены как уроки русского языка и адресованы в первую очередь педагогам, филологическому сообществу.

В ближайшее время «Русский мир» запустит и новые передачи. Например, программа «Две столицы», которую интернет-радио будет делать совместно с санкт-петербургской радиостанцией интернет-радио «Алекс и К», появится к VII Ассамблее Русского мира, то есть к ноябрю. Уже почти готов новый цикл программ «Чудеса России», а также новые выпуски передач по русскому языку, литературе. «Я считаю, что будущее все-таки за Интернетом, – говорит Любовь Курьянова. – FM-радиостанции, конечно, останутся, но цифровое вещание удобнее, да и гораздо выгоднее с экономической точки зрения для вещателей. При этом его можно будет слушать как в автомобиле, так и по мобильному телефону... К тому же передатчики FM-диапазона удовольствие не из дешевых. Все идет к тому, что в создании радио будут более активно принимать участие сами слушатели. И здесь Интернет с его формами интерактивного общения может сыграть далеко не последнюю роль. Что касается форматов, мне хочется надеяться, что люди будут стремиться развиваться, узнавать больше, в том числе на волнах «Русского мира»».

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

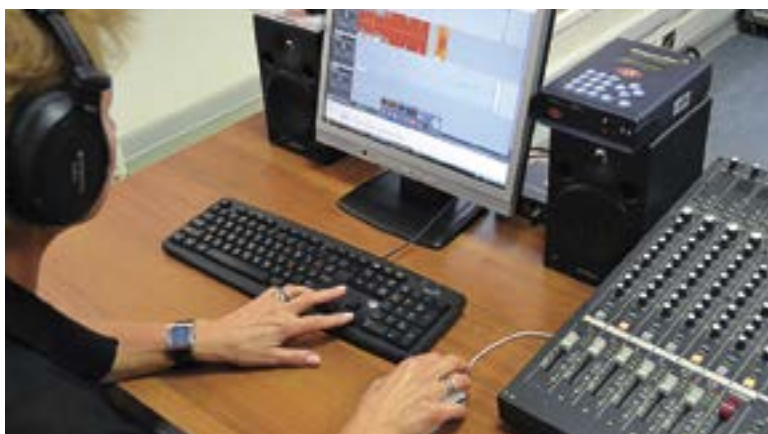
АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

**ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ ЗАКОНЧИТСЯ
ПРИЕМ РАБОТ НА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС
«СЛОВО ЗА НАМИ!»,
КОТОРЫЙ ПРОВОДИТ
ФОНД «РУССКИЙ МИР».
ПОБЕДИТЕЛЕЙ НАГРАДЯТ
3–4 НОЯБРЯ В САНКТ-
ПЕТЕРБУРГЕ.**

КАЖДЫЙ ГОД ФОНД «Русский мир» проводит международную акцию, посвященную важной исторической дате. В этом году в честь 1150-летия славянской письменности фонд «Русский мир» объявил международную акцию «Год славянской письменности», призванную «пробудить интерес международной и российской общественности к историческим основам славянской культуры». В рамках акции прошли сотни мероприятий по всему миру: конференции, выставки, семинары, фестивали, олимпиады, презентации и т.д. Некоторые проекты длятся по несколько месяцев и завершатся ближе к концу года. В их числе – Международный творческий конкурс «Слово за нами!». До 15 сентября комиссия конкурса принимает рисунки, сочинения и эссе, некоторые из них публикуются на сайте фонда.

В конкурсе участвуют учащиеся российских и зарубежных образовательных учреждений, художественных кружков и изостудий, студенты университетов, слушатели курсов русского языка, Русские центры и Кабинеты Русского мира, различные организации соотечественников. Информационными партнерами конкурса стали МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, УАПРЯЛ, Ассоциация русскоязычных образовательных центров POLYLOG e.V., интернет-форум по Японии, Китаю, Корее и Индии «Восточное полушарие», портал

russianireland.com. Конкурс информационно поддержали Сообщество учителей Казахстана, Координационный совет российских соотечественников в Киргизии, представительство Россотрудничества в Киргизии, Бельгийская федерация русскоязычных организаций, Союз русских сообществ Швеции, Российский союз сельской молодежи, литовская ассоциация «Русский культурный центр», Иерусалимская городская русская библиотека, портал «Русские на Украине», газета «Крымская правда», украинский телеканал «Первая столица», латвийская газета «Неделя Огре», соотечественники США, Китая, Ирландии и другие. В конкурс постоянно включаются все новые информационные партнеры, ежедневно приходят детские работы со всего мира. Подробности – на сайте фонда «Русский мир» www.russkiymir.ru. Детям от 5 до 17 лет предложено присылать рисунки по трем номинациям. «Лукоморье» – иллюстрации к сказкам славянских народов, «Край родной» – пейзажи родного края, любимые уголки природы, изображения дома, школы и, наконец, «Образы Русского мира» – представления юных

художников о Русском мире: исторических событиях, деятелях истории и культуры, сюда также отнесли сюжеты, отражающие идеалы дружбы, мира, добра.

Школьники 9–17 лет могут присылать сочинения на три темы: «Великое русское слово» – о любимых русских писателях и поэтах, их произведениях, о значении русского языка для мира и международного общения; «О героизме и благородстве в истории» – о великих исторических личностях и благородных поступках, героях Великой Отечественной войны, об уникальных событиях семейной истории и делах своих предков; «Мир будущего» – размышление о мире будущего и о том, как сделать жизнь на планете добрее и справедливее.

Студенты могут попробовать себя в конкурсе эссе по трем номинациям: «Русский язык как язык международного общения», «Образование в глобальном мире» и «Смыслы и ценности Русского мира» – размышления о понятии «Русский мир», его историческом значении, культурных и духовных ценностях. Детские работы читать интересно. 14-летняя Дарья Вдовенко описала подвиг своего деда, снайпера Ива-

на Ямпольского, участника Великой Отечественной войны, который был четырежды ранен и награжден орденами Славы всех степеней. Из ее сочинения можно узнать, что «вся школа» №5 кубанского города Лабинска «ведет краеведческую поисковую работу, чтобы 9 мая выйти на Митинг Памяти с фотографиями своих родных».

Другая участница конкурса, Эльвира Еникеева, узнала о трудовом героизме своей бабушки... из книги «Герои тыла» издательства «Китап». Бабушка из скромности мало рассказывала о своих подвигах, не показывая никому даже медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Кое-что удалось узнать, опросив родственников. Эльвира написала стихотворение «Душа солдата», где есть такие строки: «Хотя бы в памяти своей // Поставьте обелиск // Пропадшим без вестей».

В жюри конкурса входят авторитетные педагоги, ученые, журналисты, деятели культуры и представители общественности, члены попечительского совета и правления фонда «Русский мир». Победителей конкурса наградят 3–4 ноября в Санкт-Петербурге на VII Ассамблее Русского мира.

024

КИШИНЕВ - МОСКВА

МОЛДАВСКИЕ ПАРАДОКСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

С РУССКИМ ЯЗЫКОМ В МОЛДАВИИ ПРОИСХОДЯТ ПАРАДОКСЫ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, СФЕРА ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ СУЖАЕТСЯ ГОД ОТ ГОДА. С ДРУГОЙ – ЧИСЛО ЖЕЛАЮЩИХ ЕГО ИЗУЧАТЬ, НАПРОТИВ, РАСТЕТ.

В ПРОЦЕССЕ ОПТИМИЗАЦИИ закрываются в первую очередь русские школы; местные телеканалы выпускают все меньше передач для русскоговорящей аудитории; в парламенте еще весной был зарегистрирован законопроект о лингвистической политике, предполагающий отмену обучения на русском языке, запрет вести на нем делопроизводство в коммерческих фирмах и об-

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

ОБ УЧИТЕЛЯХ, РОДИТЕЛЯХ И ДУХОВНОМ ГОЛОДЕ

По мнению профессора, доктора филологии Виктора Костецкого, в течение многих лет возглавлявшего Молдавское общество преподавателей русского языка и литературы, успехи молдавских школьников на международных олимпиадах обусловлены целым рядом факторов.

Первый – это то, что в Молдавии еще остались учителя, получившие образование в советских вузах. «Дело в том, что и вузовская система подготовки специалистов по русскому языку, и школьная система в советское время были дидактически выверены. Достаточно серьезно работал НИИ педагогики. Были серьезные исследования по сопоставительной лингвистике, что позволило и соответствующие минимумы – лингвистический, грамматический, прочие – подготовить, и учебники, и кадры. Часть этих кадров до сих пор в строю, они остаются приверженцами этой научно выверенной школы. Этим и объясняется пока еще хорошее качество преподавания русского языка, несмотря на то, что сегодня оно не всегда поддерживается необходимой для этого дидактической базой. То есть многое определяется профессиональной инициативой учителей», – считает Виктор Костецкий.

Второй фактор связан с тем, что в Молдавии много смешанных браков, которые объединяют людей разных этносов и в конечном счете поддерживают на семейном уровне статус русского как языка межнационального общения. Многие ученики молдавских гимназий, где русский изучается только с пятого по девятый класс всего по два часа в неделю, общаются на нем дома. К тому же многие родители поддерживают участие своих детей во всевозможных олимпиадах и конкурсах, даже если оно не финансируется организаторами (что в условиях тяжелого материального положения

общественных организациях и вообще замену языка межнационального общения с русского на английский.

Однако когда в этом году Кишинев подключился к всероссийской акции «Тотальный диктант», желающих испытать себя на ниве русской грамматики оказалось вдвое больше, чем ожидалось. Так что сотрудникам Российского центра науки и культуры (РЦНК) пришлось спешно готовить дополнительные аудитории. В июне на завершающий очный тур Международной олимпиады по русскому языку, организованной Министерством образования и науки РФ и Центром международного образования МГУ имени М.В. Ломоносова, в Москву из Мол-

давии отправилась самая представительная команда – 12 человек. Двое – Мария Рэдукану, двенадцатиклассница из кишиневского лицея имени Мирче Элиаде, и десятиклассница Юлия Ильязова из столичного лицея имени Алеку Руссо – стали абсолютными победителями олимпиады, обогнав в знаниях 120 ее участников. Еще пятеро членов молдавской команды получили призовые места в разных номинациях. Хороший урожай призов Молдавия получает ежегодно. И год от года растет число людей, желающих изучать русский язык. Как, скажите, это вяжется с участвовавшими в последние годы попытками выдать русский из всех сфер общественной жизни?

подавляющего большинства жителей страны очень важно).

«Попытки установить технологическую методику преподавания русского языка в Молдавии встречают сопротивление, – продолжает перечислять профессор Костецкий. – Все-таки народ, который здесь живет, привык смотреть на язык как на сферу духовной жизни. И вот этот духовный голод заставляет тянуться к русскому языку и прежде всего к высшей форме его проявления – к русской литературе и вообще к художественной литературе на русском языке. Любопытно, что многие ученики молдавских школ читают зарубежную классику в переводе на русский. Вот такая сложилась практика».

Периодика на русском, трансляция на территории Молдавии российских телеканалов (несмотря ни на что, подчеркивает профессор), Интернет, наконец, – все это способствует сохранению языка на территории Молдавии и его изучению. Плюс хорошая работа российского представительства. Многие культурные акции, в том числе и направленные на утверждение русского языка и русской культуры, инициируются Российским центром науки и культуры, например «Светлый автобус» – культурно-просветительский проект, который привозит книги, кинофильмы, спектакли в самые отдаленные уголки страны.

И еще, добавляет Виктор Костецкий: «Пусть об этом не кричат во весь голос, но все-таки люди, которые здесь живут, продолжают впитывать ценности нашего единого православного пространства. То, что русский язык – своеобразный символ этого пространства, то, что многие заповеди Божьи звучат на нашей земле – пусть и не так широко, как нам бы хотелось, – на русском языке, тоже способствует функционированию русской речи в Молдавии. И в этом духовно-нравственном вареве рождаются те, кто побеждает на олимпиадах».

«ВОТ ЗДЕСЬ МОЙ ДОМ, ОН – В РУССКОЙ РЕЧИ»

Автор нескольких книг, поэт, прозаик, публицист Александра Юнко уверена, что в молдавской системе образования еще остались самоотверженные словесники, которые дают ребятам дополнительные знания «сверх крох, предусмотренных про-

граммой». Хорошие педагоги сохранились не только в столице: среди победителей международных олимпиад есть ученики гимназий и лицеев из других регионов Молдавии, в том числе из тех, где население говорит преимущественно на молдавском. Несмотря на то, что в местных СМИ идет массированная атака

на русский язык и «русскую оккупацию», многие родители, в том числе из молдоговорящих семей, хотят, чтобы их дети получили высшее образование именно в России. Понятно, что этот выбор требует от детей из таких семей колоссальных усилий, ведь многим приходится изучать русский как иностранный.

А желающих его знать все больше, утверждает преподаватель Марина Попова. К ней все чаще обращаются за помощью и молодые, и взрослые уже люди, успевшие обзавестись семьей и профессией. «Как правило, начинают учить язык из утилитарных соображений, – рассказывает она. – Кто-то собирается поступать в российский вуз, кому-то понравился телесериал – бывает и такое! – кто-то едет в Россию на заработки. И знаете, что происходит? Когда люди начинают читать периодику, художественную литературу на русском, они открывают для себя целый мир! Один из моих учеников, тридцатилетний уже человек, был поражен, узнав о пребывании Пушкина в Молдавии. Но еще большее впечатление произвела на него старая газетная статья о потребкооперации, из которой он узнал, что, оказывается, в советское время эта нищая сегодня страна была одной из самых богатых республик в СССР – то, о чем умалчивает проводимая сегодня пропаганда».

Успехи молдавских школьников на международных олимпиадах Марина Попова объясняет также языковой средой, которая сложилась в Молдавии. Здесь нет влияния других славянских языков, как на Украине, где родился суржик («близкородственные языки дают убойную смесь», – считает Марина). Здесь нет влияния российских диалектов. К тому же в послевоенные годы в Молдавию направляли специалистов для восстановления разрушенных городов и сел, организации промышленного производства, образования, здравоохранения. Научная, творческая интеллигенция говорила на русском языке, который сегодня сохранился у их внуков (кстати, он звучит несколько старомодно для жителей крупных российских городов). Но, сетует Попова, в олимпиадах участвуют единицы, а у подавляющего числа жителей страны уровень владения русским языком оставляет желать лучшего. И дело здесь не только в политике.

БОЛЬШАЯ ЛОЖКА ДЕГТЯ

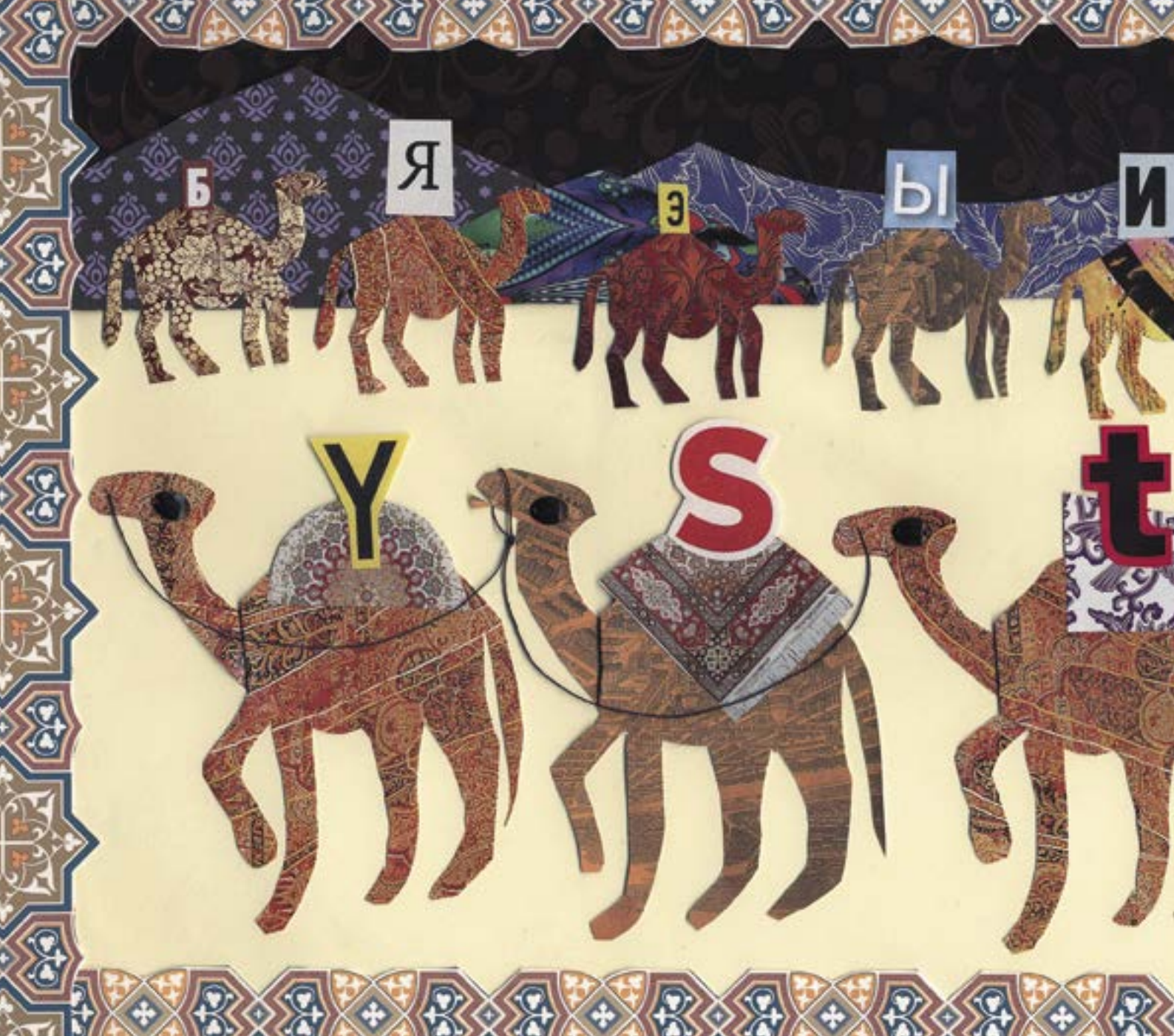
С глобализацией и распространением Интернета русский язык в Молдавии оказался на такой же «границе нервного срыва», как и в самой России. «Ушли старые бессарабы, носители чудного пласта старого, дореволюционного языка, который в самой России давно уж исчез. Сейчас нет его и у нас. Наряду с языком русской интеллигенции – а это особая и не столь уж многочисленная группа – в Молдавии существует паразытик – убогий, арготизированный», – сетует Александра Юнко. Особенно это чувствуется в средствах массовой информации, говорит она: «Я делала несколько обзоров русских программ молдавского телевидения – и ужаснулась. Когда-то ТВ давало речевой образец, сейчас – и у нас – нет ни единообразия употребления топонимов, ни элементарной грамотности».

Уровень владения русским языком среди молодых специалистов очень сильно упал в последнее время, поддерживает коллегу журналист Светлана Деревщикова. Если раньше профессиональный уровень журналистики в Молдавии был традиционно высоким, то сейчас планка опустилась. «Да, в стране выходит много изданий на русском языке, но мало где сохранились литературные редакторы и даже корректоры. Я с ужасом наблюдаю, как во многих газетах и их интернет-версиях просто не вычитываются материалы, они пестрят подчас грубыми грамматическими ошибками», – рассказывает председатель Ассоциации русскоязычных журналистов Молдавии. Как объясняют редакторы газет и информационных агентств, сегодня самое главное – скорость. Нужно успеть выдать аудитории информацию раньше конкурента. А это не предполагает кропотливой работы, в том числе и над грамматическими ошибками.

И все-таки с этим нужно и можно бороться, говорит Светлана Деревщикова. Иначе скоро от хорошего русского языка останутся только воспоминания. «Мы лишимся опоры, защиты, самих себя в конце концов!» – уверена она. ■

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

СПОРНЫЕ БУКВЫ

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

КАК ПЕРЕХОД НА ЛАТИНИЦУ В КАЗАХСТАНЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ АРАБСКОЙ ВЯЗИ В ТАДЖИКИСТАНЕ ОТРАЗИТСЯ НА СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ.

НА СООБЩЕНИЕ О ТОМ, что Казахстан переходит с кириллицы на латиницу, обычно строгий и предельно политкорректный глава МИД России Сергей Лавров отреагировал с юмором. Вопрос о причинах смены шрифта был задан министру иностран-

ных дел Казахстана Ерлану Идрисову на научной конференции в МГУ. Министр стал объяснять, что процесс этот будет происходить плавно и растянется с 2014 до 2025 года. Сидевший рядом с ним с непроницаемым лицом Лавров неожиданно сказал то, что привело всех в замешательство:

– По моей информации, не так давно в недрах МГУ тоже начала разрабатываться идея перевода русского языка на латиницу. – Лавров выдержал мхатовскую паузу, во время которой зал замер. – Но хочу предупредить, что мы русский язык не отдадим в латиницу хотя бы потому, что там нет букв «ё» и «й».

Гул, прерывистый и нервный, как вздох двоечника, избежавшего вызова к доске, был ответом на шутку российского дипломата. Тем заметней оказалась «школьная» реакция Идрисова, который заговорил о том, что ожидаемый переход Казахстана на латинскую графику не стоит считать «элементом геополитики». «Ничего такого близко нет», – заверил он. Чем, кажется, добился обратного эффекта. В экспертном и международном сообществах все

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКАЯ

чаще ученые и политологи склоняются к тому, что вопрос графики не относится к разряду исключительно технических.

Так, переход Азербайджана и Узбекистана с кириллицы на латиницу в середине 90-х в один момент отправил народы этих государств обучаться грамоте с нуля. Что до сих пор заставляет ликвидировать там безграмотность в сельских и отдаленных районах. Так же, особенно в Узбекистане, многократно сузилась сфера распространения русского языка, хотя по числу трудовых мигрантов узбеки в России вышли в лидеры среди стран Средней Азии.

И декларируемый переход Казахстана с кириллицы на латиницу, и возвращение арабской вязи в Таджикистан, и сужение законодательных прав русского языка в Киргизии неуклонно снижают его статус в Средней Азии.

ЛАТИНИЦА ИЛИ КИРИЛЛИЦА?

Хотя инициаторы новой языковой политики, вступая в Евразийский союз, декларируют обратное. Русский язык провозглашен в этих трех странах официальным или языком межнационального общения. Казахстан, как региональный лидер, взял курс на проект «Триединство языков». Его цель – всеобщее изучение казахского языка как государственного, русского – как языка межнационального общения, английского – как языка интеграции в глобальную экономику. И вот в рамках этого проекта наметилась трансформация. Впервые о переводе казахского языка с кириллицы на латинскую графику заявил президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. В декабре 2012 года он объявил языковую реформу «возвращением к корням», хотя известно, что внутри казахстанского общества идет спор: насколько латиница укоренилась в национальной письменности и культуре?

– Шрифт казахский народ менял не один раз, – признает философ, академик Национальной акаде-

мии наук Казахстана Жабайхан Абдильдин. – В XIX и XX веках мы несколько раз переходили с одной графики на другую. У нас был арабский алфавит, обновленный арабский, потом, с начала XX века и до 1940 года, латинский алфавит. Затем перешли на кириллицу. Скачки с одной графики на другую тяжело отражаются на национальном менталитете и культуре. Нелегко дается и предстоящая реформа. Однако она диктуется временем. Мир накрывает универсальность. Часть стран переводят обучение дисциплин естественно-научного и математического циклов на английский язык, чтобы получать информацию из первоисточников. Так поступают Китай, Южная Корея, Турция, часть стран ЕС. Латинский алфавит облегчает освоение иностранных языков, применение новых технологий. А кириллица способствует сохранению межнационального общения внутри СНГ.

Как считает Абдильдин, писавший послание народу о языковой реформе для президента Назарбаева, «переход на латинскую графику – это пофазовая работа, с четким планированием средств и возможностей, не терпящая поспешности». А дело это дорогое. По данным Министерства образования и науки Казахстана, для перевода национальной письменности с кириллицы на латиницу потребуется около пятнадцати лет, при этом общие затраты на обучение населения страны оцениваются в 35,8 миллиарда тенге, или около 180 миллиардов рублей.

При этом казахстанский истеблишмент на всех уровнях – внутри страны, в СНГ и в общении с российскими политиками – уверяет, что русский язык останется в республике официальным, а латиница никак не отразится на сфере его изучения и распространения. Что лишь часть правды: русский язык изучают почти во всех казахстанских школах, но с 2020–2025 годов планируется, что вся документация страны будет вестись только на национальном

языке, а на государственную службу людей, не владеющих им, уже не примут. И таким образом, русский язык постепенно перейдет в гуманитарную сферу, «пофазово» утратив официальный статус в пользу языка межнационального общения.

Неспешный темп введения латиницы Астана выбрала еще и потому, что в 1998–2003 годах уже потерпела неудачу с «казахстанизацией» – переводом на казахский язык всего делопроизводства. Оказалось, людей, в достаточной степени знающих казахский язык, даже среди этнических казахов мало. И вот, по мнению реформаторов, с переходом на латиницу казахский язык станет «динамичным носителем современной информации», да еще и в той же системе технических параметров, что и английский язык, и – это не менее важно – в близкой к казахам тюркской языковой группе народов (турки, узбеки, азербайджанцы).

Правда, противники повторного введения латинской графики замечают, что «ход конем» – быстрый переход на латинский шрифт Узбекистана, Азербайджана, Туркмении и Молдавии – не сделал эти страны успешнее. За исключением изолированной Туркмении все они остаются поставщиками своих граждан на российский рынок труда, а рынки и границы ЕС или США, несмотря на переход на латинскую графику, для них закрыты. Есть и культурный аспект в казахстанской полемике. Казахи веками, благодаря кириллице, приобщались к европейским ценностям, изучая через русский язык и культуру все те же английский, немецкий или французский языки.

– Теперь культурное заимствование из кириллических стран в Казахстане считают чем-то второсортным? – риторически вопрошает председатель славянского движения «Лад» в Казахстане Максим Крамаренко. – Тут дело, как мне кажется, в разном понимании природы Таможенного союза. Если российская сторона

старается создать единое экономическое, культурное и политическое пространство, не ущемляя суверенитетов, то Казахстан рассматривает ТС как способ заработать, расширив рынок. О более глубокой интеграции речи не идет. Этот прагматизм связан с национальной политикой, усилением позиций казахского языка.

– Как дипломат я признаю, что переход на латинский шрифт – это право страны, – говорит Армен Смбатян, исполнительный директор МФГС СНГ, – соседям разумно его уважать. А как современный человек, не могу не видеть, что 40 процентов казахстанцев – русские и русскоязычные. На латинице когда-то короткое время писали «верхи», а массовая грамотность казахов – заслуга кириллицы. Благодаря ей в Казахстане наступила всеобщая грамотность. А с переходом на латиницу меняются не только графические символы. Меняется система языкового мышления, а за ней и психология. Но русский язык в Казахстане функционален, и, надеюсь, его ужимать никто не собирается. В этом тоже есть логика. Как и в том, что сужение пространства русского языка вряд ли прибавит темпа интеграции в Европу. Ведь для большинства стран Содружества русский язык – это способ интеграции в мир.

Однако дискуссия в казахстанском обществе как раз и идет вокруг того, насколько русский язык и кириллица помогают или отдаляют молодое государство от глобализации. Один из аргументов сторонников латиницы таков: через стандартизацию шрифта легче консолидировать тюрков и вместе с ними влиться в глобальный мир. Оппоненты подобного подхода, наоборот, видят в изменении графики национального шрифта не только шаг в сторону от России, но и опосредованное влияние на соседей – Таджикистан, где набирает обороты идея перехода на персидско-арабскую вязь, и Киргизию, также принимающую подзаконные акты, урезающие права русского языка.

КИРИЛЛИЦА ИЛИ АРАБСКАЯ ВЯЗЬ?

В Таджикистане языковых реформ нет. Страна пишет на кириллице. И потому здесь острее, чем в Казахстане, идут научные и общественные дискуссии о том, стоит ли молодому государству отказать от кириллицы и перейти на исторический для таджиков шрифт – арабскую вязь.

Историк Сайфулло Муллоджанов из Национальной академии наук РТ свободно говорит на родном языке, но вот научные труды пишет на русском.

– У меня таджикский язык советского времени, – объясняет он. – В быту нет проблем, а вот как принесут современный текст – с арабскими или религиозными терминами, с устаревшими таджикскими словами, я сажусь за словарь. Иногда родной перевожу как иностранный. Впрочем, с точки зрения ученого, проблема расширения влияния таджикского языка на культуру и менталитет таджиков за счет арабской культуры и языка – это закономерно. Ненормально то, как это делается.

– Мне трудно читать таджикские газеты, – признает Сайфулло Муллоджанов, – я понимаю далеко не всю телевизионную речь на таджикском. Иногда даже думаю: «А на моем ли языке идут новости?»

Интенсивность арабизации таджикского языка такова, что за ее темпами не успевают даже ученые. Таджикистан за последние сто лет дважды менял письменность. Первый раз в 1929 году, когда республика отказалась от арабской вязи в пользу латиницы. А в 1940 году таджики, как и казахи, перешли на кириллицу. И у них тоже всеобщая грамотность наступила с приходом кириллицы и русского языка. Первые призывы вернуться к арабской вязи прозвучали в 2000-м из уст интеллигенции, когда к таджикам даже в горные аулы пришло радио Ирана, а затем массовая и религиозная литература на арабском языке. С 2005 года, когда начались переговоры между Афганистаном, Ираном и

Таджикистаном о создании единого телевизионного персоязычного канала, острота дискуссий перешла в социальные сети, на базары и улицы. Одни боятся прихода радикального ислама с «иранским телевизором», другие – отсутствия доступа к изучению русского языка, который нужен для работы в России 42 процентам трудоспособного населения республики.

Историк Муллоджанов считает, что вопрос о таджикском алфавите излишне политизирован и мифологизирован. Все, с его точки зрения, гораздо жестче.

– Перейти на арабскую вязь в обозримом будущем невозможно, – считает Сайфулло Муллоджанов. – Вся научная и государственная база за последние семьдесят лет строилась на основе кириллицы. Только на издание учебников и подготовку учителей потребуются сотни миллионов долларов. У Таджикистана таких средств нет. Надеяться на внешнюю финансовую поддержку – это значит ставить под вопрос независимость. А от кого зависеть – вопрос выбора графики. После официального заявления президента Таджикистана Эмомали Рахмона о том, что перехода на арабскую вязь не будет, страна взяла курс на языковую модель Армении и Грузии, которые в советские годы параллельно развивали две системы графических знаков – национальную и кириллицу. Душанбе тоже развивает кириллицу и арабскую вязь, но арабская графика – факультативна для изучения, что вызывает все большее недовольство части интеллигенции. В пример приводятся соседний Казахстан, где уже заработала госкомиссия по вопросу перехода на латинский шрифт, и Киргизия, где принимаются новые подзаконные акты, переводящие русский язык из статуса официального в статус языка межнационального общения. Весной 2013 года в Киргизии вступил в силу указ президента Алмазбека Атанбаева, по которому все законы, включая нормативные акты местных органов власти, будут писаться на госу-

ЕВГЕНИЙ ГЛАДКОЕ

дарственном (киргизском) языке. То есть русскоязычный гражданин – а в республике проживает около 70 национальностей, – не говорящий по-киргизски, фактически оказывается вне гражданского общества.

– Принятый указ через три-пять лет может поставить точку в статусе русского языка как официального и используемого в качестве разговорного, – считает председатель Русского объединительного союза соотечественников Киргизии Александр Иванов. – Негласная многолетняя политика вытеснения русского языка из многих сфер жизни уже привела к тому, что на русском языке не говорят и не ведут делопроизводство в пяти из семи областей республики, за исключением Чуйской и Иссык-Кульской. Конечно, киргизский как государственный язык нуждается в особом развитии, но это не должно происходить за счет ограничения официального статуса русского языка. Русский и киргизский должны помогать друг другу и стране развиваться. Но, по сути, киргизский язык искусственно теснит русский.

Так, в Киргизии тоже набирает обороты языковая политика, старт которой дал Казахстан и подхватил Таджикистан. Поскольку в последнем меньше все-

го русскоговорящих, то ее плоды уже созрели. В Душанбе всюду слышна русская речь, что создает впечатление востребованности русского языка, но стоит за километр отъехать от столицы, попадаешь в другой мир – там никто не знает русского.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Итак, начавшийся переход Казахстана с кириллицы на латиницу, возвращение арабской вязи в Таджикистан и сужение прав русского языка в Киргизии постепенно снижают статус русского языка в Средней Азии. Одновременно меняется и природа общего духовного и культурного пространства создаваемого Евразийского союза. Причем настолько, что филологи и лингвисты заговорили о процессе потери русским языком статуса местного языка Средней Азии и его медленного сползания к статусу иностранного. Ведь в связи с отъездом не только русских, но и русскоязычных из азиатских стран СНГ русский язык сужает сферу разговорного применения, а новая языковая политика азиатских партнеров по СНГ постепенно выводит его за рамки официального письма и документооборота.

– Это закономерно, что возрождается лексика классического таджикского или киргизского языков, а также религиозная лексика, – полагает заведующая сектором иранских языков Института языкознания РАН Елена Молчанова. – Ускоренный темп языковых перемен в Таджикистане, например раздражающий людей среднего и пожилого возраста, объясним. Это ответ на предыдущие годы русификации. Этот процесс замедлится. Он уже тормозится оппонентами перемен. Таджикская молодежь, например, смело внедряет в язык персидские и арабские неологизмы, а также новые русские слова, пришедшие в фарси и русский из английского языка в связи с глобализацией и интернетизацией. Другое дело – вопрос пропорций. И вот тут каждой из стран Средней Азии и Казахстану самим решать, как менять статус русского языка в их государствах. У каждой из республик он будет востребован в разной мере.

Ученые Института языкознания РАН полагают, что для азиатских стран СНГ, скорее всего, окажется полезен опыт языковой политики Китая и Южной Кореи. Там тоже в середине и в конце 90-х годов велись разговоры о возвращении национальной письменности к иероглифам. В итоге достигнут компромисс. В Корее на иероглифах пишет узкая группа специалистов-филологов. В Китае введен двойной стандарт высшего образования – на китайском (иероглифы) и английском языках. В азиатских странах СНГ роль английского или языка интеграции в мир веками выполнял русский язык. И теперь из среднеазиатских республик русский язык медленно уходит как местный и вынужден будет сменить статус – пока на первый и главный среди иностранных языков. Но это при благоприятном развитии событий и продуманной языковой и гуманитарной политике России. Если этого не будет, русский язык просто уйдет из Средней Азии с последними русскими. ■

ОФИЦЕРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ЕСЛИ БЫ ЛУЧШЕМУ КАВАЛЕРИСТУ ФРАНЦИИ ВСЕХ ВРЕМЕН КТО-ТО СКАЗАЛ, ЧТО ОДНАЖДЫ В ШТАТНОМ РАСПИСАНИИ РУССКОЙ ДИВИЗИИ ФАМИЛИЯ МЮРАТ БУДЕТ СТОЯТЬ РЯДОМ С ФАМИЛИЕЙ БАГРАТИОН, ОН БЫ РАСХОХОТАЛСЯ. ИЛИ НЕТ – ТУТ ЖЕ ЗАКОЛОЛ БЫ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА. ИЛИ НЕТ – СНАЧАЛА БЫ РАСХОХОТАЛСЯ, А ПОТОМ ЗАКОЛОЛ.

МНОЖЕСТВО ИНОСТРАННЫХ ФАМИЛИЙ В списочном составе русских вооруженных сил – штука привычная и удивления ни у кого не вызывающая. При формировании регулярной армии Петр I активно привлекал офицеров-профессионалов из Европы. Уже тогда к нам на службу потянулись британцы и немцы, как остзейские, так и континентальные. После Северной войны двинулись в Россию скандинавы. Во второй половине XVIII века рванули на восток братья-славяне из Сербии, Боснии, Черногории, Герцеговины,

а вкупе с ними – греки, венгры, силезцы. Поспешили французы-аристократы, выдавленные из своей страны революцией. Судите сами, какие имена: Гордон, Брюс, Миних, Клаузевиц, Эрдели, Милорадович, Мюнхгаузен, Остерман, принц Конде, Бенигсен, Эстерхази, Витгенштейн, Винцингероде, Дибич, Сен-При, Ланжерон, Шевич, принц Нассау, Де Рибас, Пален, Левенвольде...

Но и задолго до Петра, еще при великих князьях, военного счастья и карьеры искали на Руси выходцы из разных земель: те же немецкие наемники, поляки, литовцы, татары. Так что традиция имеет древние корни. Стоит оговориться, традиция эта – вовсе не плод русской военной мысли и практики. Довольно одного примера: Блюхер, Шарнхорст и Гнейзенау, три военачальника прусской армии в 1813–1815 годах, приведшие ее вкупе с русскими и англичанами к победе над наполеоновской Францией, родились не в Пруссии и военную службу начинали не в этой стране.

В многотысячной шеренге русских офицеров-иностранцев особняком стоят выходцы из далеких от России, а то и вовсе экзотических стран. А также – представители фамилий, которые, казалось бы, с Русской армией никак не «монтируются».

Великий князь Михаил Александрович с офицерами Дикой дивизии. 1914 год

ФРАНЦУЗ

Да, маршал Франции, зять Наполеона Бонапарта Иохим Мюрат вряд ли мог себе представить, что его правнук, носивший помимо знаменитой фамилии не менее знаменитое имя – Наполеон, вступит в русскую военную службу поручиком лейб-гвардии Конного полка и в 1904 году отправится на русско-японскую войну. Кавалерийским генам прадеда Луи-Наполеон, как видно, не изменил. Службу на войне продолжил во... 2-м Дагестанском конном полку. Казалось бы, нонсенс? Но французом принц Мюрат был лишь наполовину. В его венах также текла кавказская кровь. Отец Ахилл Мюрат женился в 1868 году на мегрельской светлейшей княжне Саломее Дадияни, в 1872 году родил второго сына, которого и назвал Луи-Наполеоном. С русско-японской войны Мюрат возвратился с шестью боевыми орденами и боевым же ранением. Вернулся в Конную гвардию, вышел в отставку в чине ротмистра в 1908 году. Но без армии выдержал 18 дней. Далее была должность помощника заведующего курсом обучения в Офицерской кавалерийской школе.

3 января 1911 года «Петербургская газета» сообщила, что «у полковника Офицерской кавалерийской школы принца Наполеона Мюрата состоялся блестящий вечер, устроенный в честь...» и так далее. Это был один из последних светских сюжетов в его биографии. Вскоре от миллионного состояния не осталось ничего, и в том же году Мюрат выехал в США. Но едва в России летом 1914 года объявили мобилизацию, полковник тут же вернулся в строй. Его зачислили в кадр формируемой Дикой дивизии (официально – Кавказская туземная конная дивизия), в Ингушский конный полк. Это воинское соединение настолько необычно, что о нем стоит сказать подробнее. Дивизия, позже преобразованная в корпус, была полностью добровольческой. Понятно, что командовали кадровые офицеры, но всадники шли на службу исключительно по собственному желанию. По законам империи местные жители Кавказа и Средней Азии под армейский призыв не попадали. Добровольческий принцип и стал той основой, благодаря которой Дикая дивизия очень быстро превратилась в одну из лучших в Русской армии. Хватало, конечно, эксцессов, связанных с менталитетом всадников, служивших в Кабардинском, Дагестанском, Татарском (азербайджанцы), Чеченском, Черкесском и Ингушском полках. Довольно сказать, что рядовые всадники обращались даже к старшим офицерам на «ты». А командиром дивизии был, на минуточку, младший брат императора, великий князь Михаил Александрович.

Осенью 1914 года дивизия еще не успела прибыть на передовую, а по ту сторону линии фронта уже бесновались: «идут конники из глубин Азии, режут всех подряд, питаются мясом годовалых младенцев...» Вовсю работала австрийская пропаганда. Но куда больший эффект принесла истинная боевая работа дивизии. Не младенцы, а австрийские солдаты боялись ее пуще дьявола. Результат – свыше 3500 всадников награждены знаком отличия ордена Святого Георгия (солдатским Георгиевским крестом), ордена заслужили все без исключения офицеры дивизии.

Мюрат служил славно. Но в боях за Карпаты на стыке 1914 и 1915 годов получил не только орден Святого Владимира 3-й степени, но и сильнейшее обморожение ног. Крепился сколько мог, но все-таки был откомандирован в тыл, в зна-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сотник 2-го Дагестанского конного полка принц Наполеон Мюрат. Портрет середины 1900-х годов

комую уже Офицерскую школу. Некоторые источники сообщают, что в 1916 году полковник Мюрат получил под команду 12-й Стародубовский драгунский полк. Однако согласно другим документам в этот период полком командовали иные начальники. А сам Наполеон Ахиллович находился в Тифлисе в распоряжении главного Кавказской армии. То есть под рукой у дяди русского императора великого князя Николая Николаевича. Дальше была эмиграция в 1917 году. Остаток жизни генерал-майор Русской армии принц Наполеон

Мюрат прожил во Франции, в Ницце. До смерти в 1943 году отличался необычайной силой, легко гнул монеты, а вот ходить с каждым годом становилось все труднее. Сказывалось карпатское обморожение, приведшее в итоге к ампутации ног.

Под начало князя Багратиона принц Мюрат попадал дважды. Сначала – в Офицерской кавалерийской школе, где Дмитрий Петрович занимал должность помощника начальника. Затем – в Первую мировую, в Дикой дивизии. Пока грузин-француз находился в дивизии, он, казалось бы, напрямую подчиняться просто грузину не должен был. Ингушский полк входил в 3-ю бригаду, Багратион командовал 1-й бригадой. Но в сентябре 1915-го князь вступил в должность временно исполняющего обязанности командира дивизии. Всего-то на неделю. Однако в сентябре 1915-го принц еще был в полку.

К слову, в отличие от Мюрата, избежавшего участия в Гражданской войне, Багратиона в нее втянули. Уже в 1918 году он вступил в Красную армию. Правда, не воевал. Преподавал, заведовал управлением по части конского состава. Вскоре – в 1919 году – умер.

ШВЕЙЦАРЕЦ

Лефорт – слово давно уже почти русское. А в топонимике Москвы так и вовсе родное. Район Лефортово, Лефортовский парк, Лефортовская набережная, Лефортовский тоннель...

Франц Яковлевич Лефорт – ближайший друг и сподвижник Петра Великого. Так, по крайней мере, высказался сам царь после кончины генерал-адмирала. Змей-искуситель молодого Петра. Талантливый управленец, толковый дипломат, смелый офицер. Неизменный герой второго плана многочисленных художественных фильмов о первом русском императоре, постоянно затмеваемый волею авторов образом Александра Даниловича Меншикова. Справедливость требует внести ясность: звезда Данилыча направилась к зениту только после того, как Франц Яковлевич отошел в мир иной. Более того, никогда Меншиков не имел такого же влияния

на царя, как Лефорт. Только швейцарцу да царице Екатерине удавалось без особых последствий гасить гнев вспыльчивого государя. В воспоминаниях царева механика Андрея Нартова описан эпизод, когда жертвой Петра едва не стал сам Лефорт. Государь разбирался со своими военачальниками по поводу продажи офицерских мест в полках и после нелепого возражения генерала Шеина впал в ярость. Вытащил шпагу и стал махать ею вокруг себя. Слегка зацепил князя-кесаря Ромодановского, шута Зотова, уже было дотянулся до Шеина, но тут его обхватил Лефорт. Царь оттолкнул Франца и ударил шпагой. Несмотря на рану, Лефорт продолжал утешать Петра, зная: насколько он вспыльчив, настолько и отходчив. И царь успокоился. А после публично извинился перед швейцарцем. К слову, от кровавой казни царевны Софьи удержал Петра все тот же Лефорт.

Мы настолько привыкли к однобокому образу Франца Яковлевича, весельчака, улыбчивого развлекателя и собутыльника, что даже будто неловко говорить о нем на полном серьезе. Потому, видать, и не задаемся вопросами: откуда и когда он, собственно, взялся на русской земле?

Взялся он из Швейцарии, из города Женевы, где родился в 1655 или 1656 годах. Приставка «Ле» к фамилии в данном случае о принадлежности к дворянству не говорит. Франц – выходец из семьи торговцев. К делу отца никакой тяги не имел, хотя и учился первоначально гражданской профессии в Женевском коллегийуме. Сейчас сказали бы – в техникуме. Продолжил торговое образование в Марселе, но надолго его не хватило, и Лефорт поступил на службу в голландскую армию.

Опять-таки миф, будто бы был Франц сибаритом, изнеженным светским львом. На самом деле он мало уступал Петру в росте и физической силе. Являл собой, скорее, тип мачо и уж точно не был вечно расслабленным инфантилом. В армии курляндского герцога Фридриха-Казимира обрел необходимые навыки. Стал отменным стрелком, фехтовальщиком и кавалеристом. В один прекрасный день сослуживец посоветовал Лефорту отправиться в Московию. Там, мол, на офицеров большой спрос.

Спрос-то был, но войны не было. И капитан Лефорт осел сначала при датском посольстве в Первопрестольной, затем перевелся командиром роты в киевский гарнизон. Тут-то и получил первый боевой опыт в стычках с крымчаками. В 1687 и 1689 годах швейцарец, уже подполковником, участвовал в Крымских походах фаворита царевны Софьи – князя Василия Голицына. Походы не задались, но Лефорт оказался на высоте. И вот только после второго похода, прожив в России более десятка лет, он сблизился с юным царем Петром. К этому времени Франц выучил русский, женился и прочно связал судьбу с новой ро-

диной. Отношения наладились быстро, чему свидетельством – генерал-майорский чин, полученный от царя в 1690 году.

Если вспомнить, что Франц Яковлевич умер в 1699-м, то выходит, на дружбу и сотрудничество с будущим русским императором Бог отпустил ему всего-то девять лет. Эти годы вместили многое: совместные путешествия по России и за границу, Азовские походы, первый опыт в строительстве кораблей. Может быть, главное: перестройку «потешных» рот в полноценные пехотные полки – Преображенский и Семеновский, ставшие основой для новой царевой армии. Петр очень высоко оценивал участие Лефорта в реформировании войска. Тем более что швейцарец штабным «моментом» не был. В одном из «потешных» сражений получил пороховой заряд в лицо, однако довел атаку до победного конца. А в Азовском походе вел солдат на стены и лично пленил турецкое знамя.

Сослагательное наклонение – не исторический метод, но кто знает, как сложилось бы для России начало Северной войны со шведами под Нарвой осенью 1700 года, остался бы Лефорт жить. На похоронах друга Петр заключил речь такими словами: «Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив, и по смерти понесу ее с собою в гроб».

ШОТЛАНДЕЦ

Ильфо-петровские старички из Черноморска и спорить бы не стали с тем, что Патрик Гордон – это голова. И Яков Брюс – это голова. И Барклай. По поводу первого командира лейб-гвардии Семеновского полка – тоже шотландца – Чамберса могли и усомниться. А вот про Пола Джонса, скорее всего, слыхом не слыхивали. Даром что жили на Черном море, где завершил военно-морскую карьеру русский контр-адмирал из Шотландии.

А начал он эту карьеру при весьма пикантных обстоятельствах и ох как далеко от берегов России. Родившись в 1747 году в бедной шотландской семье, амбициозный парнишка за восемь лет вырос из 13-летнего юнги в 21-летнего патентованного капитана. И возить бы ему грузы туда-сюда, если б не семейное горе, обернувшееся для Пола большой

удачей. В американской Виргинии умер старший брат и оставил наследство – небольшую ферму. Джонс сошел на берег и превратился в плантатора. А тут – война, та самая, та самая, за независимость Штатов от Британии. Какой же американский шотландец устоит?

Джонс воевал своеобразно. Ежели выбирать выражения, то – партизанил. А ежели нет – то попросту пиратствовал. К 1775 году у него уже сформировалась небольшая эскадра из шести кораблей, и грабил он теперь непосредственно

Франц Яковлевич Лефорт

Джон Пол Джонс

у берегов Англии. А базировался – во французских портах. Надо признать, в славе он сравнился с великим пиратом Дрейком и оставил далеко позади Черную Бороду и легендарного Флинта. Звали его не иначе как Черный Корсар. Джонс не только нападал на суда в открытом море, но и успешно покушался на приморские города. Однажды покусился даже на Ливерпуль. Набеги Черного Корсара продолжались вплоть до 1780 года. Сколотивший приличное состояние, лично награжденный французским королем Людовиком XVI золотым оружием, Джонс остался жить в Европе, в собственном парижском доме. Здесь и получил письмо от русской императрицы Екатерины II с заманчивым предложением – служить на русском военном флоте. Заскучавший было корсар принял предложение, а вместе с ним и патент на контр-адмиральский чин. И сразу после аудиенции в Петербурге отправился на Черное море командовать парусной эскадрой. Шла очередная русско-турецкая война...

Главком Потемкин принял весть о преображении пирата в адмирала благосклонно. На сообщение императрицы ответил, что «нетерпеливо ожидает Поля Жонеса». И в первых же сражениях Джонс надежды оправдал. Сражались его парусники борт о борт с гребными судами под началом другого адмирала-иностранца – принца Нассау-Зигена, который, в отличие от большинства флотских офицеров, изначально против шотландца ничего не имел. Однако первые же морские сражения в июне 1788 года, завершившиеся к чести обоих русских адмиралов успехом, привели к обострению личных отношений. Масла в огонь подлил и сам «Жонес», позволяя себе разнообразные экстравагантные выходки. Так, после первого боя с турками он, наслышанный о казаках-запорожцах, отправился в их лагерь. В то время отношения с казаками у Петербурга были сложные. Не являлось секретом, что часть из них сражается на стороне турок. Недоверие Екатерины имело под собой основание. Неслучайно спустя несколько лет запорожцев отправили на Черноморское побережье Кавказа на вечное поселение и службу. Вряд ли Джонс был знаком с такими политическими тонкостями и, ничтоже сумняшеся, согласился быть принятым в казаки. Получил из рук атамана Сидора Билого кривую саблю и соответствующие положению шаровары. Позже он любил щеголять в казацкой одежде на палубе своего флагмана, чем шокировал собственных офицеров. И все же Джонс оставался Джонсом, опытным и хитрым моряком. Пока в лагере казаки гуляли во славу новоиспеченного запорожца, тот провел ночную разведку гавани у мощной турецкой крепости Очаков. Заодно и нахулиганил: смолой расписался на борту турецкого флагмана, добавив недвусмысленный глагол «Сжечь!».

Последовавшее сражение на Лимане привело к полной победе русских эскадр. Для сравнения: турок погибло свыше 6 тысяч, русских – 18 человек. Джонс в награду получил орден Святой Анны 1-й степени.

Однако отношения с принцем Нассау, очень уважительным к любимцу Потемкина – Суворову, начали портиться стремительно. Светлейший также встал на сторону принца. В Петербург полетели донесения, в которых Джонса аккуратно, но последовательно поругивали. Точку в короткой карьере поставило резюме Потемкина: «не зная языка, ни приказать, ни

выслушать не может... Как пират он годен, но начальствовать не умеет». Екатерина смирилась, ответив, что найдет применение Черному Корсару в столице. Но и на Неве у Джонса как-то не задалось. Видать, из южного далека Светлейший дал наказ своим людям в Петербурге довести дело до конца. Они и постарались. Контр-адмирала обвинили в уголовном преступлении, и он спешно покинул Россию.

Пол Джонс умер в Париже в 1792 году. Спустя шестьдесят лет железный гроб, в котором покоились останки корсара, пропитанные согласно его завещанию коньяком, перевезли в Северо-Американские Соединенные Штаты. В нынешних США Джонса до сих пор почитают за основателя американского военно-морского флота. Сдается, не нашлось за океаном своего Ушакова.

ИСПАНЕЦ

В течение XIX века Испанию сотрясали две династические войны. Название они получили по имени одного из претендентов на престол, Дона Карлоса Бурбона. Карлисты проиграли обе драки. После второй Карлистской войны, 1872–1876 годов, многие сторонники внука Дона Карлоса, выступавшего под именем Карла VII, вынуждены были эмигрировать. Но сын претендента на престол Карлоса Младшего, Дон Хайме Бурбон, герцог Мадридский и Анжуйский, родился до войны, в 1870 году, и, похоже, не в Испании, а в швейцарском Веве. Позволю себе не называть принца полным именем, так как оно состоит из 30 имен.

Принц Дон Хайме Бурбон. Портрет работы Анри Жаки. Начало XX века

К концу века Бурбоны окончательно запутали Европу в своих династических притязаниях. Похоже, и сами запутались. В результате единственный сын мадридского герцога оказался в Австро-Венгрии, где правили Габсбурги, имевшие виды на испанский престол. Но к мальчику отнеслись снисходительно. Он окончил Австрийскую военную академию и в 1896 году прибыл на службу... в Россию. Почему именно в Россию – еще предстоит узнать, хотя испанский принц не слишком себя афишировал.

Дон Хайме поступил подпоручиком в 24-й Лубенский драгунский полк. В энциклопедиях частенько ошибочно пишут о том, что испанец начал службу в 8-м Лубенском гусарском. Но дело в том, что император Александр III при реформе кавалерии перевел всех армейских гусар и улан в драгуны. Обратный процесс случился уже при Николае II, в 1907 году.

Спустя полтора года – перевод в гвардию, в гродненские гусары. В 1900 году случился Китайский поход, известный как Боксерское восстание. Принц написал рапорт и отправился в Китай добровольцем. Вернулся кавалером двух орденов. На русско-японскую войну испанский инфант отправился тоже добровольно. Гвардейские полки в этой войне участия не принимали.

По всему видно, нрава он был строгого и чувством собственного достоинства не обижен. Ничего не просил у сильных, служил и воевал как положено офицеру. Так бы оно и продолжалось дальше, но в 1909 году умер его отец, еще еще претендовавший на испанский трон. Теперь претендентом по карлистской линии стал Дон Хайме. А этот статус со службой в чужой армии был несовместим. Сохранился портрет герцога Мадридского перед выходом в отставку. Он в полковничьем мундире с тремя русскими боевыми орденами. Знак ордена Святой Анны 4-й степени на портрете не разглядеть. Он крепился на эфес шашки. Остается гадать, кто на портрете: еще герцог Дон Хайме или уже претендент на испанский и французский троны Хайме III, он же Жак I? На художественных аукционах портрет, принадлежащий кисти Анри Жаки, датируется неопределенно: начало XX века.

ТАИЛАНДЕЦ

В 1868 году к власти в Сиаме (Таиланде) пришел король Рама V. Его охотно сравнивают с нашим Петром Великим по той причине, что властитель задумал провести в своей стране коренные преобразования и вывести ее из средневекового состояния. Король, что называется, открыл двери Сиаму Европе. Да и сам с удовольствием предпринял путешествие на Запад. В 1890 году в рамках большого турне цесаревича Николая Александровича по Юго-Восточной Азии запланировали и визит цесаревича в Бангкок. Николай и Рама встретились, остались довольны знакомством и порешили дружить странами.

Когда Николай взошел на престол, Рама сделал и первые практические шаги. А именно: в 1897 году сам посетил Петербург, а годом позже отправил в русскую столицу своего сына принца Чакробонга учиться в Пажеском корпусе. Вместе с принцем прибыл еще один юноша, по имени Пум.

Учиться тайцам было непросто. Поблажек не было, познавать науки приходилось на русском языке, который осваивали параллельно. Тем не менее Чакробонг окончил

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Его высочество принц Сиамский Чакробонг в наряде копейщика Стрелецкого полка на костюмированном балу в Зимнем дворце. 1903 год

курс первым вместе с будущей «Золотой шашкой России» графом Келлером, набрав 11,75 балла из 12 возможных. Фамилию принца выбили на мраморной доске в корпусе. Принц вышел корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк. Воевать за Россию принц не воевал, в годы русско-японской войны учился в Николаевской академии Генерального штаба. Тем удивительнее история его любви и женитьбы в России. В спутницы он выбрал 17-летнюю Екатерину Десницкую, сироту, учившуюся сестринскому делу в Киеве, в госпитале, патронируемом вдовствующей императрицей Марией Федоровной. После курсов Десницкая отправилась

на войну. Вернулась с солдатским Георгием. В 1906 году принц и Катя обвенчались в Стамбуле по греко-православному обряду и отбыли на родину Чакробонга. В следующий и последний раз полковник Русской армии, кавалер ордена Андрея Первозванного принц Чакробонг и его супруга навестили Россию в 1911 году, после того как побывали в Лондоне на коронации короля Георга V. Нельзя сказать, что сиамский двор и сам Рама V были рады выбору второго сына. Особенно после того, как старший сын умер и Чакробонг стал наследным принцем. Узел развязал сам гусарский полковник. Он завел роман на стороне. Десницкая-Чакробонг отличалась твердым характером: добила развод, сохранив при этом титул. Затем вышла замуж за американца с запоминающейся фамилией Смит. Правда, уже после неожиданной смерти Чакробонга в 1921 году. Сама принцесса ушла из жизни в Париже в 1960-м.

Куда более энергично в военном отношении сложилась судьба Най-Пума, прибывшего в Россию вместе с принцем. Он также осилил курс Пажеского корпуса и вышел по 1-му разряду в лейб-гусары в 1902 году. Существует версия, что Най после женитьбы Чакробонга вернуться на родину уже не мог. Вернее, мог, но это было бы равносильно самоубийству. Ведь именно ему досталась обязанность уберегать принца от соблазнов. Не уберег – значит, на кол. Най-Пум принял самое разумное решение: остаться в России, принять подданство и крещение и служить на благо новой родины. Что с успехом и выполнил. Крестным отцом ему стал император Николай II. Поэтому-то Пум и превратился в Николая Николаевича. Кстати, в пажах Най был прикомандирован к вдовствующей императрице. Такую честь, равно как и наличие такого крестного в Петербурге, объяснили за глаза тем, что Пум, скорее всего, внебрачный сын короля. А если не короля, то одного из его братьев.

Най-Пум (крайний справа)
среди гусар в Царском Селе.
Дама в середине – А.А. Вырубова.
1910 год

полковника. Эмигрировал из России в 1918 году во Францию вместе с женой Елизаветой Ивановной Храповицкой (по первому мужу, тоже гусарскому полковнику). По крайней мере, так утверждают во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, где имеется письмо внуки Чакробонга на сей счет.

ПОЛИНЕЗИЕЦ

Что такого уж экзотического в истории сиамского гусара Най-Пума по сравнению с историей родившегося во Французской Полинезии фельдфебеля авиаотряда Русской императорской армии Марселя Пля?

Фельдфебелем Пля стал, разумеется, не сразу. В 1907 году мальчиком он оказался в России вместе с матерью, профессиональной няней. Дата рождения Марселя неизвестна, но можно предположить, что родился он в первой половине 90-х годов XIX века, так как призвали его на фронт Первой мировой до 1916 года. Сначала – в автомобильные войска, затем перевели в авиацию. Причем в бомбардировочную, которая состояла из созданных Сикорским «Муромцев».

Раз Полинезия Французская, то Пля должен был бы служить во французской армии. Но осел он в России крепко, по свидетельству журналиста из «Огонька», беседовавшего с ним в 1916 году, по-русски говорил бегло, да еще и женился на русской девушке, стал отцом. Так что резоны защищать новую родину у Марселя были. А защищал он ее отменно. На счету полинезийца два удивительных подвига. 13 апреля 1916 года «Муромец», на котором в составе экипажа летал Пля, отправился на задание – разбомбить железнодорожную станцию Даудзевас. Бомбы сбросить успели, но попали под бешеный зенитный огонь немцев. Потом, когда приземлились, насчитали более 70 пробоин. После двух особенно мощных попаданий самолет закрутило спиралью. Заклинило четвертый двигатель. Чудом второй пилот вывел самолет на горизонтальный полет.

Марсель Пля

лагалась на открытой площадке, и стрелка обдувало ветром изрядно. Но Пля сообщил конструкторам о другой проблеме: при смене коридора высоты хвост трясет так, что трудно выцеливать. А кроме того, при стрельбе сильно мешает сиденье, и лучше бы его делать складным. Сикорский прислушался.

После окончания Первой мировой войны, позорного Брест-Литовского мира и оккупации немцами Украины, где базировались «Муромцы», удалось вывезти вглубь России, в Сарапул, 15 машин. Ну, и летный состав, конечно. При формировании отряда красных бомбардировщиков Марселя Пля среди летчиков обнаружено не было. Куда делся героический полинезиец после 1916 года – неизвестно.

Вернемся к французам. Удивляться, хохотать и орудовать саблями пришлось бы не только маршалу Иоахиму Мюрату. Хотя точно предугадать реакцию самого Наполеона Бонапарта весьма затруднительно. В 1864 году на свет появился Луи-Наполеон. Внук Жерома Бонапарта, младшего брата французского императора. После перипетий, связанных со сменой политических режимов во Франции, Луи в 1889 году принимает приглашение Александра III поступить в русскую военную службу подполковником Нижегородского драгунского полка, в котором когда-то служил автор бессмертного «Бородина». Спустя три года за усердие, проявленное в изучении русского языка, получает приказ о переводе в гвардию и чин полковника. С 1902 года служит на Кавказе, командует Кавказской кавалерийской дивизией, подавляет волнения в Первую русскую революцию. Первую мировую генерал встретил во Франции и получил назначение от Николая II представлять в Генеральном штабе итальянской армии. Есть намеки, что в Гражданскую войну генерал Луи-Наполеон вновь объявился на Кавказе в рядах белой армии. Но документальных свидетельств тому нет. Зато известно, что генерал Русской армии Бонапарт умер в 1932 году в родовом поместье 68 лет от роду.

ДОСТАТЬ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

АВТОР

ЕЛЕНА КУДРЯВЦЕВА

В ИЮНЕ ОТКРЫЛСЯ НОВЫЙ СЕЗОН САМОГО МАСШТАБНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА РОССИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ. УЧЕНЫЕ ПОЛНЫ НАДЕЖД: НОВГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ УЖЕ НЕ РАЗ ПЕРЕВОРАЧИВАЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТОМ, КАК ЖИЛА СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ.

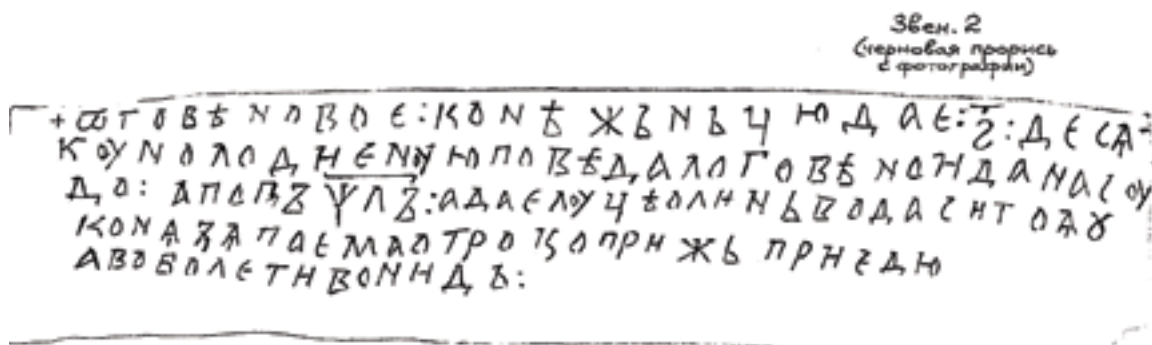
...БЕРЕСТЯНАЯ грамота – небольшое, размером с ладонь, письмо, нацарапанное на внутренней стороне березовой коры. Чаще всего его находят в скрученном виде, как маленький свиток. Такие послания ле-

жат в толще земли, уже более тысячи лет ожидая своего читателя. Если развернуть берестяное письмо, неподготовленный человек увидит череду насечек и знаков: пробелы между словами появились в русском языке не раньше XVI–XVII веков. Разглядеть в этих насечках текст

не так просто. Именно поэтому первую музейную экспозицию, собранную еще в конце XIX века коллекционером Василием Передольским, никто всерьез и не воспринял. Когда Василий Степанович говорил, что это – «письмена предков наших», современники над ним смеялись, утверждая, что берестяные грамоты – это каракули неграмотных крестьян XIX века. Да и правда, как могли сохраниться в земле письма, написанные несколько сотен лет назад? Одно дело, когда речь идет о египетских свитках, покоившихся в сухом климате Африки. И вдруг Новгород с типичным для запада России вечно дождливым небом и грязью по колено. Но именно эта стопро-

РИА НОВОСТИ

центная влажность без доступа кислорода позволила храниться берестяным грамотам и прочей древней органике веками. Говорят, извлеченные здесь восьми-сотлетние бревна можно вновь использовать для строительства, а по древним уличным мостовым запросто могли бы проехать грузовики. Кстати, с веками эта чудесная сырость никуда не делась. «Раскоп в течение зимы набирает воду, и в июне перед началом сезона она стоит слоем в четыре метра, – говорит археолог, заведующий Центром по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника Сергей Трояновский. – Раньше для нас это было пыткой, так как приходилось большую часть времени проводить, откачивая маломощными насосами воду. Сейчас нам помогает городской Водоканал, который дал в пользование две мощные помпы». Первое сохранившееся берестяное письмо, найденное в 1951 году, стало сенсацией в научном мире. Это был список доходов нескольких сел, датированный XIII веком. Затем нашли берестяную роспись пушного оброка с карелов, а в третьей грамоте оказалась замечательная запись о пиве: «Поклон от Григши Есифу. Онанья прислал [человека или грамоту] со словами <...> Я ему ответил: «Не велел мне Есиф варить переvarу ни для кого». Тогда он прислал к Федосье: «Вари ты пиво. Си-дишь на выморочном участке [и] не

Письмо от Говеновой
вдовы к Неженцу.
Звенигород.
Датируется
1120–1140 годами

варишь ячмень». А дальше пошло-поехало: письмо с приказом купить корову и немецкую соль, просьба привезти медвежьи шкуры, жалоба на то, что кони потоптали пшеницу, древнерусские загадки, плач, что соседи отняли скошенное сено, просьба к жене прислать забытую рубашку, детские рисунки, любовные письма и так далее. Оказалось, вопреки традиционным представлениям о невежественной Руси население древнего Новгорода в своей основной массе было грамотным. Каждый день люди писали друг другу письма, причем их писали и женщины: матери – сыновьям, сестры – братьям, жены – мужьям. По словам бессменного начальника экспедиции, академика Валентина Янина, немая древность вдруг заговорила живым языком. Ученые и представить себе не могли такой удачи. С тех пор подавляющее число грамот – 1050 штук – обнаружено в Новгороде, но часть найдена в других городах: Старой Русе, Торжке, Смоленске, Твери... На Украине, в Звенигороде Галицком, например, найдена угроза Говеновой (от слова «го-веть») вдовы к некоему Неженцу: «Дай шестьдесят кун ладейных

(то есть за ладью или на ладью). [Так] сказал Говен перед смертью (буквально: идя на суд), а поп записывал. Дай [их] Луке. Если же не дашь, то я возьму у князя отрока и вместе [с ним] приеду – это тебе станет в большую сумму». В Витебске Степан просит Нежилу, если тот уже продал одежду, купить ему ячменя на 6 гривен. В Пскове Кюрику и Герасиму пишут Онифиму о рыночных тенденциях: «...если вы еще не торговали, то пришлите немедленно, потому что у нас [здесь] есть спрос на беличьи шкурки. А о тебе: если будешь свободен, то приезжай будь к нам – Ксинофонт нам напортил. А об этом человеке (то есть Ксинофонте): мы его не знаем; а в том воля Божья и твоя». Кстати, в Москве во время ремонтных работ на Красной площади тоже была обнаружена берестяная грамота – единственная в своем роде. Грамота содержит опись имущества некоего Турабея, сделанную, по-видимому, после его смерти. Это самое длинное берестяное послание в мире, содержащее 370 слов.

СЛОВООХОТЛИВЫЙ ЯКИМ

Если разделить количество всех найденных грамот в Новгороде на количество лет археологических раскопок, в среднем получится 10 штук за год. Правда, когда-то их не находили вообще, а когда-то «улов» оказывался в два-три раза больше среднего. Особенно результативными стали последние годы: в 2010-м

Письмо
от Григши
к Есифу.
Новгород.
Датируется
1360–1380
годами.
Раскоп
Неревский,
усадьба Б

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

были найдены 42 грамоты, а в 2012-м – 33. Это везение только отчасти можно назвать случайным. Дело в том, что археологи копают по строго определенному плану, постепенно открывая культурный слой. Кстати, представление о том, что со временем старые постройки уходят под землю, в корне неверно. Культурный слой вырастает из того, что мы бросаем на землю. В Средние века это были стружки, щепки, зола, кости, черепки, стоптанная обувь, обгорелые бревна, навоз, пыль и т.д. Таким образом, древние новгородцы «намусорили» аж 7,5 метра культурного слоя. Так что для того, чтобы добраться до XI века, ученым пришлось немало покопать. Хорошая сохранность этого слоя помогла найти поистине бесценные сведения о жизни домонгольской Руси, о которой нам известно не так много. Последние десятилетия основная работа ведется на так называемом Троицком раскопе, названном по расположенной

здесь средневековой церкви. На этом месте раскопаны многоярусные мостовые древних улиц – Черницыной, Пробойной и Ярышевой. Раскоп с археологической точки зрения складывается из территорий нескольких усадеб – комплекса деревянных построек, каждой из которых археологи присваивают свою букву. «В этом году мы будем начинать новый участок Троицкого раскопа, – говорит Сергей Трояновский. – Сначала надо провести снятие поздних слоев – XX, XIX, XVIII и XVII веков. Обычно это толщина более метра. Потом будем уходить в более поздние слои. Если раскоп имеет площадь порядка 400 квадратных метров, мы проходим его за пять лет, за сезон – не более полуметра. Но иногда из-за сильных дождей не удается пройти и сорока сантиметров. И не потому, что нам не хочется работать в дождь, а потому, что слой очень быстро набирает влагу и войти в раскоп не пред-

Троицкий раскоп, на котором было найдено больше всего берестяных грамот

ставляется возможным – земля превращается в кашу». В прошлом году работа велась в усадьбе Ж, которая, по словам ученых, оказалась «самой грамотоносной». «Она лидирует среди всех новгородских усадеб, изученных за шестьдесят лет раскопок, – рассказывает участник экспедиции, лингвист, текстолог, специалист по изучению берестяных грамот профессор Алексей Гиппиус. – Здесь уже найдена почти сотня грамот, а чем больше плотность находок, происходящих от одной усадьбы, тем полнее информация, которую мы получаем. Это дает возможность увидеть жизнь в деталях и персоналиях. Усадьба Ж исследовалась в несколько заходов, и в 2012 году мы надеялись встретиться с теми же самыми людьми, чьи грамоты мы читали за два года до этого, ждали от них новых писем. Это необычайно волнующе и интересно». Надо сказать, ждали не напрасно – так, были найдены письма уже старого

на волоке, где запрашивают такую астрономическую сумму, что «изумелась есве» («мы были просто изумлены такими запросами»).

Комплекс семейных писем уникален прежде всего тем, что по нему можно проследить словесные привычки одного человека, его приемы, стиль, а значит, более достоверно воссоздать тот мир, в котором путешествовали берестяные грамоты. Кстати, воссоздание не просто языка, а целых коммуникативных ситуаций древних текстов – новое направление в лингвистике.

ДРЕВНЕРУССКИЙ МЕТАТЕКСТ

Исследование коммуникативных систем древнего времени в каком-то смысле передний край современной гуманитарной науки. С этой точки зрения очень интересно понять, частью какой системы являлись берестяные грамоты, какую роль они играли в жизни общества и как влияли на эту жизнь. «Когда мы называем берестяные грамоты письмами, мы невольно представляем наше современное письмо, – говорит Алексей Гиппиус. – Хотя что такое современное письмо, сказать уже довольно трудно. Двадцать лет назад письмо писали от руки и несли на почту. Теперь мы его набираем на компьютере и через минуту получаем ответ. Так что наполнение этого понятия изменилось на глазах, что уж говорить о событиях тысячелетней давности! Но тем не менее оказывается, что в каких-то своих эпистолярных привычках древние новгородцы были на удивление близки нам – жителям XXI века». И это сходство не случайно. Новгородская берестяная почта была не чем иным, как «службой коротких сообщений» – а ведь именно так расшифровывается знакомое нам сокращение SMS (Short Messaging Service).

«Иногда мы обнаруживаем совершенно неожиданное сходство берестяных грамот с электронным письмом, – продолжа-

знакового Якима. В 2010 году было известно около 20 грамот, написанных его рукой, сейчас их количество возросло до 37. Вначале это были в основном маленькие записочки, имевшие отношение к церковным делам: письмо о покупке лампадного масла, выплаты за монашеские клобуки и так далее. Казалось, Яким – какой-то церковный человек, может быть, эконо́м монастыря. «И вот начинается новый сезон, и мы получаем от него новые письма, которые оказываются большими грамотами хозяйственного содержания, – рассказывает Алексей Гиппиус. – Из них следует, что Яким был управляющим богатейшего боярского семейства и ведал огромными денежны-

ми суммами! Одна из этих грамот упоминает 3 тысячи беличьих шкурок и сумму порядка 100 гривен (учитывая, что корова тогда стоила гривну, это очень большие деньги). Так что, если бы не новые письма, наше представление об этом человеке было бы искаженным».

Другой удачей тех же двух сезонов стала находка переписки целой купеческой семьи: 7 писем, которые некий Лука и его брат писали своему отцу в середине XII века. В одном из них Лука сообщает, что они с братом посылают отцу вино из Великих Лук, а с ним – 30 стеклянных сосудов. А на обороте другим почерком дописано, что «по кособору просят по 15 кун», то есть, по-видимому, речь идет о ценах

Письмо
от Якима
к Нестеру.
Новгород.
Датируется
1100–1120
годами.
Раскоп
Неревский,
усадьба А

Профессор
Алексей Гиппиус

РИА НОВОСТИ

ет Алексей Гиппиус. – Когда мы пишем такое письмо, то можем добавить дополнительного адресата и с какого-то момента обращаться уже к нему. Это трудно себе представить в традиционном письме, которое чаще всего обращено к одному адресату. А в древнерусских посланиях по ходу письма адресат может меняться, иногда даже несколько раз». Так, в одном из писем к матери посадник Онцифир Лукинич в середине текста вдруг говорит: «А ты, Нестер, сообщи мне о том-то». Нестер – это управляющий, который вслед за этим снова упоминается в третьем лице. А другое письмо вроде бы целиком обращено к матери, но из текста видно, что адресатом части инструкций является в действительности тот же Нестер. «Это мы ломаем голову, потому что находимся вне ситуации. А сами участники берестяной переписки могли без труда понять, кому адресован сыновний поклон, а кому – указание пойти купить коня, – объясняет Алексей Гиппиус. – За этим стоит более непосредственное ощущение письма как механизма, напрямую связывающего

людей. То есть письмо пишется так, как если бы автор общался с адресатами устно, в их присутствии, обращаясь то к одному, то к другому». В связи с этим ученые считают, что письма были принято зачитывать вслух, и это делало очень значимой фигуру того человека, который письмо доставлял. Естественно, никакой централизованной почты не было, так что чаще всего функцию почтальона выполнял слуга или раб. Есть случаи, когда на одном листе написаны два письма, адресованные разным людям. Иногда посыльный отправлялся к адресату с некоторой устной информацией, а грамота исполняла роль письменной санкции устного сообщения. Например, был найден такой текст: «Дай этому то, что он тебе сказал». И сначала не могли понять, что же это означает. Пока не поняли, что «этот» – это податель письма.

ХОРОШО ОТКРЫТОЕ СТАРОЕ

Особо ученые ждут находок грамот, которые позволяют понять, что означает то или иное «уникальное» слово или словосочетание. «В некоторых грамотах мы встречали довольно инте-

ресный оборот: «пришли мне такую же весть», – продолжает Алексей Гиппиус. – Что значат эти слова? Выглядит немного странно. До последнего времени это оставалось загадкой. И вот наконец, сравнив несколько грамот, поняли, что это означает просто «пришли мне весть об этом». То есть «такую же» отправляет не к другой вести, а к самому факту, событию, которому сообщение должно точно соответствовать. То есть новгородцы все-таки думали немного иначе, чем мы».

Такую же радость вызывает находка кусочков уже обнаруженной ранее грамоты. Кстати, когда грамоты начали находить, перед учеными возник вопрос: почему подавляющее большинство из них представляет собой лишь часть письма, иногда три четверти, иногда еще меньше. Ответ оказался простым: древние новгородцы не хотели, чтобы кто-то видел их частную переписку, поэтому после прочтения письма более аккуратные и щепетильные граждане разрезали грамоты на мелкие кусочки, другие – надвое, а люди легкомысленные выбрасывали их целиком.

«Особенно важными для нас являются те тексты, из которых мы извлекаем что-то принципиально новое, ранее неизвестное, – рассказывает Алексей Гиппиус. – Иногда правильное прочтение приходит не сразу, а спустя годы и даже десятилетия. Например, еще в 1952 году был найден обрывок текста, где надежно читалось только одно слово: «селище». А недавно по новому цифровому снимку текст удалось прочесть целиком. И стало ясно, что грамота дошла до нас целиком. Это краткая запись: «Ильдятино селище, Терпила».

Грамота 60–70-х годов XIII века. Имя Ильдята для берестяных грамот уникально: больше оно нигде не встречается. Правда, в Новгородской летописи упоминается, что в 1268 году в Раковорской битве, где новгородцы вместе с псковичами бились с рыцарями Тевтонского ордена, было много погибших, и среди них названы Борис и Лазарь Ильдятиничи. «Так как время совпадает, ясно, что это дети того самого Ильдяты, – говорит Алексей Гиппиус. – Но что самое интересное, имя Ильдята оказалось славянизированной формой тюркского имени, его носитель явно был этническим тюрком, и при этом он владел селом под Новгородом! И он не один был такой, такими же тюрками были и два персонажа грамот из раскопок послед-

них лет: Кияс и Гюлопа. Кто были эти люди? По-видимому, какие-то выходцы из кочевых племен, например крещенные половцы, которые могли прийти в Новгород в княжеском окружении и здесь осесть. Все эти свидетельства собрались буквально за последние несколько лет, и мы теперь можем сказать, что Новгород был действительно полиэтничен».

Кстати, не только тюркские, но и сами древнерусские имена для современного человека звучат удивительно. Чего стоят только Конозой, Жизнобуд, Хотен или Кощей!

ПУТЬ ДЛИНОЮ В АЛФАВИТ

Можно предположить, что по менталитету жители средневекового Новгорода были намного ближе к нам, чем может показаться на первый взгляд. Об этом свидетельствует удивительный лаконизм берестяных грамот: жителям мегаполиса нужно думать быстро, а изъясняться – коротко. «Во многом лаконизм берестяного письма связан с тем, что он приходит на смену практике устных сообщений, – говорит Алексей Гиппиус. – Если ты посылаешь кого-то с вестью, она должна быть легко запоминающейся. Но хотя в этом отношении берестяные письма близки к скандинавской рунической традиции, мы в то же время видим в них как церковнославянское

влияние, так и опосредованное греческое. Результатом получается гибрид, когда краткий, лаконичный, устный по характеру текст может быть заключен в формульную рамку, имеющую книжное происхождение».

В одном из писем уже упомянутого Луки мы (в переводе) читаем: «От Луки и Ивана к Сновиду (вероятно, это имя отца). Мы двое живы-здоровы, уже «подпродались» (пораспродали товар), а товара греческого не купили. А ты «товарца напытай заморского» (то есть подыщи европейского товара). «С одной стороны, это прекрасный документ, иллюстрирующий торговую жизнь середины XII века, – отмечает Алексей Гиппиус. – С другой – здесь замечательно слово «подпродались». В источниках того времени такого глагола нет. Но если запросить Google, то он вдруг обнаруживается в современном жаргоне биржевых игроков. Еще в одной грамоте нам попалась фраза «потом вы двое не удивляйтесь, когда к вам придет продажник». Кто такой продажник? Ясно, что производное от слова «продажа», а продажа для того времени – это штраф за финансовые правонарушения. То есть продажник – тот, кто собирает штрафы. И опять никаких повторных фиксаций в древности. Сейчас же словом «продажник» называют менеджера по продажам. Это очень интересно, поскольку оказывается, что русский язык продолжает образовывать слова по определенным словообразовательным моделям, как сейчас, так и тысячу лет назад».

Вообще, в древнее время отношение к самому процессу написания текста, по мнению одного из главных исследователей берестяных грамот, академика Андрея Зализняка, сильно отличалось от современного. Тогда написание, то есть нанесение знаков на некую поверхность, было процессом серьезным, относящимся скорее к сакральной, нежели к повседневной сфере. Не случайно многие грамоты начинаются с креста. Знак креста долгое

РИА НОВОСТИ

время оставался неразгаданным. Думали, что это некий иероглиф, заменяющий слово «поклон». Но в итоге было доказано, что это – аналог крестного знамения, которым осеняет себя верующий человек в начале всякого важного дела.

МОНГОЛО-ТАТАРЫ И РЕДУЦИРОВАННОЕ ПАДЕНИЕ ГЛАСНЫХ

Открытие берестяных грамот стало настоящим интеллектуальным пиром для филологов. Не часто в наши времена можно найти что-то, что в корне изменит устоявшиеся теории. «Оказалось, эти документы написаны на специальном отдельном диалекте, не таком, как известные нам классические древнерусские, – рассказал Анатолий Зализняк во время лекции о языке древнего Новгорода. – Конечно, это тот же самый язык, разница была не настолько велика, чтобы затруднять понимание. Но тем не менее это был другой диалект, который мы сейчас называем древненовгородским, поскольку он совершенно явно приурочен к Новгороду и его государству». Изучение древненовгородского диалекта дало возможность пересмотреть существовавшую теорию происхождения русского языка. Долгое время считалось, что на территории древней Руси существовал единый монолитный правосточнославянский язык, который со временем распался на русский, украинский и белорусский. Но на самом деле все оказалось не так. В древние времена на территории Руси было два диалекта: один на северо-западе (Новгород, Псков, Вологда, Архангельск, Пермь), второй – на юге (будущая Украина, часть будущей Центральной России – Ростов, Суздаль и др.). Из слияния этих двух древних диалектов и образовался тот литературный русский язык, на котором мы пишем сегодня.

Второе открытие было более драматичным. Дело в том, что, когда научный мир наконец-то

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

признал грамоты подлинными, сами тексты продолжали воспринимать скептически. Считалось, что древние новгородцы писали кое-как, с ошибками, поэтому каждый исследователь трактовал и переводил непонятные ему места во многом произвольно. Так было до тех пор, пока академик Андрей Зализняк не выдвинул довольно смелую идею. Он взялся доказать, что новгородцы писали вообще без ошибок. И доказал. Понятное дело, что грамматики как формы кодификации письменного языка тогда не было, она появилась в начале XVII века. Но грамматика как свойство самого языка есть всегда: есть система падежей и спряжений, и, чтобы мы понимали друг друга, их нельзя смешивать. Таким образом, оказалось, что 90 процентов берестяных посланий написано грамотно.

«Когда мы говорим, что они писали правильно, мы имеем в виду, что берестяной текст представляет собой достаточно правильную фиксацию грамматически безошибочной речи, – говорит Алексей Гиппиус. – Кстати, не следует абсолютизировать эту правильность. Когда Андрей Анатольевич Зализняк совершил революцию в изучении берестяных грамот, он настаивал на том, что мы должны всерьез воспринимать эти тексты, не видеть в них ошибки на каждом шагу, но подходить к тексту с презумпцией того, что он написан правильно. Это позволило по-новому прочесть

Так выглядят поднятые из раскопа берестяные грамоты

множество грамот. А теперь мы уже можем себе позволить иногда и пожуричь наших авторов за ошибки. Например, уже названный Яким довольно много их делал, часто пропуская буквы, но при этом он пользуется своей графической системой и придерживается ее очень последовательно».

Интересно проследить, как на русский язык повлияло наше присутствие монголо-татар. Оказывается, почти никак. Бытующее мнение, что это монголо-татары научили ругаться русских матом, неверно. Судя по грамотам, мы прекрасно умели это делать и до них, хотя в письма такие слова попадали редко.

«Мы делим грамоты на ранние древнерусские и поздние древнерусские, и это немного не совпадает с делением на домонгольские и позднемонгольские, – объясняет Алексей Гиппиус. – Наше деление основано на чисто лингвистическом параметре. Мы наблюдаем так называемый процесс падения редуцированных гласных, принципиально изменивший фонетическую систему всех славянских языков. В 20-е годы XIII века наступает рубеж, когда он закончился, и с этого момента мы имеем дело уже с другой языковой эпохой».

Понять, о чем идет речь, можно на примере. Мы сегодня говорим *сон*, но *сна*, то есть в склонении слова представлен беглый гласный. А в древнерусском слово «сон» произносилось и записывалось как *сънъ* – с двумя буквами «еръ». Они соответствовали редуцированным звукам, которые могли находиться в двух позициях: слабой и сильной. В сильной позиции редуцированные «прояснялись» (ъ совпал с о), в слабой «упали» – прекратили произноситься. Таким образом, вся фонетическая система древнерусского языка в это время кардинальным образом преобразовалась. Но монголы тут ни при чем. Так же как они не имеют отношения и к упадку берестяной письменности.

РИА НОВОСТИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ДЕФОЛТ

Грамоты, появившись в обиходе будущих россиян в начале XI века, к середине XIII вдруг теряют популярность: их число резко идет на спад. Новый всплеск берестяной грамотности, судя по раскопкам, приходится на XIV век, а со второй половины XV столетия на Руси исчезает не только берестяная, но и вообще массовая грамотность. Этим процессам однозначного толкования пока нет. «Одно из объяснений упадка связывают с двумя голодными годами – 1215-м и 1230-м, – говорит Алексей Гиппиус. – Тогда в Новгороде были страшный мор и голод из-за неурожая, и если первый город еще как-то пережил, то в 1230-м Новгород чуть не вымер целиком. В летописи об этом сказано: «Уже был при кончине наш город».

Дело в том, что письменная активность древних новгородцев напрямую связана с экономикой. Даже по переписке можно проследить, как к началу XIII века из нее уходит «большая география» – названия не только заграничных, но и других древ-

нерусских центров. Мир сжимается до пределов Новгородской земли, и интенсивность переписки резко падает.

В XIV веке наступает экономический подъем, и для развития берестяного письма возникают новые стимулы. Замечено: если ранние грамоты толкуют чаще всего о деньгах, то поздние – в основном о земле, о размежевании участков, о повинностях и т.д.

Предположений, куда подевалась берестяная грамотность как таковая, еще больше. В качестве одной из причин называют то, что к началу XV века на Руси появляется более или менее дешевая, но не устойчивая к воздействию времени бумага, которая вытеснила бересту. Другой причиной исчезновения берестяных писем считают дренажные работы, которые проводились в Новгороде при Екатерине Великой. По оценкам специалистов, были осушены слои, относящиеся к XVI веку. Кстати, частью построенной тогда дренажной системы новгородцы пользуются по сей день. В этом году Министерство культуры поддержало инициативу

Новгородской области присвоить всему историческому центру Великого Новгорода статус «достопримечательного места», который обычно получают крупные территории с большим количеством памятников. «Это означает, что в Новгороде под охрану будет поставлено практически все: начиная с названий улиц и включая культурный слой, – говорит Сергей Трояновский. – Но уже сейчас мы стали понимать, что надо подходить к этой теме шире, так как, по последним данным, оказалось, что древние новгородцы селились и за пределами городской стены, поэтому нам предстоит большая работа».

Заниматься большой работой в Новгород едут со всего мира: в этом году здесь помимо российских будут работать студенты из США, Швеции, Польши и Белоруссии. Многие из них захотели приехать в Россию, услышав лекции об уникальной берестяной письменности академика Андрея Зализняка. Да и что может быть лучше, чем отправиться в путешествие на тысячу лет назад? ■

А.С. Грин
(1880–1932)
с ястребом Гулем

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

РОЖДЕННЫЙ ЛЕТАТЬ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

НЕСЧАСТИЙ В ЭТОЙ ЖИЗНИ ХВАТИЛО БЫ НА ДЕСЯТОК ДРУГИХ, А ОН ПИСАЛ О СЧАСТЬЕ. НЕВЕЗУЧИЙ И НЕ ОЧЕНЬ УДАЧЛИВЫЙ, ЗЛОЙ, СИЛЬНО ПЬЮЩИЙ, ОН АССОЦИИРУЕТСЯ У РУССКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ НЕ СО СВИНЦОВЫМИ МЕРЗОСТЯМИ ВО ВКУСЕ ГОРЬКОГО, А С РАДОСТЬЮ, ПОЛЕТОМ, МОРЕМ – ВООБЩЕ ЧЕМ-ТО ТАКИМ ПРЕКРАСНЫМ И ТАКИМ БЛИСТАЮЩИМ, ЧТО БЫВАЕТ ТОЛЬКО В ХОРОШИХ СНАХ. ПРОЗА АЛЕКСАНДРА ГРИНА ВООБЩЕ ПОХОЖА НА ХОРОШИЙ СОН.

А ЖИЗНЬ ЕГО, РАССКАЗАННАЯ В «Автобиографической повести», кажется сном страшным – такой липкий кошмар, из которого, как ни выпутываешься, все никак не можешь вылезти. Первая жена Грина, Вера Павловна (во втором замужестве Калицкая), писала, что в нем было два существа – Гринеvский и Грин, и они почти не смешивались друг с другом: «Если каждого из нас можно изобразить в виде ткани, в которой белая и красная нити замысловато, но довольно равномерно переплетены, то Александра Степановича следовало бы изобразить в виде двух полотнищ – красного и белого, только изредка перекрывающихся или смешивающихся друг с другом».

ШХУНА С БУШПРИТОМ И ДВУМЯ ПАРУСАМИ

Отец его, Стефан Гринеvский, по-русски Степан Евсеевич, был потомственный польский дворянин, сын богатого помещика. Еще гимназистом он участвовал в восстании 1863 года и был сослан в Томскую губернию, потом пришел пешком в Вятскую, работал бухгалтером. Он женился на Анне Лепковой, дочери коллежского секретаря. Сначала у семьи не было детей, и они взяли на воспитание подкидыша Наташу, но тут дети пошли один за другим. Александр, рожденный в 1880-м, был старшим; за ним последовали Антонина, Екатерина и Борис. Денег у Гринеvских почти не было, семья сильно нуждалась. Дети учились плохо: Антонину забрали из четвертого класса гимназии, Екатерину собирались исключить из шестого, и отец забрал ее, так что экзамены она сдавала экстерном. Александр получал сплошные пятерки по литературе, Закону Божьему и географии, но в точных науках ничего не понимал, и задачки по математике за него решал отец. Он же, увидев, что мальчик страстно интересуется охотой, купил ему, десятилетнему, ружье и научил стрелять. Охотником Саша

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Город
Слободской
Вятской
губернии,
где родился
А.С. Грин.
Фотография
начала XX века

света» и хотят убежать в Америку – вот точно как чеховские Володя и Чечевичын из «Мальчишков». «Два раза Сашу исключали за шалости, – писала Вера Калицкая, – но по просьбе отца принимали обратно. Из третьего класса исключили опять, и на этот раз хлопоты родителей не помогли». Причиной исключения стали стихи – подражание пушкинской эпиграмме: «Капустин, тощая козявка, // Засохшая былинка, травка, // Которую могу я смять, // Но не желаю рук марать». И дальше, про каждого учителя так. Дома его побили, несколько дней стыдили: что из тебя вырастет! Потом отец перевел мальчика в городское четырехклассное училище, которое Саша окончил в 1896 году.

Мать его умерла от туберкулеза, когда ему было 13 или 14 лет. Отец вскоре снова женился, пошли дети – Николай, Варвара, Ангелина, да еще у мачехи был сын от первого брака. У старших детей отношения с мачехой совсем не заладились, отец снимал комнаты Александру и Екатерине, чтобы они жили отдельно.

Саша давно мечтал о море, и, когда он окончил училище, семья решила отправить его в Одессу, где были мореходные классы. Мальчик уехал на юг с плетеной корзинкой и акварельными красками – рисовать невиданные цветы на берегах Ганга. Когда приехал – оказалось, что прием в классы окончен. И платить за обучение семья все равно не могла. Можно было наняться на судно учеником, но учеников брали за плату. Саша долго мыкался по порту, пытаясь наняться хоть куда-нибудь. Наконец, еле живой от голода, обратился за помощью к портовому бухгалтеру Хохлову (сам он пишет, что рекомендательное письмо к нему получил от случайного попутчика). Тот поселил его в бордингаузе, где ночевала береговая команда; юноше выдали одежду и обувь – а вскоре его взяли учеником на пароход «Платон»; он выпросил у отца

был плохим – слишком нетерпеливым, но на охоте пропадал целыми днями.

Неусидчивый, неистощимый на выдумки и шалости, Грин-блин, как его прозвали товарищи, часто оставался после уроков без обеда в наказание за какую-нибудь провинность. Дома его ругали, иногда били. И не сказать чтобы отец не любил детей – напротив, сам учил их читать и считать, делал с ними уроки, хлопотал о них, когда их исключали из учебного заведения. И все равно в семье было как-то неуютно, нехорошо – дети не слушались, отец пил, оскорблял мать при детях, им тоже доставалось. Мать, из-

мученная детьми, хозяйством, бедностью и нездоровьем, злилась на всех. «Я испытал горечь побоев, порки, стояния на коленях. Меня, в минуты раздражения, за своеволие и неудачное учение звали «свинопасом», «золоторотцем», прочили мне жизнь, полную пресмыкания у людей удачливых, преуспевающих», – писал Грин в «Автобиографической повести».

Саша Гриневский был типичным подростком конца XIX века – из тех, что упоенно рубают лопухи самодельными саблями, воображая себя великими воинами, читают под партой Фенимора Купера и Густава Эмара, выписывают журнал «Вокруг

Степан Евсеевич
Гриневский
(1843–1914),
отец писателя

Анна Степановна
Гриневская,
урожденная
Лепкова
(1857–1895),
мать писателя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

денег на оплату одного месяца. Корабельная служба, о которой он так давно мечтал, оказалась изнурительной; она аукается в «Алых парусах»: «Случалось, что петлей якорной цепи его сшибало с ног, ударяя о палубу, что не придерванный у кнека канат вырывался из рук, сдирая с ладоней кожу, что ветер бил его по лицу мокрым углом паруса с вшитым в него железным кольцом, и, короче сказать, вся работа являлась пыткой, требующей пристального внимания». Морская служба Грина была пыткой от начала до конца. Один рейс на «Платоне» – затем пришлось уйти, нечем было платить за обучение. Он лежал в больнице для бедных, голодал, побиравлся, наконец нанялся на маленькое судно «Святой Николай», однако при расчете оказался еще и должен хозяевам, ушел со скандалом. Работал в пакагузе, ходил матросом на «Цесаревиче» в Константинополь, но не удержался и там: поднял на смех капитана, и тот снял его с работы, не дожидаясь конца рейса.

Через год он вернулся в Вятку ни с чем – с пустыми руками, без денег, без вещей, только с горьким опытом. Краски давно продал, единственное его сокровище – китайскую чашку, зачем-то купленную на последние деньги, – у него украли. Через несколько лет он попал в армию, и в его армейских документах сохранилась запись: «Особые приметы: на груди татуировка, изображающая шхуну с бушпритом и фок-мачтой, несущей два паруса». Это, наверное, единственный материальный след его матросской службы.

Отец надеялся, что подросший сын будет помогать семье, а не тянуть с нее деньги; Сашу устроили на железнодорожные курсы, но ему там стало тошно, и он их бросил. Стал переписывать роли для актеров, через год затосковал и отправился на юг в жажде приключений. На сей раз в Баку. Этот год оказался хуже даже, чем год в Одессе: «холод и мрак». Саша пытался работать

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на нефтяных и рыбных промыслах, в порту, где придется; он заболел малярией. Один раз чуть не умер от жажды, неправильно выбрав маршрут пешего перехода под палящим солнцем. Спал в ночлежках. Побиравлся. Редко кому из русских писателей доставалась такая чудовищная юность – разве что Горькому да Сологубу. Даже не удивительно, наверное, что из всех троих вышли романтики – из кого революционные, а из кого мрачные. Должно быть, потому, что все это совершенно невозможно вынести, если не быть уверенным в том, что человек – это звучит гордо, а на свете есть Лисс, Зурбаган и звезда Маир.

В Вятку он снова явился без гроша. Опять переписка ролей, потом железнодорожные мастерские – стабильная работа и заработок, но он опять затосковал и уехал. Сначала хотел жить охотой, как куперовский Следопыт. Работал банщиком. Матросом на речной барже. Пьянствовал. Был переписчиком у присяжного поверенного. Ушел на Урал на золотые промыслы – но и там не удержался. Вернулся, наврал отцу, что ограбил с разбойниками контору золотодобытчиков, но все деньги прокутил. Отец задумался: «Не знаю, что из тебя выйдет».

Одесса. Вид
на Пересыпь.
Середина 1890-х
годов

ЛЮБОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

В 1901 году Гриневскому исполнился 21 год – время призыва на военную службу. Ему дали отсрочку на полгода, уж больно тщедушен оказался призывник. Но в 1902 году забрали в армию. Службу он возненавидел с первых же дней. Из девяти проведенных в армии месяцев три просидел в карцере. В армии познакомился с революционером Студенцовым и тоже решил пойти в революцию. С помощью друзей-эсеров бежал из армии, и теперь его жизнью управляла партия. По ее решению он переезжал из города в город. Он скоро понял, что сама идея террора ему не нравится, что это путь не для него. Партия сочла, что из него получится хороший пропагандист, говорил он горячо и убедительно. Его посылали к матросам и солдатам – там он был свой. Он вспоминал: «Оказывается, один солдат после моего ухода бросил с головы на землю фуражку и воскликнул: «Эх, пропадай родители и жена, пропадай дети! Жизнь отдам!» Партийная работа снова привела его на юг – Екатеринослав, Киев, Одесса, Севастополь, где он встретил первую свою большую любовь, Екатерину Бибергаль. В его «Автобиографической повести» ее зовут Киска. Есть несколь-

ко ее фотографий: иронический прищур, видно, что умная и незаурядная. Гриневский звал ее замуж, она обещала ему – но в любовную историю вмешалось правосудие. Солдаты, которых агитировал Гриневский, выдали его полиции. Он не давал показаний, не называл себя, не сотрудничал со следствием – и два года просидел в тюрьме, при всякой возможности пытаясь бежать. Киска уехала в Швейцарию, откуда вернулась после амнистии 1905 года. Но вместо воссоединения получилась драма: он устал голодать, мерзнуть, прятаться, бояться, ждать ареста и гибели. Он хотел жить и любить, она хотела жертвовать собой и делать революцию. У него в рассказе «Апельсины» (1907) арестант в тюрьме пытается читать «Капитал»: «Сухие, математически ясные строки понеслись перед глазами, падая в какую-то странную пустоту, без следа, как снежинки. И от этих безжалостных строк, ядовитых, как смех Мефистофеля, неутомимых и спокойных, как бег маятника, – ему стало скучно и холодно». А весна смотрит в окно камеры «ласковыми, бесчисленными глазами», и синяя река дрожит золотыми блестками.

Вера Калицкая пишет о Бибергаль: «В Грине она видела талантливого агитатора, в момент увлечения становившегося вождем тех, кто его слушал. В такие часы и Бибергаль увлекалась им». Он решил отойти от революции – она сказала, что раз он ушел из революции, то ушел и из ее жизни. Он пытался ее удержать – она его отталкивала. Тогда он вытащил револьвер и наставил на нее. Она не сдавалась. Грин писал об этом: «Она держалась мужественно, вызываясь, а я знал, что никогда не смогу убить ее, но отступить тоже не мог, – и выстрелил». Так у него в «Острове Рено», первом из «нерусских», романтических его рассказов, Тарт стреляет в преследующего его Блемера – и так зримо и слышимо булькает воздух в пробитом легком Блемера и счита-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ся сквозь пальцы липкая кровь, так бездумно стреляет Тарт и так растерян потом, – что ни секунды не сомневаешься в том, что рука, написавшая «Остров Рено», не дрогнула бы, спуская курок в нескольких сантиметрах от чьей-то груди... Киске пуля попала в грудь и застряла в боку; раненая даже смогла выйти в комнату хозяев квартиры и попросить их, чтобы они уговорили Гриневского уйти. Он ушел, Киску прооперировал знаменитый профессор, она выздоровела, но больше с отвергнутым влюбленным не оставалась наедине и возможностей объясниться ему не давала. Его арестовали в 1906 году, и они больше никогда не виделись. Она провела несколько лет на каторге; известна ее фотография среди других эсеро-каторжанок, среди них знаменитая Мария Спиридонова. Грин послал ей туда свою книгу с рассказом «Маленький комитет» – там речь идет о городском революционном комитете: «Комитет ходит в юбке. Ему девятнадцать лет, у него русые волосы и голубые глаза. Очень маленький комитет». Послереволюционная судьба Киски – тоже типичная для социал-революционерки: сталинские лагеря и ссылка.

Фотография
А.С. Грина
из архива
охранного
отделения,
сделанная
8 января
1906 года

ИЗ РЕВОЛЮЦИИ В ЛИТЕРАТУРУ

Революционер Гриневский попал в петербургские «Кресты», и Красный Крест, помогающий заключенным, позаботился о том, чтобы к нему на свидание ходила фиктивная невеста, раз в городе нет родных, которые могли бы носить передачи. Невестой назначили преподавательницу вечерней школы для рабочих Веру Абрамову. На свидании арестант поцеловал свою «невесту» на прощание; этот поцелуй смутил ее. Гриневский скоро уехал в ссылку и должен был провести несколько лет в Тобольской губернии, но сбежал оттуда на следующий день после приезда, вернулся в Петербург с чужим паспортом (В. Вихров пишет, что паспорт умершего «личного почетного гражданина» Мальгинова для него раздобыл отец. – Прим. авт.) и сразу направился к невесте, которая вскоре стала его гражданской женой: венчаться по фальшивому паспорту было нельзя. Именно к этому времени относятся первые литературные опыты Александра Степановича. Написаны они были по заказу партии – как агитационные материалы: рассказ «Заслуга рядового Пантелеева», впоследствии конфискованный и сожженный, и «Слон и Моська». Редактора и издателя «Заслуги рядового Пантелеева» посадили, но они не выдали, кто автор, – рассказ был подписан «А.С.Г.». Заслуга, кстати, состояла в том, что рядовой Пантелеев застрелил крестьянина во время бунта; текст предназначался для агитации среди солдат. Рассказ «Случай», на ту же тему, стал первым текстом, под которым в печати появилась подпись «Грин»; позднее высказывались догадки, что автор взял этот псевдоним для иностранного колорита – но никакого иностранного колорита в первых рассказах Грина еще не было, подписаться собственным именем беглый ссыльный, живущий по чужому паспорту, никак не мог; наконец Грин – просто детское прозвище.

Первые рассказы Грина похожи вовсе не на Грина, а на русскую литературу «критического реализма»: «Ночью, когда все затихало и в спертom, клейком воздухе казармы прели вонючие портянки и лапти; когда смутные, больные звуки стонали в закопченных бревенчатых стенах, рожденные грудями тел, разбитых сном и усталостью, Евстигней вскакивал, ругался, быстро-быстро бормоча что-то, затем бессильно опускал голову, скреб волосы руками и снова валился на твердые, гладкие доски». Это мог быть чей угодно текст, таких полно было в «Русском богатстве», или в «Мире Божьем», или в сборниках «Знание». Прошло несколько лет, пока он нашел свою дорогу в прозе. Его первый сборник рассказов, «Шапка-невидимка», повествует о нелегалах-подпольщиках. Грин ясно понимал, что революционера из него не вышло: террористических методов он не одобрял, устал от бездомной жизни, ожидания ареста, от бесконечных странствий. Жена его пишет: «Именно из-за этой нервной усталости Грин и отказался от работы в партии, открыто заявив: «Не хочу работать больше, устал, не хочу рисковать». И вот сейчас, в 1907 году, когда революция закончилась всеобщим разочарованием, усталостью и тоской, на смену Грину-подпольщику пришел Грин-романтик.

Со словом «романтик» в русском языке произошла ужасная история: оно безнадежно опошлось. Романтик XIX века – мрачный одиночка, рассказывающий жуткие истории о сильных людях, преодолевающих страшные обстоятельства. В парах абсента он различает смутные предупреждения о будущем, ловит напевы диких и прекрасных мелодий и видит далекие прекрасные страны, где природа не испорчена цивилизацией, а нравы первобытны и суровы. В начале XX века романтик – это человек, вдохновленный великой идеей, уверенный в ее могучей силе и собственной способности пере-

Вера Павловна
Абрамова.
Начало 1900-х
годов

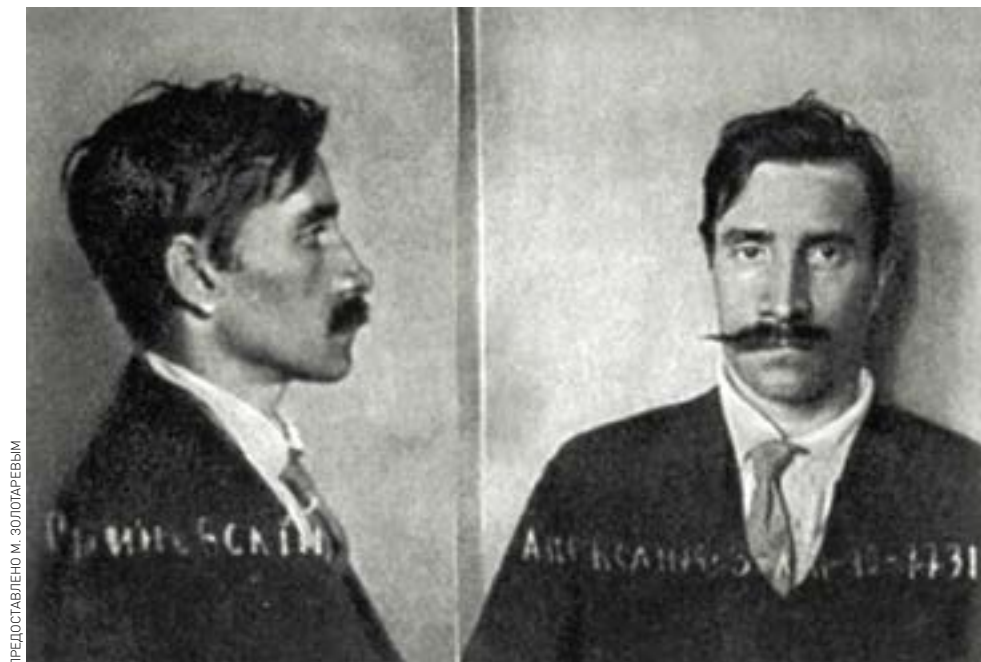
вернуть мир и сделать его пригодным для жизни. Но уже к концу XX века романтик стал ассоциироваться не с хмурой мощью романтизма, а с сопливой и слабодушной романтикой. И особенно не повезло тут Грину, которого совершенно заменяли на бречание гитары, песни про бригадину и девичьи мечты про романтические свидания и прогулки на яхте, от каких всякого романтика непременно стошнило бы.

Первое «нездешнее» произведение Грина – «Остров Рено»: матрос Тарт решает не возвращаться на корабль и остаться на прекрасном острове. Здесь уже звучат все гриновские мелодии: и разочарование в человеческом обществе, и поиски настоящего, и – самое главное, по чему безошибочно опознается Грин, – момент счастья, когда тоскливая действительность вдруг открывается и в ее сердцевине проступает чудо: «С минуту, трепеща от восторга, Тарт не решался поднять веки, боясь, что случайною сказкою мысли покажется неожиданное великолепие окружающего. Но сильный, горячий свет проникал в ресницы красным туманом, и нетерпеливая радость открыла его глаза...» – и дальше чистая песня, симфония счастья, сложенная из пыли

водопадов, радуги, золотистого дрожания капель, и ни одной фальшивой ноты.

Грин – человек ломаный, мрачный, сильно пьющий и во хмелю нехороший – знал за собой тягу к болезненным фантазиям и гадким видениям (об этом у него есть несколько совсем больных, декадентских, жутких рассказов). Это стремление он сознательно в себе давил; так, один из его героев, художник, прячет и уничтожает свои inferнальные творения, вместо того чтобы показывать их миру: «...реку, запруженную зелеными трупами; сплетение волосатых рук, сжимавших окровавленные ножи; кабачок, битком набитый пьяными рыбами и омарами; сад, где росли, пуская могучие корни, виселицы с казненными; огромные языки казенных висели до земли, и на них раскачивались, хохоча, дети...» По нынешним временам все эти цветочки зла – вполне невинный мейнстрим; Грин мог стать мрачным мастером безумия, крови и ужаса, природных даных бы ему для этого хватило, недаром его постоянно сравнивали с Эдгаром По, – и щедрую дань этой стороне своего таланта он отдал в цикле «Наследство Пик-Мика», написанном во время Первой мировой войны. И все-таки вторым По он не стал: По – мастер темный, мастер колдун и маятника, а Грин стал мастером ветра, бега по волнам, солнечных пятен и полетов наяву. В 1916 году он сформулировал для себя: творчество – воплощение всякой свободы.

Он может быть зол, может быть жесток и даже жесток – но ослепительное сияние счастья, но мастерство музыкального взлета в его прозе совершенно неподдельны, и вот это, надо сказать, высший пилотаж: напугать читателя легче, чем обрадовать. Заставить его заплакать, затаить дыхание от ужаса и напряжения – легче, чем заставить его задохнуться от восторга, рассмеяться свободно и счастливо, от полноты души. Это вообще мало кто умеет – но в том поколении

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

умели; Блок, ровесник Грина, точно умел: «свирель запела на мосту, и яблони в цвету»... Критик Горнфельд, автор первой большой и доброжелательной рецензии, писал о Грине: «Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом: и не в быту, а в душе человеческой». Рецензия вышла в народническом «Русском богатстве», которое, кстати, взяло у Грина для публикации вполне традиционный рассказ «Ксения Турпанова» из жизни ссыльных: жена уехала с острова покупать мужу подарок, а муж в это время привел домой другую... Несколько лет Грин пишет по-разному, то традиционно, то по-новому, нарабатывая мастерство и сочиняя свой мир: нанося на карту новые земли, населяя их новыми людьми, преобразуя реальность. С 1907–1908 годов он влился в круг петербургских писателей, стал ходить по редакциям, знакомиться с литераторами – и, как многие из них, проводить время в ресторанах и кабачках; он и раньше выпивал, теперь иногда пропадал на несколько дней. Гонораров, разумеется, на жизнь не хватало. Фактически его содержала жена. Его снова арестовали в 1910 году, и теперь уже он мог вен-

Фотография А.С. Грина для тюремной карточки, сделанная в петербургском охранном отделении 3 августа 1910 года перед высылкой в Архангельскую губернию

А.С. Грин. 1910 год. Снимок сделан в петербургском охранном отделении

чаться; Вера Павловна долго хлопотала об этом; арестанта доставили в церковь, на венчании присутствовали сестры Грина и полицейские агенты. Почти сра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зу новобрачные отправились в ссылку в Архангельскую губернию, где прожили два года. Годы эти трудно назвать идиллическими, и закончились они разрывом, причем по инициативе Грина. Жена не возражала: ей было все труднее терпеть грубость и пьянство Грина. Тем не менее они остались на всю жизнь добрыми друзьями, и Вера Павловна, умевшая разглядеть в злом и дисгармоничном Гриневском нежную, летящую душу Грина, спокойно и доброжелательно помогала ему и его второй жене.

НЕГДЕ ПЕЧАТАТЬСЯ

Перед Февральской революцией он жил в Финляндии и, узнав новости, отправился в город пешком, потому что поезда не ходили. Ни писем, ни записей его за этот год не сохранилось. «Два человека, видевшие его после февраля, рассказывают, что часто встречали его на многочисленных стихийно возникающих митингах. Он ко всему приглядывался, прислушивался», – пишет его биограф Владимир Сандлер. Жизнь его после Октябрьской революции, как и у всех, – бедная и голодная. Книжки не издаются, зарабатывать нечем. Ник. Вержбицкий рассказывает в воспоминаниях, что Грин жил на даче в Барвихе, имущества у него не было, кроме чемоданчика со сменным бельем, хлебных карточек тоже; он собирал в лесу грибы, жарил на костре и ел, иногда таскал с поля картошку и ел сырой, варить бы не позволил хозяин дома. Осенью он влюбился, переехал к женщине по фамилии Долидзе, о которой мало что известно; три месяца прожил с ней, потом обиделся, что от него прячут варенье и запирают буфет: «Я не приживальщик, и не моя вина, что негде печататься. Я потом все бы выплатил. Я послал всех, куда следует, и ушел», – сказал он Вере Павловне. В 1919 году его призвали в Красную армию. Он служил в тылу, в телефонной команде на Охте. К военной службе он всегда ис-

пытывал отвращение, страшно тосковал; наконец обратился в санитарный вагон, просто от тоски, но врач нашел, что он слаб, и отправил на комиссию, а та дала отпуск. Он вернулся в Петроград, но чувствовал себя плохо – оказалось, тиф. Горький устроил его в больницу, а после больницы, совсем слабого, направил в Дом искусств на Мойке, где писатели и художники вместе спасались от холода и голода и пытались поддерживать культурную жизнь: издавали журнал, устраивали лекции и чтения. В декабре 1920 года Грин читал в Доме искусств свои «Алые паруса» (хорошо принятые слушателями, а потом читателями и, за редким исключением, критиками); в Доме искусств родился его жуткий «Крысолов» – толчок для него дал совместный поход с Виктором Шкловским и художником Милашевским в заброшенное помещение банка – за книгами на растопку.

8 марта 1921 года Грин женился на Нине Николаевне Мирановой, и этот брак оказался крепким, до самой смерти. Как это бывает со счастливыми влюбленными, у него сейчас все получалось – но денежные дела не поправлялись никак: из-за разрухи и издательского кризиса печататься было негде. Многих писателей спасало сотрудничество с издававшейся в Берлине газетой «Накануне», но на свой крупный гонорар из «Накануне», как свидетельствует Э. Миндлин, Грин накормил десять голодных писателей. Издательства стали появляться с началом нэпа, в 1923 году, и денежные дела Грина начали поправляться: печатали его охотно – но тянули время, задерживали гонорары, все давалось с боем... В 1924 году Грин с женой и тещей переехал в Крым: там не было столичной суеты, уплотнений, жилтовариществ – там вообще было больше возможностей спокойно работать, а жизнь дешевле. Приходилось обременять друзей и знакомых просьбами добиться, чтобы издательство выплатило гонорары. Но

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид Феодосии.
Здесь в 1924–
1930 годах жил
писатель

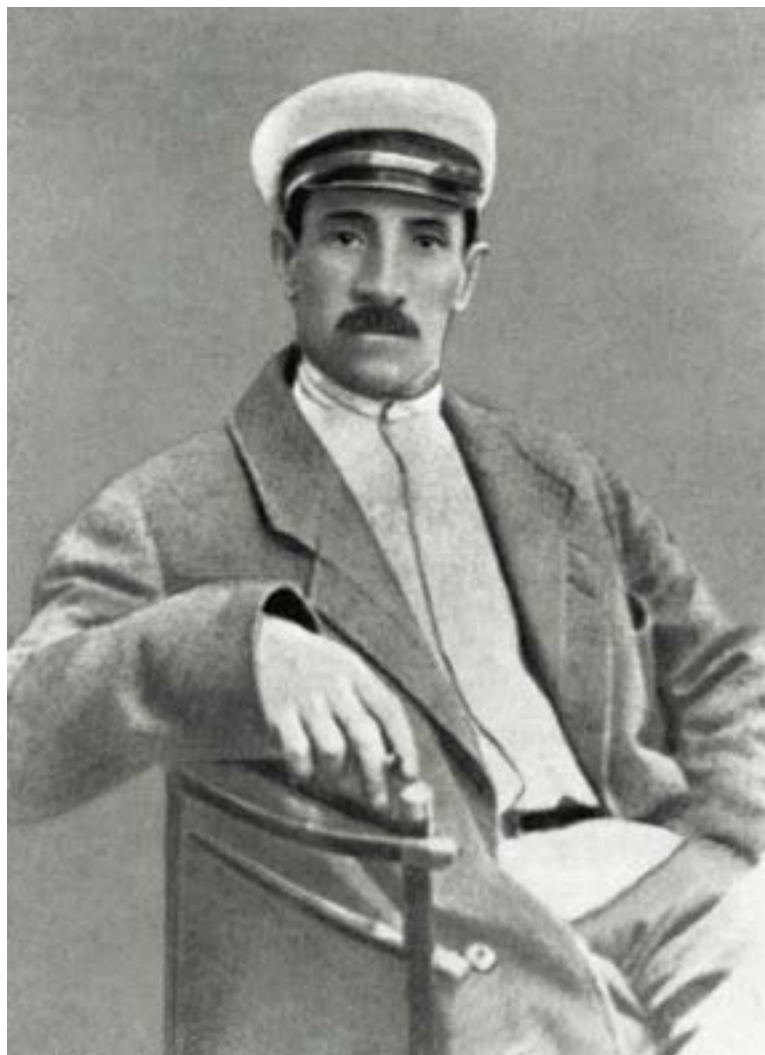

Обложка первого
издания книги
А.С. Грина
«Алые паруса».
1923 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зато Грину пишется. Он живет тихо, катается на лодке, думает, пишет – и пишет одну за другой свои лучшие вещи: «Джесси и Моргиану», «Блистающий мир», «Золотую цепь», «Бегущую по волнам». Середина 20-х – время, когда читатель хочет необычных приключений, а печататься еще можно; пока все удастся. Времена, однако, ужесточаются: теперь требуют выполнять социальный заказ. Уже «Золотую цепь» ругали за отсутствие связей с современностью. Вержбицкий вспоминал, как Грин отговорился от требования писать о фабриках тем, что «ненавидит машины», а Юрий Домбровский рассказывал, как на предложение написать что-нибудь антирелигиозное писатель спокойно ответил, что он верит в Бога. «Бегущая» буксовала в издательстве «Земля и фабрика», но все-таки вышла. А вот собрание сочинений в 15 томах, начатое издательством «Мысль», остановилось после восьмого тома, и Грин начал судиться с издательством.

1929 и 1930 годы, мрачайшие для русской литературы годы «великого перелома», когда писателей травили, вынуждали отречься от себя, присягать на верность советской власти и

Нина
Николаевна
Грин.
1920-е годы

А.С. Грин.
Севастополь.
1923 год

клясться, что будут писать о современности, стали для Грина в буквальном смысле голодными: денег не было, а в 1930 году в Крыму начался голод. Грин был тяжело болен; сначала предполагали туберкулез, уже перед самой смертью диагностировали рак желудка. Только обращение в Союз писателей помогло ему пристроить в издательство «Автобиографическую повесть» и получить деньги; впрочем, деньги все равно не спасли – исхудавший, обессиленный, он уже не вставал. В наступающей действительности Грину места не было, и он ушел из жизни именно тогда, когда стал невозможен как писатель. У него был любимый ручной ястреб Гуль, который умер в 1930 году. У ястреба было сломано крыло, он не мог летать – и Грину казалось, он умер от тоски. Грин всю жизнь мечтал

летать – так, как летает его герой в «Блистающем мире» – вольно, как во сне, без механизмов и подпорок. Он писал после смерти Гуля Вере Павловне: «В журнале я сочинил, что он стал летать, потому что мне очень хотелось этого. Так вот я думаю, что Бог скалился над ним. Все равно его жизнь невеселая была». В «Истории одного ястреба» сказано: «Утром я выпустил его со двора, и Гуль, плавно взмахивая крыльями, скрылся по направлению к горам».

Полет и радость, дрожание золотых блесков на реке, синий каскад Теллури (само название – воплощенное счастье!), алые отсветы от парусов на утреннем тумане в устье реки, нетерпеливое ожидание чуда, навстречу которому душа разворачивается, как паруса, как крылья – и не может не взлететь. ❶

ЧУВСТВО РИМА

АВТОР

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ [ФОТО АВТОРА]

ВСЮ НОЧЬ В ЛОХМАТОЙ КРОНЕ ПЛАТАНА ВОЗИЛИСЬ И ЩЕЛКАЛИ СКВОРЦЫ. ИХ ВЕЛИКОЕ МНОЖЕСТВО В ЗИМНЕМ РИМЕ. НАДО ЖЕ, ЧТОБЫ ОБЛЮБОВАЛИ ОНИ ДЕРЕВО ИМЕННО НАПРОТИВ МОЕЙ КОМНАТЫ...

В ОТ СТАЛА СЕРЕТЬ В предраассветной дымке занавесь, потянуло сырým воздухом из открытого окна... Вдруг, словно по сигналу, все птицы взвились и исчезли в белеющем небе. На другой стороне бульвара, за красной кирпичной стеной, все яснее выступают черные контуры кипарисов. Там – вечная тишина и вечный покой, кладбище Тестацчо.

«РУССКИЙ РИМ»

«Рим... Я увидел его в первый раз с Монте Пинчо... На звездном небе темные силуэты кипарисов... Рим слишком разбросан, и он поражает сперва то отдельной развалиной, то видом, то церковью, и только потом это все начинает соединяться в одну картину...» – так у Волошина. Мое путешествие началось так же – с январского заката на холме садов Монте-Пинчо. Сюда приходят и праздные местные жители, и влюбленные, и католические монахини, здесь светится весело киоск с лимонадом, а зимнее солнце садится за собором Святого Петра...

Прогулки по Риму всегда вызывают легкое головокружение: трудно разделить в сознании то, что видишь, и то, что знаешь. У меня всего три дня – как бегство в знакомое неведомое, где каждое мгновение – праздник припоминания.

Этот город воспет русскими поэтами и писателями. Здесь возникли замыслы многих живописных полотен. В чем секрет магического влияния Рима и пронзительного отклика на него русской души? Что питало «чувство Рима» наших соотечественников?

«Любовь к Риму – это любовь к родине; тоска по Риму – тоска по родине...» – писал Михаил Осоргин. – Здесь вы – просто гражданин вселенной, нашедший свой дом. И это чувство высокого подъема, свободной любви ко всему и всем безраздельно, жажды вечности и вечной красоты – это чувство и есть чувство Рима».

Помимо Рима античного, Рима христианского, Рима Возрожде-

ния существует и «русский Рим» со своей историей. Это еще и земля, упокоившая немало наших великих сограждан. На римских улицах – мемориальные доски в их память.

Как сегодня увидеть сущность города в свете большой столицы? Ответ подсказан Гоголем. Стоит лишь следовать за героем гоголевской повести «Рим», когда тот «уединился совершенно, принялся рассматривать Рим и сделался в этом отношении подобен иностранцу, который сначала бывает поражен мелочной, неблестящей его наружностью, испятаннанными, темными домами, и с недоумением вопрошает, попадая из переулочка в переулочек: где же огромный древний

Рим? – и потом уже узнает его, когда мало-помалу из тесных переулков начинает выдвигаться древний Рим, где темной аркой, где мраморным карнизом, вделанным в стену, где порфировой потемневшей колонной, где фронтоном посреди вонючего рыбного рынка <...> и уже не видит иноземец нынешних тесных его улиц и переулков, весь объятый древним миром: в памяти его восстают колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо...».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ

С самого утра у фонтана Треви – как в московском метро. Даже чтобы монетку бросить, нужно вежливо поработать локтями... Из бутиков выпархивают обремененные покупками модницы... Улицы полны туристической суетой. «В этом месте всегда стоит прохладный пенистый шум, – писал литератор Сергей Волконский, – но не весь шум, на который способен фонтан: мешает стук экипажей и общий шум городской. <...> я хотел бы, чтобы на две минуты в Риме воцарилось молчание, дабы хоть один раз услышать весь шум фонтана Треви». Если бы мы попали сюда в 1820 году, то, может, из открытых окон

Аппиева дорога прекраснее всего на закате, в покое...

до нашего слуха донесся и прекрасный голос Северной Коринны, как нарекли поклонники княгиню Зинаиду Александровну Волконскую. Палаццо Поли, к которому пристроен фонтан, принимало в начале XIX века лучших людей литературных и художественных кругов России и Европы. Княгиня Волконская снимала один этаж несколько лет кряду, устраивала изысканные театральные-музыкальные вечера, собирая всю русскую колонию художников и скульпторов. Не потому ли особым чувством привязана Волконская к Италии, что с самого раннего детства слышит итальянскую речь? Она лишилась матери в младенчестве и стала центром всех забот отца своего, князя Белосельского-Белозерского, долгие годы служившего посланником в европейских странах. Избалована вниманием, любовью, обладает недюжинными способностями. Может быть, большой доле мужского участия в воспитании обязана княгиня своим независимым умом. Салонная молва приписывала княгине немало романов – реальных и мнимых. Вот воспоминания Петра Вяземского о первой встрече Волконской с Пушкиным: «Помнится и слышится еще, как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела «Эле-

гию» его, положенную на музыку Геништой: «Погасло дневное светило, // На море синее вечерний пал туман...» Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению краска вспыхивала в лице его». Да, именно «художественное» кокетство, эрудиция, артистическая восприимчивость, любовь к искусству, независимость чувства руководили Волконской в свете. Она окружала себя лучшими из мужей искусства не ради пустой болтовни, а ради неутолимой жажды значимого разговора и сплетения жизни с мечтой. Площадь у фонтана Треви включает, как в скобки, римскую жизнь княгини Волконской. Здесь – начало, первые итальянские встречи, объединившие скульпторов, художников – пенсионеров Академии художеств. Потом будут долгие годы переписки с Александром I, восстание декабристов, знаменитый салон на Тверской в Москве, вызов царскому двору – проводы в Сибирь жен декабристов, Марии Волконской и Екатерины Трубецкой, переход в католичество и – отъезд в Рим. Не только от политики и интриг бежала Зинаида Александровна. «Все мне любезно в Риме, – писала она, – искусства, памятники, воздух, воспоминания».

Одного этажа недостаточно для постоянной жизни и приемов, и через несколько лет она приобретает виллу с парком – на другом краю города, возле церкви Сан-Джованни ин Латерано. В особняке, где сегодня расположена резиденция английского посла, бывали Гоголь, Тургенев, Глинка, Кипренский, Брюллов, Стендаль, Гюго, Доницетти и прочие, прочие, прочие...

Трудно объяснить переход Волконской в католичество, можно лишь сказать, что после этого она ударилась в благотворительность. О ее щедрости слагали легенды. Говорят даже, что воспалением легких, которое свело ее в могилу, княгиня заболела из-за того, что отдала на улице теплую накидку нищенке.

Последний приют Зинаиды Волконской тоже здесь, у фонтана Треви. Я поворачиваюсь спиной к нагромождению мраморного великолепия и шумящих струй и вхожу в церковь Санти-Винченцо-э-Анастасио, где покоятся сердца 22 римских пап. Здесь, под плитой, исписанной латынью, с особого разрешения понтификов захоронены Зинаида Волконская, ее муж, сестра... В городе наступают сумерки, приходит воцаренная тишина. Улицы преобразаются: то здесь, то там встречаешь прохожих, которые жаждут прикоснуться к таинственной душе Рима. Это они приходят поодиночке на небольшую площадку над Форумом... окунают пальцы в зеленоватую воду фонтана на Капитолийском холме... провожают закат на Монте-Пинчо... Сами того не подозревая, они ведут с городом тихий разговор знакомых невидимого: художников, поэтов, музыкантов... Как мне хотелось бы войти в их тайное братство. Вслед за Вячеславом Ивановым я готова повторять перед фонтаном Треви: «...О, сколько раз, беглец невольный Рима, // С молитвой о возврате в час потребный // Я за плечо бросал в тебя монеты! // Сверхались договорные обеты: // Счастливого, как днесь, фонтан волшебный, // Ты возвращал святыням пилигрима».

Захоронение
Зинаиды
Волконской
в церкви Санти-
Винченцо-э-
Анастасио

ДЕНЬ ВТОРОЙ. ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Взбаламученные волны шлепают по бортам острова-лодки Тиберина. Над кронами пиний – белая мраморная фигура святого. Где-то за холмами прошли дожди, вода вспухла и расшумелась. Она несет сломанные ветви, листву, пучки тростника и пустые бутылки. Состарилась, почти неузнаваема река, «освященная судьбой Рима».

Я поднимаюсь на один из семи великих холмов, на самый «домашний» и самый «деревенский» – Авентин. Пологая мощеная дорога от набережной пуста, она, скорее, похожа на ложбину или гигантский водосток. Глухие стены из мелкого кирпича по обе стороны затянуты плотным гобеленом плюща. Здесь и в летнюю жару, должно быть, сыро и прохладно. Поворот. Еще. Узкая арка над проемом, железная решетка... Мне

назначена встреча за этой кирпичной оградой: московские друзья позаботились – в небольшом городском саду меня ждет римлянка Анна, мы будем говорить о Вячеславе Иванове. Сидим под гирляндами апельсинов – так странно видеть их золотые бока среди темной листвы в середине зимы! В общей сложности Иванов прожил в Италии почти тридцать лет, Рим для него был не просто «городом из многих», а альфой и омегой жизни его духа. В итальянскую столицу он впервые попал 26 лет, после многих лет занятий римской историей в Германии. Это было в 1892 году. В тот приезд произошло знаменательнейшее для жизни поэта событие: встреча с Лидией Зиновьевой-Аннибал. Известно, что для поэтов ни одна деталь внешнего, «физического» ряда не происходит в отрыве от жизни духовной. Для Вячеслава Ивано-

ва в отношении к Италии было и глубоко личное, и творческое, и духовное...

Слушая медлительный, чуть с трещинкой, голос Анны, легко представляется, как в Риме могли соединиться поэтические сны восторгающейся души художника с реальностью. Как мог узнать он черты идеальной женщины своей жизни в добрых и мягких чертах Лидии – молодой матери трех детей, оставившей в России мужа, скитающейся по Европе темпераментной барыни. Не своих ли «африканских» предков Аннибалов благодарить ей за ту искру, что проскочила меж ними, еще несвободными, во время летних прогулок по Вечному городу? Эта встреча, по словам самого Иванова, «была подобна могучей весенней дионисийской грозе, после которой все... обновилось, расцвело, зазеленело». И скоро из неординарной барышни, попавшей под влияние социалистических идей своего первого мужа, она превратится в хозяйку «Башни» – авангардного литературного салона Петербурга, писательницу, музу Вячеслава Иванова. В мемуарах художницы Маргариты Сабашниковой есть описание Лидии: «Странно-розовый отлив белокурых волос, яркие белки серых глаз на фоне смуглой кожи. Лицом она походила на Сивиллу Микеланджело – львиная посадка головы, стройная сильная шея, решимость взгляда; маленькие уши парадоксально увеличивали впечатление этого львиного облика. Такая любого Диониса швырнет себе под ноги». Встретившись, Иванов и Лидия более не расставались. Здесь, в Колизее, произошло решительное и окончательное объяснение. Так, в поздних стихах: «Наш первый хмель, преступный хмель свободы // Могильный Колизей Благословил...» Тем удивителен Рим – он проникает в жизнь людей, подспудно становится ее частью. «Пойдемте-ка, – говорит Анна, – я кое-что вам покажу». Позади остался роскошный апельсино-

вый сад, пустая чаша фонтана у входа, узкая мощеная улица... Мы – на удлинённой, ничем не замечательной площади. Подходим к наглухо закрытым воротам. «Вот, смотрите!» – говорит Анна. И я наклоняюсь к круглой замочной скважине. В глубине вечнозеленого коридора четко выступает на белесом зимнем небе купол собора Святого Петра. Как иллюстрация к строкам из «Римских сонетов» Иванова: «Ослепшими перстами луч ощущал // Верх пинии, и глаз потух. Один, // На золоте круглится синий Купол». Так моему глазу открылись подсмотренные в замочную скважину ворот Мальтийского ордена и купол христианской базилики, и «синий» купол неба. Здесь, на холме Авентин, Вячеслав Иванов часто бывал в 1924 году, когда навсегда вернулся в Рим. Формально он был командирован Народным комиссариатом про-

Надгробие
на могиле
Маруси
Оболенской

Могила
Вячеслава Иванова
на кладбище
Тестаццо

свещения. Это давало, казалось бы, отсрочку в необходимости идеологически признать советский режим. Способен ли был к этому Иванов? Многие литературоведы приводят слова поэта друзьям при отъезде из СССР: «Я еду в Рим умирать».

Не раз бывал Иванов в Риме после первой поездки, никогда – подолгу. Но всегда ощущал себя гражданином Рима. Много испытаний пришлось на эти годы. Одно из них – смерть лучшего друга и единомышленника, Музы, непревзойденной Диотимы петербургских сборищ общества «друзей Гафиза» – Лидии Зиновьевой-Аннибал. Смерть, нам сейчас невообразимая, от скарлатины... Быть может, эта потеря земной любви открыла Вячеславу Иванову новые пути поиска любви вселенской. Быть может, именно в Риме он яснее ощутил, как все пласты времени – будто веер перед мысленным взором. То они, слоупываясь, перекрывают друг друга, то, подобно павлиньему хвосту, раскрываются и темно мерцают. Вопросы души и духовности перестают быть абстрактными и книжными. Они – в каждой городской перспективе, на каждом углу, их можно ощутить, почти потрогать. Они возникают помимо нашей воли. И мы задаем эти вопросы. Себе. Другим. Богу.

И уже совсем не кажется странным, что в Риме Иванов пишет:

«<...> Я впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова, обладателем священного клада, который был моим со дня моего крещения, но обладание которым до тех пор, в течение уже многих лет, омрачалось наличием чувства какой-то неудовлетворенности, становящейся все мучительней и мучительней от сознания, что я лишен другой половины живого того клада святости и благодати, что я дышу наподобие чахоточных одним только легким».

Так стал Вячеслав Иванов прихожанином церкви Сан-Сабба (Святого Саввы) на Малом Авентине. Мы подошли к храму в уже наступающих зыбких сумерках. Мы прощаемся с Анной, и я захожу внутрь. Узкое пространство нефа обрамлено античными колоннами, под ногами рассыпаны мозаик косматеско... До XVI века здесь был монастырь, сначала принадлежавший греческой братии, затем перешедший латинским монахам, затем и вовсе упраздненный... Трудно представить лучший выбор для Вячеслава Иванова. Все здесь, в католическом храме, и сейчас напоминает о жизни православных иноков. Всего в нескольких сотнях метров, на кладбище у подножия

Вечный
город живет
современной
каждой эпохе
жизнью

холма Тестаццо, – место последнего упокоения поэта, который знал: «Над смертью вечно торжествует, // В ком память вечная живет. // Любовь зовет, любовь предвещает; // Кто не забыл, – не отдает».

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. МАРУСЯ ОБОЛЕНСКАЯ

Нынче ночью скворцы, вероятно, выбрали другое дерево, лишь звуки города наполняли звездный купол. Утро – солнечно, влажно. Сквозь кирпичную кладку Аврелиевых стен, как старый зуб цвета слоновой кости, прорезывается пирамида Цестия. За стеной – изумрудная щетка кипарисов на кладбище. Есть у Гумилева: «Здесь будет цирк, – промолвил Ромул, – // Здесь будет дом наш, открытый всем». // «Но нужно поставить ближе к дому // Могильные склепы», – ответил Рем». Одно не совпадает: холм Тестаццо был лишь свалкой амфор из-под оливкового масла. Кладбище возникло не при храме или монастыре, а как «городское» в современном смысле слова. «Кладбище иностранцев» – самое старинное из сохранившихся в Риме. Как и почему именно «у пирамиды» стали хоронить христиан-некатоликов, достоверно неизвестно.

До начала XIX века существовал унижительный регламент похорон некатоликов: ночью, при свете факелов, с конным эскортом. Все – из опасений выступлений фанатиков, не желавших, чтобы рядом с католиками хоронили протестантов, православных и т.д. Крестов не ставили, эпитафий не писали. Надзидала за исполнением правил специальная папская комиссия. ...За цветами в Риме нужно ходить на Кампо-деи-Фьори. Не то чтобы в других местах цветов нет. Просто если прийти туда пораньше, до нашествия празднующихся, то оказываешься в прошлом... или в маленьком итальянском городке. А цветы нужны мне для Маруси Оболенской. Знаменитая русская фамилия, но это имя известно обычно исследователям генеалогии аристократов и тем, кто интересуется жизнью художника Поленова. Шел 1873 год. Молодой Василий Поленов путешествует по Европе, он – пенсионер Петербургской академии художеств. Позади Австрия, Германия, Швейцария, посещение знаменитейших картинных галерей и хождение по горам с рюкзаком, «как ходили Шиллер и Гёте, Гайдн и Моцарт». Рим не сразу понравился художнику, любимым автором которого был Вальтер Скотт. Слишком казалось здесь все легковесно, прозрачно, несерьезно. Забегая вперед, скажем, что и картин с «римскими сюжетами» и пейзажами у Поленова вышло лишь несколько. Не помог даже пример Александра Иванова, которого Поленов за учителя почитал. Как было всегда заведено в семье, Василий Поленов отправляет подробные письма родным. Нашлась подходящая мастерская, большая и светлая, неподалеку от пьяцца Барберини. Появился небольшой круг. Многие знакомы по Петербургу – Семирадский, Репин, Антокольский... Вскоре появились первые наброски знаменитого полотна «Христос и грешница». В гостиную вновь обретенно-

го знакомого, академика Прахова, происходят важнейшие для последующей жизни Поленова встречи – с Саввой Мамонтовым и его женой Елизаветой Григорьевной, художниками Александром Риццони и Михаилом Боткиным. И наконец в конце ноября 1872 года сдержанный и порой немного чопорный Вася Поленов пишет матери: «Там же познакомился я с Катериной Алексеевной Мордвиновой и ее сестрой М. Оболенской, очень приветливыми особами». В визитах и прогулках по Римской Кампанье возникает нежное чувство между 28-летним Василием и 18-летней Марусей. Они могли бы стать женихом и невестой. Как знать – о чем мечтали молодые люди? О чем говорили? Чему собирались посвятить жизнь? Можно ли считать, что Поленов проговорился о своих чувствах давнему другу Илье Репину спустя всего три месяца после знакомства: «Художник, пока работает, должен быть аскетом, но влюбленным аскетом, и влюбленным в свою собственную работу и ни на что другое свои чувства не тратить... впрочем, я, может быть, и вру, иногда наоборот совсем бывает, а дело только выигрывает?»

Все изменилось внезапно и бесповоротно. Всего четыре месяца прошло после письма с упоминанием о «милой особе», и вот уже – послание от матери, полное беспокойства, слов поддержки: «Возвращайся, душа моя, в родную семью, где ты так дорог, так дорог, что о тебе теперь сердце так и надывается». Писем самого Поленова не сохранилось, но через ответы близких становится ясным его отчаяние от потери Маруси. Девушка заразилась корью от детей Саввы Мамонтова и в несколько дней угасла. Ушла душа молодых затей римского русского кружка, живая и непосредственная Маруся, неожиданная любовь Василия Поленова...

Почти сразу, по просьбе матери девушки, Поленов начинает писать по памяти портрет Оболенской. Получив работу, Зоя Сергеевна Оболенская пишет в благодарственном письме: «Я ждала его с лихорадочным нетерпением <...> Признаюсь, откровенно, действительность превзошла мечты моего воображения. <...> Вы один могли передать на полотно тот внутренний мир, которым жила Маруся». Увы, портрет потерян,

Внутренний двор церкви Сант-Андреа-делле-Фратте

быть может, он украшает чью-то гостиную или пылится на чердаке. А если и отыщется, то наверняка как «Портрет неизвестной». Нам осталась лишь хрестоматийная «Большая», первый набросок которой был сделан у изголовья Маруси...

Надгробный памятник на кладбище Тестаччо взялся сделать скульптор Марк Антокольский. Он выбрал аллегорическую фигуру девушки-христианки, сидящей у входа в склеп...

Подходит к концу третий день в Риме. Мне осталось только прийти к Марусе с букетом белых роз, как просила когда-то ее сестра в письме Василию Поленову. Я смела сухие веточки и листья со скамейки, с мраморных колен, положила у ног ее цветы... и присмотрелась внимательно. Девушка умирает второй раз... после смерти. Памятник разрушается. Судьба каррарского мрамора – превращаться с годами в известняк. Как сильно отличается она от другой девушки Антокольского – «Не от мира сего» из Третьяковской галереи! И вспоминаются строки Зинаиды Волконской, написанные на смерть дочери князя П.А. Вяземского, похороненной здесь же, на кладбище Тестаччо:

*Страдать и жить она устала;
Уж все утихло... девы нет!*

*И Кипарис неперемной
Стоит над девственной главой,
Свидетель тайны подземельной,
И образ горести родной!*

Но нет добросердечной княгини, которая уверила бы, что могла «оставлена не сиротой». Всего несколько лет спустя после смерти Маруси сам Василий Поленов уже говорил о плохом состоянии памятника. Сегодня – лицо и плечи ее покрыты шрамами, мрамор потемнел и стал пористым. Я кладу руку на запястье Маруси. Камень нагрелся на солнце, я чувствую почти живое тепло, его округлость струится под пальцами как настоящая плоть. Сердце невольно сжимается...

Кто спасет мраморную Марусю? Чья любовь? ❀

РОМАНОВЫ И БАУМАН

ТЕКСТ

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕЙЧАС ЭТО МЕСТО НАЧИНАЕТ НОВУЮ ЖИЗНЬ. ШЕСТАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ ПО СЧЕТУ. ВОТЧИНА, ГОСУДАРЕВ ДВОР, ПУСТЫРЬ, БОГАДЕЛЬНЯ, ГАРАЖ С КОММУНАЛКАМИ. И ВОТ – МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ?

ТУТ ВАЖНО – НЕ ПРО-моргать съезд с Измайловского шоссе! Развязка довольно бурная: из центра машины стремятся к многочисленным Парковым улицам, с Главной аллеи Измайловского парка спешат вырваться на оперативный простор. Совсем рядом – станция метро «Партизанская» с нависающими над ней корпусами гостиницы «Измайлово», построенной к Олимпиаде-80. Короче говоря, дорогу-спуск, идущую под острым углом к шоссе, можно и не заметить. Да и что на нее сворачивать, ежели не знаешь, что за обыкновенной сто-

личной рощицей – мост через неширокий водный поток, на том конце моста – чугунная арка, за аркой – бронзовеющий Петр Великий на невысоком постаменте, за спиной государя – огромный храм...

Когда-то, в самом конце 70-х и в 80-х, время от времени доводилось ездить от Преображенки в сторону Сиреневого бульвара, на котором находился Институт физкультуры. О том, что рядом спустя пятнадцать лет возникнет печально знаменитый рынок «Черкизон», никто, разумеется, и подумать не мог. Вид из автобуса–троллейбуса открывался изумительный. Даже вы-

росшие в 20 с лишним этажей корпуса олимпийской гостиницы и олимпийский же спорткомплекс тяжелой атлетики его не портили. Скорее, наоборот: добавляли ненавязчивого контраста. Не столько концентрировали внимание на себе, сколько форматировали разливающуюся перед глазами даль. Что до внимания, то мое фокусировалось всегда на одном и том же: за перелесками верстах в двух виднелись барабаны и черные купола большого пятиглавого собора. Он будто вырастал из леса, не отягощенный крепостными монастырскими стенами, без привычной для Москвы до-

обще не было видно. Казалось, он чудесным образом исчезал, точно град Китеж, при малейшей моей попытке приблизиться. Да и что греха таить, попытки были редкими и вялыми.

Выяснить что-либо эмпирическим путем тоже как-то не получалось. В московедческих книгах тех лет описания таинственного объекта отсутствовали. На картах собор обозначен не был. Ну и как прикажете искать, если даже названия не ведаешь?

Кто знает, может быть, от активных действий удерживало мистическое чувство тайны, которую не хотелось разрушить равнодушным знанием? Вот и получилось так, что на Серебряный остров я впервые попал только в самом конце XX века.

ВОТЧИНА

Глубина проулка – от силы метров двести. Справа – автозаправка, прямо – будка и шлагбаум, перегораживающий дорогу на мост. Между ними – прямо таки левитановская березовая роща прячет угадываемый берег то ли реки, то ли канала. Шлагбаум появился, к слову, совсем недавно. В прежние годы на остров можно было и прийти, и приехать.

Впрочем, это смотря в какие прежние...

Остров тут был не всегда. А был тут сплошной лес, богатый охотой. Потом появились деревеньки и село Измайлово, известное с XIV века. Откуда взялось такое название, изрядно пахнущее Востоком, доподлинно неизвестно. По одной версии,

минанты – стройной колокольни. Без ничего вокруг! Лес – а посреди храм! Превосходящий в размерах традиционные для столицы соборы монастырского кольца и Богоявленский в Елохове, тогда еще кафедральный. Всякий раз, проезжая по Сиреневому бульвару, давал себе наказ: все разузнать про лесной собор, а еще лучше – выбраться в то место. Но с этой стороны, снисходительно именуемой сегодняшними москвичами «Щелчком», подступы к храму, казалось, отсутствовали вследствие присутствия многочисленных металлических и сетчатых заборов. С противоположной, измайловской храма во-

Мостовая башня, она же Думная

Памятник Петру I работы скульптора Кербеля

это – топоним, перенесенный из нижегородских земель, где имелось село с таким же названием, жители которого были переселены в Подмоскowie. Однако версия сомнительная. Переселение произошло во времена царя Михаила Романова. Какой уж там XIV век? Более правдоподобно выглядит история о том, что еще к рязанскому князю Олегу выехал из ханских земель некто Шай, прозванный в крещении Иваном. Так вот внук его звался Измаилом Прокосьевичем, а правнук уже носил фамилию Измайлов, что подтверждается дворянским гербовником. Были на Руси и другие Измайловы, вышедшие из Литвы. Воевода Лев Измайлов, возглавлявший союзное Москве тверское войско, в середине XV века получил от великого князя Московского в награду вотчину Измайлово.

В 1573 году царь Иван Грозный пожаловал эти земли Никите Захарьеву-Юрьеву, брату первой жены, Анастасии. Любопытно, что самой царицы не было на свете к тому моменту уже тринадцать лет, а Иван Васильевич в это время находился на перепутье между третьим и четвертым браком. Однако ж не забыл первого шурина! Сентиментальность или расчет управляли тогда царем, уже не узнать. Но земли достались роду, ведущему историю от Андрея Кобылы, а после смерти Никиты Захарьева-Юрьева известному как Романовы.

Последним нецарственным владельцем этих мест был боярин Никита Иванович Романов, двоюродный дядя государя Алексея Михайловича, человек уважаемый и богатый. Измайлово оставалось обычной вотчиной, ничем не выделяясь среди остальных. В 1654 году, после смерти боярина, не оставившего прямых наследников, все его имущество перешло к царю Алексею Тишайшему на правах ближайшего родственника. Имущество, надо признать, изрядное. Царь распорядился им весьма оригинально. Например, патриарху Никону было дозволе-

но брать с романовского двора в Москве что понравится. И, надо заметить, понравилось ему многое. А вот Измайлово царь оставил за собой, решив построить тут образцовое хозяйство.

Следы этого решения – вот они, перед глазами. Под тремя мостами, ведущими на остров, текут воды бывшей речки Серебрянки. В 1660-х годах ее перегородили могучими плотинами, и река двумя рукавами обняла кусочек суши. В узких местах ширина протоки не более 15 метров. А там, где река образовала пруды, до 180. Сегодня эти воды, честно признаюсь, малопривлекательны. В протоке вода цветет густым изумрудным цветом. Утки довольны – есть чем поживиться. Оттого выглядят упитанными и к полету неспособными. Нередки и речные чайки. Эти птицы тоже не прочь ловить удачу в мутной воде. Несмотря на отменную погоду, народу у воды почти нет. Протоки цветут так, что аж пахнут чем-то химическим.

По берегам попадаются строгие знаки: «Купаться запрещено!» И сие вовсе не удивляет. Хотя лодочная станция имеется. Водные велосипеды тоже. Но база этих традиционных для столичных водоемов плавсредств находится на противоположном берегу пруда. Там, где еще лет двадцать-тридцать назад был вполне приличный пляж.

ГОСУДАРЕВ ДВОР

В глубине острова народу хоть отбавляй. Только что закончилась служба в соборе, и все дорожки и аллеи переполнены женщинами в косынках и платках. Есть и православные мужеска пола в достойном количестве. И что важно – качестве. Они строги и трезвы. Почти нет курящих. Очевидно, что такое число людей случайно на воскресной службе не окажется. И пусть этот день – двенадесятый праздник Святой Троицы, все равно – в храм Покрова Богородицы на Серебряном острове пришли те, кто дорогу сюда знает хорошо. Видать, удалось местному клиру заново намолить место с 1991 года, когда в храме возобновились богослужения. Доселе шесть с лишком лет стоял он без свечей. После того как в 20-х годах XX века храм закрыли и тут же разграбили. От внутреннего убранства почти ничего не сохранилось. Счастливое исключение – икона Иерусалимской Божьей Матери, совершавшая чудеса еще во время московской чумы 1771 года. Сейчас икона находится в другом измайловском храме – Рождества Христова.

Вблизи собор поражает размерами еще сильнее. Немудрено: высота – 57 метров! Впечатление усиливают с трех сторон пристроенные к стенам храма массивные корпуса в четыре этажа

Башня
над Восточными
воротами
Государева
двора

с полуподвалом, выкрашенные белой краской. Но об этих корпусах – попозже. Сам собор построен в 1671–1679 годах царским архитектором Иваном Кузнецником и артелями муромских и ярославских каменщиков. Элементы украшения собора снаружи, в том числе и фантастической красоты изразцы «павлинье око», придумал известный белорусский мастер Степан Полубес.

Собор освятил патриарх Иоаким в присутствии царя Федора Алексеевича. Алексей Тишайший к тому времени уже три с лишним года как скончался, не увидев завершения всех своих разнообразных замыслов, связанных с Измайловским островом. Однако многое было создано уже при жизни государя.

На острове были разбиты диковинные сады, умудрились выращивать виноград. В Пиявочном пруду выращивали пиявок для лечебных целей, в стеклодувне изготавливали стекло по венецианскому образцу. В прудах разводили дорогую рыбу, в оранжереях выращивали даже финиковые пальмы. Царь Алексей Михайлович любил приглашать на остров иностранных дипломатов и заезжих гостей. Именно от них по-

шло название острова – «Русский Версаль». Хотя сам Государев дворец, скорее всего, имел мало сходства с резиденцией Людовика XIV. Точных изображений, правда, не осталось, но по описаниям дворец был деревянным, состоящим из отдельных зданий, связанных меж собой переходами. По преданию, дворец украшало 300 башен и башенок...

Главный въезд в Государев двор был тут, с восточной стороны. Стоишь на скучном металлическом мосту через протоку и – не верится, что когда-то берега соединял мост каменный, с белыми изящными арками. О том, что так и было, дает знать сохранившаяся Мостовая башня, построенная в 1674 году. Мощная, трехъярусная, квадратная в фундаменте, она и сегодня, как говорится, «внушает». Сейчас тут выставляется экспозиция, посвященная истории русского изразца. А когда-то заседала Боярская дума, позже, при Петре и Анне Иоанновне, – Сенат. Мостовая, она же Думская, башня – это еще и ответ, почему при Покровском храме не было и нет колокольни. Звонница находилась на верхнем ярусе башни, где также нес службу постоянный караул.

Чуть позже, в 1682 году, на острове возвели Восточные и Западные въездные ворота непосредственно около Государева дворца. Легкие, теремные, с тремя проемами – для конного и пешего, – они стоят до сих пор. И, похоже, деревянное воротно-калиточное вязаное крестом плотно – то самое, изначальное. Такой исторической плотности на квадратный метр в Москве поискать. На острове проводил лето царь Федор Алексеевич, построивший тут еще один храм – домовую церковь Святого Иоасафа, царевича Индийского, новый дворец из 20 срубов – и вообще всячески продолжавший дело отца в резиденции. Любила Измайлово и мать Петра Великого царица Наталья Кирилловна. Здесь с радостью проводила теплые месяцы царица Софья. Не случайно боярина Федора Шакловитого, самого яростного сторонника царевны во время борьбы за власть между нею и юным Петром, изловили именно тут, на острове.

В 1688 году в амбаре Льяного двора 16-летний Петр Алексеевич обнаружил старый бот английской работы, приобретенный еще боярином Никитой

Храм Покрова Пресвятой Богородицы и примыкающие к нему корпуса Николаевской богадельни

Ивановичем Романовым. Сыскали голландского мастера на Москве Брандта, который взялся ботик вернуть к жизни, что и исполнил. На «дедушке русского флота», как прозвали бот позже, Петр осваивал шкиперские навыки на Яузе и на прудах и протоках, окружавших Серебряный остров. Это потом уже была переяславская флотилия с ботом «Фортуна», корабль «Предистанция», Балтийский флот... Даже после строительства новой столицы и переезда в Петербург царь Измайлово не забывал. Указал считать его местом заповедным. Некоторый ренессанс в этих местах случился при Анне Иоанновне. Она жила в Измайлове месяцами, тут и учредила третий полк русской лейб-гвардии – Измайловский. Понятно, где Анна Иоанновна, там и Бирон. Преда-

ния гласят, что фаворит частенько охотился в здешних лесах. В Государевом дворе прошли детские и отроческие годы будущей императрицы Елизаветы Петровны. Любить эти места любили, но нового ничего уже не строили. Пользовались тем, что досталось в наследство от Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. А при Екатерине Великой начали ломать. Сама царица симпатии к Измайлову не испытывала, будучи петербурженкой до мозга костей. Она распорядилась разобрать главный мост и Государев дворец. Земельные угодья были розданы местным крестьянам под оброк. Всякая хозяйственная деятельность, столь широко и эффективно организованная при втором Романове-царе, полностью захирела. А в 1780 году в купол церкви Иоасафа ударила молния...

БОГАДЕЛЬНЯ

В 1812 году французы грабили не только Москву. Поганили все, до чего могли дотянуться. Добрались и до Измайловского острова. Светских построек оставалось мало, ну а в них – пусто. Зато Покровский храм сохранял изначальное величие. Французские солдаты устроили в нем что-то вроде общежития. От больших костров, разжигавшихся в пределах, треснул храмовый свод и даже главный купол чуть сместился. Вскоре французы ушли, а храм так и остался стоять изувеченным. Служить в нем перестали, опасаясь обрушения.

Вспомнили об Измайлове в канун 25-летия победы в Отечественной войне 1812 года. Если конкретно – то вспомнил император Николай I, посетивший в связи с торжествами Первопрестольную и заодно – Измайлово. Он вообще был крайне внимательным и обстоятельным человеком. Лишнее подтверждение тому – его решение о передаче собственной вотчины под строительство Николаевской военной богадельни. Много еще оставалось неприкаянных ветеранов былой войны. А их ряды пополняли инвалиды новых войн – с Турцией, Персией, на Северном Кавказе. ...Если пройти через Восточные ворота бывшей государственной резиденции – попадаешь в огромный двор правильной прямоугольной формы, обрамленный белой краской крашенными кирпичными одно- и двухэтажными зданиями, напоминающими средневековые боярские палаты. Несколько лет назад невозможно было понять, что находилось когда-то в этих корпусах. Теперь всюду таблички: вот прачечная, вот ледники, вот кузница, вот лудильня. Посреди двора, где когда-то стоял дворец Алексея Тишайшего, вымахавшие за полторы сотни лет исполинские липы. Жилые корпуса по решению архитектора Константина Тона, коему Николай I благоволил особо за суровый военный стиль, пристро-

Чугунный фонтан, установленный напротив Покровского храма в 1859 году

или прямо к Покровскому собору с трех сторон. Первоначально они были трехэтажными, но и этого оказалось достаточно, чтобы придать всему ансамблю довольно странный вид. Лично мне таких архитектурных решений нигде более видеть не приходилось. Эстетики тут немного, но практический смысл имеется. Среди ветеранов ожидалось значительное число увечных и старых людей. Коридоры жилых корпусов выводили прямо в храмовые приделы. Правда нет ли, но легенда гласит: при осмотре почти готовой к открытию богадельни в 1849 году император, набегавшись по лестницам, спросил архитектора, не запыхался ли он. Получив утвердительный ответ, заметил, что и сам устал. А ведь строится все для стариков. В результате на лестницах появились лавочки для отдыха, а двери, ведущие в храм, сделали огромными, чтобы лежащие могли слышать службу прямо в палатах.

Официально Николаевская богадельня на Измайловском острове была открыта в 1850 году. Первый набор постояльцев – чуть более 100 человек. После окончательной достройки в 1863 году личный состав богадельни – 416 солдат и 16 офицеров. Аналог у нее был только один – под Петербургом. Чесменская богадельня вмещала примерно столько же. Первыми на остров отправились солдаты лейб-гвардии Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, что было весьма символично. Именно в этих местах зарождалась Русская императорская гвардия при Петре. Благодаря учреждению богадельни удалось «поправить» весь остров. Восстановили Покровский храм, почистили пруды, заново отстроили подъездные пути, отреставрировали Восточные и Западные ворота, укрепили берега. В целом бюджет «кусался». Штат богадельни состоял из 72 человек. Заправлял всем директор в чине генерала. Кормили солидно, специально разработанная форма полагалась за государственный

счет. Надо отдать должное меценатам того времени. Далеко не все расходы несло на себе государство. Богадельня находилась под неусыпным вниманием частных жертвователей, орденовских капитулов Святой Анны, Святого Владимира, Думы георгиевских кавалеров.

На острове царили воинский устав и дисциплина. В то же время позволялось уходить с территории и принимать гостей и родственников у себя. Солдаты, правда, жили по 20 человек в палате, зато офицеры располагали отдельными комнатами. Случались ли эксцессы? А как же без этого. В основном по пьяному делу. Посему даже в праздники офицеров поздравляли рюмкой водки, а солдат – кружкой сбитня.

...Да, кружка сбитня или хотя бы стакан минеральной воды летом тут не помешает. Остров хоть и небольшой – 800 метров на 400, – но лето выдалось жарким, а ходить и смотреть по сторонам хочется. Но ведь и пить хочется!

КОММУНА

Никто после Октябрьского переворота богадельню не закрывал. Нашли способ лучше. Перестали финансировать – и все кончилось само собой. Призреваемые и служители разбрелись кто куда. Остров ненадолго опустел. В 1919 году на пять лет сюда пожаловал квартировать саперный полк РККА.

По одним данным, Покровский собор закрыли в 1927 году. Это версия РПЦ. По другим –

Липы
старинного парка,
высаженного
по приказу
царя Алексея
Михайловича

Серебряно-
Виноградный
пруд

в 1922-м. Так считают светские историки. Похоже, правы последние. Ибо в том самом 22-м в храме уже расположился архив НКВД, а в жилых корпусах богадельни – правительственные гаражи. Среди прочих авто стоял тут и ленинский «ролс-ройс». Спустя два года жизнь на острове забила ключом. Все мало-мальски пригодные помещения отвели под коммунальные квартиры для рабочих завода «Салют». Вселилось не менее 3 тысяч человек. Так и жили на острове при печах вплоть до конца 60-х, когда названный в честь революционера Николая Баумана городок расселили. Писатель, ветеран Великой Отечественной войны Александр Кузнецов, проживший на острове с рождения до 20 лет, вспоминает следующее: «Каждый день из своего окна я видел ворота Государева двора... Но история Измайловского острова, как и Военной богадельни, была нам неведома. Мы, мальчишки, даже не знали такого слова – «богадельня». В те годы история России начиналась с 1917 года...» Впоследствии каких только организаций на острове не оказывалось! Тут и некий малопонятный НИИ. И овощехранилища. И Дом комсомольца и школьни-

ка Первомайского района. И отделение милиции. И службы Государственного Исторического музея. Сразу за Западными воротами Государева двора разместился стадион Московского электролампового завода.

В постсоветское время стало еще веселее. С одной стороны – возобновивший работу собор. И открытый в 1998 году памятник Петру Великому работы скульптора Льва Кербеля. С другой – офис известной финской компании, производящей краску. И другие офисы – никому не известных российских ООО, ЗАО и носителей прочих аббревиатур. Одно из таких ООО признано по суду собственником кое-каких помещений на Государевом дворе. И оно же сейчас продает тот самый спорткомплекс МЭЛЗ. Который, видимо, уже никакого отношения к заводу не имеет.

После 2007 года, когда территория острова отошла к Московскому государственному объединенному музею-заповеднику (Коломенское–Лефортово–Измайлово–Люблино), арендаторов заметно поубавилось. Остались по большей части профильные: Институт реставрации, тот же ГИМ, отделение полиции, понятное дело. То есть

по части заповедного – процесс пошел. А вот что до музейного – тут все не так явно. Выставка в Мостовой башне да странным образом организованные экскурсии в отдельные места – вот и все, чем могут похвастаться «островитяне» сегодня. Ну да – и еще таблички.

Впрочем, с табличками все тоже непросто. Я не про те, которые поясняют, что за дом да для чего предназначался. Я про те таблички, что формально обозначают привязку здания к конкретной улице и нумерацию этого здания. Проще говоря – официальный адрес. Так вот, ежели официально, то романовские Покровский собор, Мостовая башня, здания богадельни – все это до сих пор маркируется как городок Баумана. Например, собор – это городок Баумана, строение 1.

При передаче территории Измайловского острова музею-заповеднику говорилось о том, что завершат реставрацию Покровского собора, восстановят арочный мост, Государев дворец и храм Иоасафа, разрушенный в 1930-м. Что памятник Тишайшему поставят...

Но – тихо пока в романовской вотчине имени Баумана. ❧

ВОЛЬНЫЙ ИРАН

АВТОР
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

НА СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ПУТИ ПО СТОПАМ АФАНАСИЯ НИКИТИНА Я, КАЗАЛОСЬ, В ОДИН МОМЕНТ ПЕРЕНЕССЯ ВО ВРЕМЕНА ПУТЕШЕСТВИЯ ТВЕРСКОГО КУПЦА. «26 ЭСФАНДА 1392 ГОДА» – ТАКАЯ ДАТА ЗНАЧИЛАСЬ НА ШТАМПЕ ИРАНСКОЙ ВИЗЫ В МОЕМ ПАСПОРТЕ. КОНЕЧНО, ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ МЕСТНЫЙ КАЛЕНДАРЬ – СОЛНЕЧНАЯ ХИДЖРА, РАЗРАБОТАННАЯ В XII ВЕКЕ ПРИ УЧАСТИИ ВЕЛИКОГО ОМАРА ХАЙЯМА. НО ТАКОЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ СТРАНЕ К ЛИЦУ: В ИРАНЕ ЧАСТО ИСПЫТЫВАЕШЬ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО НАХОДИШЬСЯ В ИНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ...

ГРАНИЦА МЕЖДУ АЗЕРБАЙДЖАНОМ и Ираном на побережье Каспия проходит через город Астару.

Последние несколько километров до пограничного перехода я шел пешком, наблюдая жизнь провинциального Азербайджана. Унылая картина. Большие каменные дома, заросшие, обветшалые, кажется, вот-вот рухнут. Асфальт разбит. Навстречу по обочине жилистая бабулька катит полную тележку иранских продуктов. Она любезно сообщила мне, что до таможни осталось преодолеть еще 4 километра. Вот бездельничающая молодежь обступила тюнингованную «пятерку», что-то громко обсуждают. Разговаривать с ними сложно. Здесь те, кому меньше 30 лет, из русского языка знают только нецензурную брань, которой парни обильно пересыпают азербайджанскую речь.

Проехало несколько фур с иранскими номерами. Тут же, как из-под земли, появился местный житель средних лет с веником в руках и экзистенциальным кризисом в голове. «Иду на границу подметать иранские грузовики, – признался полунисищенского вида мужчина. – Почему я должен куда-то уезжать на заработки? Хочу жить на своей родине. Страшно другое: у нас здесь от

этой разрухи люди озверели – не то что помощи, элементарной честности не жди».

Подход к таможне больше напоминает рынок. Слева и справа тянутся торговые лавки, облепленные народом. Но внимание большинства приковано не к прилавкам, а к ведущему за границу коридору, который со всех сторон ошетинился толстыми железными прутьями. В эту и без того набитую людьми клетку силились пролезть еще человек сто. Спокойно попивающий в стороне чай азербайджанец объяснил: «Местные жители ходят за продуктами в Иран, там они и дешевые, и качественные – даже картошку тащат из-за границы. А сегодня, в последнюю субботу перед Наврузом, люди со всей округи едут в Иран за подарками к празднику. Подожди часа три, народ рассосется, тогда и пройдем спокойно». Однако верилось в это с трудом. На всякий случай я поинтересовался у пограничника, есть ли специальный коридор для иностранцев. В ответ услышал строгое нет. А на мое предложение выстроить всех почеловечески в очередь военный только пожал плечами. Пришлось присоединиться к толпе, рвущейся в коридор. Через час я продвинулся на 3 метра, вспотев как после хорошей сило-

вой тренировки. Никогда не думал, что всего сто человек могут организовать такую безумную давку. Наиболее трудное испытание – выстоять во время открытия и закрытия двери в клетку. После того как очередная порция желающих пройти в Иран попала в коридор, два крепких пограничника оттесняли остальной народ, закрывали дверь, вешали замок, а через полчаса с еще большим напором давили жаждущих вырваться за границу, чтобы открыть проход. Мое положение было самым тяжелым. Все другие, не имея никаких вещей, руками отталкивали от себя и людей, и то открывающуюся, то закрывающуюся железную дверь. Я же крепко держал свой 20-килограммовый рюкзак, так что меня кидало из стороны в сторону как во время приличного шторма в открытом море. Наконец я оказался почти у двери. И тут стоящая передо мной женщина, не выдержав давки, начала биться в истерику, муж потащил ее из толпы, а я проник за вожделенную решетку. Тут появились две иранские девушки. Напудренные модницы в

Самой разной архитектуры мечети, так же как и портреты духовных лидеров Ирана, встречаются на каждом шагу

Центральная
аллея, ведущая
к Горе шаха
и гостинице
1933 года
постройки

новеньких хиджабах и пальто катили чемоданы на колесиках и придерживали на плече футляры со скрипками. «Вот сейчас и посмотрим, – подумал я, – где у них VIP-проход, не полезут же они в толпу с такой поклажей, да и вообще, в Иране прикасаться к незнакомой женщине недопустимо». Не тут-то было! Подошел еще один пограничник, и, сцепившись в тройку, военные попытались отгеснить людей от входа, пропуская иранских девушек. Народ в ответном напоре прижимал к клетке и пограничников, и желающих пройти вне очереди. Иранки визжали, но с третьей попытки все-таки сумели проникнуть в коридор. Мне удалось последовать за ними. Девушки оказались студентками Бакинской музыкальной академии, ехавшими на каникулы домой в Тегеран.

В здании таможни толпилось еще больше народа, но нас троих, как иностранцев, пропустили без очереди. Мы перешли мост через реку Астару и оказались в Иране. Студентки прошли на родину свободно, а я еще два часа толкался на паспортном контроле.

«ДҮРЕ» ЗНАЧИТ «ДАЛЕКО»

За воротами Астары иранской меня сразу окружили таксисты и менялы. Три человека одновременно совали мне в лицо свои калькуляторы, демонстрируя курс обмена иранского реала на рубли, манаты, доллары, евро. Жизнь здесь бурлит. Улицы полны машин, мотоциклов, людей, повозок; всюду многоэтажные здания, торговые ряды, сверкающие витрины магазинов, банки, офисы.

В Азии, наверное, везде приграничные территории можно считать местами рискованными. По своему опыту знаю: как задержишься возле границы или, не дай бог, начнешь путешествовать вдоль нее, обязательно встретишься либо с местной братвой, либо с контрабандистами. Хорошо, если стрельбы и ареста избежишь. Поэтому я спешил покинуть приграничный город. Ни с кем не разговаривая, бодро зашагал по рыночной улице в сторону южного выезда. Но один особо любопытный делец стал допытываться, куда это я так спешу. «Иду в Энзели», – не выдержал я, стараясь отделаться от назойливого

иранца. Мой ответ привел его в какое-то волнение. «Дуре!» – закричал он, выкатив глаза. Сначала мне показалось, что делец знаком с русским языком, и я уже собирался обидеться. Но тут вспомнил, что «дуре» на фарси означает «далеко». А беспокойный дядя все шел впереди меня, кричал «Дуре!» и размахивал руками. Я не останавливался. А делец не успокаивался: он принялся бегать по лавкам, разыскивая соплеменника, знакомого английский, чтобы объяснить этому дураку (то есть мне), что в Энзели пешком не дойти. Желавших не оказалось. Я же, чтобы успокоить человека, сказал ему: «Знаю, до Энзели 150 километров». Еще несколько раз выкрикнув «Дуре!», делец наконец остановился, покачал головой и вслед мне произнес: «Йа, Алла, йа, Алла...» («О, Боже, Боже...»).

150 километров я, конечно, пешком идти не собирался. Шел на окраину города, где рассчитывал поймать машину в направлении Энзели. Двигался по многолюдной улице, удивляясь бывшей ключом жизни. В Иране мне уже приходилось бы-

вать, но я не переставал удивляться этому необычному миру. Все женщины в хиджабах. По закону Исламской Республики даже иностранки обязаны покрывать голову, не обязательно хиджабом – любым головным убором. Пожилые женщины в строгих черных и разноцветных накидках до земли. Девушки выпускают из-под платка челки, носят брюки и джинсы, поверх которых обязательно плащ, пальто или некий черный сарафан. Общественные автобусы строго разделены на две части: переднюю, мужскую и заднюю, женскую. Все ценники в магазинах, вывески и рекламные щиты – исключительно на фарси. Надписи на латинице – большая редкость. По краю дороги продавцы толкают здоровые деревянные тележки – кто с фруктами, кто с рыбой, кто со всякой посудой, среди которой возвышаются русские самовары в иранском исполнении. А вот велосипед, обвешанный мешками до такой степени, что не видно сидящего на нем человека. Эта самодвижущаяся гора мешков вызывает улыбки прохожих, а полицейский, пытаясь расчистить ей путь, останавливает машины. Меня тоже не оставили без внимания. Европейца с большим рюкзаком заметил таксист-азербайджанец. Он дважды проехал мимо меня, громко крича: «О'чей!» Так местные азербайджанцы произносят «О'кей».

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Удалось остановить небольшой грузовик с двумя веселыми парнями, которые сказали, что едут в город Решт через Энзели, и затем прибавили нечто, чего я понять не мог. Вспоминать фарси приходилось на ходу, английский в Иране мало кто понимает.

За пределами Астары дорогу окружали сплошные поля риса, апельсиновые и мандариновые сады, плантации чая и табака. Ни в одной деревне нет запустения, люди работают в поле, гудят маленькие тракторы. Прикаспийская область считается житницей Ирана.

Рынок в Реште уже потерял свой старинный вид, но считается самым лучшим в Гиляне

Наконец я понял то, что пытались мне объяснить парни. Они говорили о своей работе: мы ездили по небольшим городкам на трассе и развозили товар в магазины. Парни каждый раз просили продавца найти кого-нибудь, знающего английский, чтобы выяснить, правда ли мне нужно в Энзели, и все время зазывали в гости к себе в Решт, обещали горячий прием, экскурсию в горы к водопадам и крепости Рудхан. Однако рассчитывать на культурную программу явно не стоило. Всю дорогу парни, едва завидя одинокую молодую женщину, бурно выражали одобрение и без конца сигнализировали. Клаксон грузовичка издавал пронзительный свист, подобный свисту диснеевского пса Гуфи. После чего за одобрением водители обращались ко мне: «*Зишбá?*» («Красавица, правда?») Я кивал и пытался придумать, как бы поскорее покинуть веселую компанию – за подобные «знаки внимания» к женскому полу в Иране запросто можно угодить за решетку. Своим «вольным» нравом эта прикаспийская область – провинция Гилян – известна с начала XX века. В 1909 году гилянцы стали движущей силой иранской конституционной револю-

ции, а в июне 1920 года создали Гилянскую Советскую Республику. При поддержке Советской России Персидская Красная армия пыталась атаковать соседние провинции и овладеть Тегераном, но была разгромлена войсками иранского правительства, и в ноябре 1921 года республика прекратила свое существование.

А вообще-то история пребывания русских военных в прикаспийском Иране довольно разнообразна. В 1668 году здесь со своими казаками «отметился» Степан Разин. В 1723 году, после русско-персидской войны, область на пятнадцать лет стала частью России. Большевики захватили Энзели в 1920 году, чтобы вернуть уведенный белогвардейцами флот (см. «Пираты Каспийского моря»: «Русский мир.ru» №7. – Прим. ред.). Во время Второй мировой войны в Гиляне дислоцировалась Советская армия. Между прочим, призрак из тех времен попался нам прямо на дороге. Признаться, я глазам своим не поверил, когда увидел, что нам навстречу неторопливо тарыхтит настоящая советская полуторка времен Великой Отечественной войны...

РУССКИЙ МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ

В Энзели мне хотелось посетить молитвенный дом, освященный во имя святителя Николая Чудотворца. Уже в конце XIX века в этом портовом городе жила большая русская община, только у братьев Лианозовых на рыбном промысле трудились 2 тысячи рабочих. В 1913 году в Энзели открыли первый храм. После революции 1917 года церковь закрыли, а место молитвы приютившихся здесь русских изгнанников несколько раз меняло местоположение, ютясь в съемных помещениях. В 1949 году русские эмигранты смогли выкупить земельный участок и построить на нем часовню. В 2001 году старое здание, пришедшее в аварийное состояние, снесли, и на его месте возвели новый молитвенный дом. Сегодня Энзели – крупнейший иранский порт на Каспийском море, через который идет основной товарооборот между Россией и Ираном. Поэтому большая часть соотечественников в городе – это российские моряки, сходящие на берег во время разгрузки судов. Где находится часовня Святителя Николая, я не знал. Настоятель прихода в Тегеране отец Алек-

сандр на мой вопрос об адресе ответил, что дело это бесполезное, найти самому невозможно, и дал мобильный телефон смотрителя часовни, Андрея Мищенко. Всю дорогу я звонил Андрею с телефона водителей, но номер был недоступен. На улицах Энзели спросил о часовне не менее 20 человек, затем в школе дополнительного образования все подробно рассказал учительнице английского языка. Заботливая женщина полчаса обзванивала своих знакомых, но никто ни о чем подобном в их родном городе и не слыхивал. Сам отец Александр находился в Дубае, телефон старосты Тегеранского прихода был недоступен. Что оставалось делать? Решил ехать дальше, к тому месту, где на персидский берег высадился Афанасий Никитин.

ИРАНСКИЙ ПАРИЖ

В «Хождении за три моря» Никитин называет город Чабокар, к которому он причалил, отплыв из Баку. Мой приятель, писатель Антон Савин, несколько лет учившийся в Исламском международном университете в иранском городе Куме и хорошо знающий страну, однозначно определил, что речь идет о современном прибрежном городке

Таким образом на специальных настилах можно посидеть в иранском ресторане

Чабоксар примерно в 150 километрах от Энзели. Антон читал по иранской карте и не был уверен в точности произношения. Но, в общем, не ошибся – гилянцы произносили название этого городка почти идентично названию столицы Чувашии.

Как выбраться из Энзели на общественном транспорте, учительница не знала. Она, как и многие иранцы, привыкла передвигаться на такси. Автобусы существуют, но для поездок на небольшие расстояния здесь предпочитают официальные и неофициальные такси. Дело в том, что цена проезда при посадке четырех человек в машину практически равняется билету на автобус – около 5 тысяч реалов (чуть более 4 рублей). На такси ездят на работу, к друзьям и даже, как сокрушалась героиня Ноны Мордюковой, «в булочную за хлебом». Случается ездить на такси и автостопом. Великодушный водитель Ахмед развез всех пассажиров и занялся мной. Я хотел было договариваться о цене, но Ахмед поморщился: «*Мехмун баш*», – торжественно произнес он. Антон Савин перевел эту фразу слишком возвышенно, но по смыслу верно: «Будь гостем, о, чужестранец, и оцени по достоинству восточное гостеприимство». Ахмед бросил работу и повез меня к себе домой в Решт. Квартира была обставлена по-европейски. Мы сели за стол. Жена Ахмеда уехала к родственникам, поэтому к ужину он купил на улице кебаб, завернутый в лаваш. Несмотря на обилие хлеба, съели все подчистую. Баранина оказалась очень сочной, а иранская пословица гласит: «хлеб под кебабом вкуснее самого кебаба». Тут подъехал старший сын Ахмеда, Давуд. Молодой, увлекающийся бодибилдингом парень немного говорил по-русски. Несколько лет назад он работал инженером в Туркменистане и Казахстане. «Народ там, конечно, хороший, душевный», – рассказывал Давуд. – Но каждый день напиваются, и работать не хотят. Без русского языка с ними никак не сладить. Наорешь – начинают делом заниматься. Мы тоже

пьем, но после работы, в меру. Гилян – самая свободная провинция Ирана, непохожая на всю остальную страну. Решт же мы называем «иранским Парижем». Виски, вечеринки, жениться молодых людей никто не неволит...». Но открыто нарушать порядки страны свободолюбивые гиланцы побаиваются. Спиртное можно купить, но из-под полы и у знакомого продавца. Вечеринки только «для своих» и за плотно закрытыми дверями. Девушка Давуда пришла в гости, одетая по всей строгости. Правда, тут же сняла свой хиджаб. Иранки, конечно, ходят в своем доме без платков, но если присутствует гость, то обязательно должны покрывать голову. Забегая вперед, скажу, что за все время пребывания в Иране я больше не видел женщин с непокрытыми головами – ни на улице, ни в гостях.

РЕШТ ТРАДИЦИОННЫЙ

Ночевал в «мехмун хуне» (буквально «дом гостя»). В отличие от «отеля», данное заведение всегда народное, с минимальными ценами и общими комнатами, где часами беседуют приезжие. Иногда, отдавая дань древним караван-сараям, такие гостиницы называют «мехмун сарай». Хозяин гостевого дома сидел в приемной на ковре и пил чай. Это был классический иранец с пышными седыми усами, будто сошедший с древних граверов. Не спеша, словно оду, пропел он мне свое приветствие на фарси. И дальше все так же выводил высоким штилем речи о Боге, всемирной дружбе, путешествиях за мудростью, приправляя свои слова цитатами из Хафиза и Фирдоуси.

На следующее утро хозяин все так же сидел в приемной и неторопливо потягивал чай. Пригласил меня присесть и налил стакан чаю. А я ему передал листочек с телефоном Андрея Мищенко, сказав, что мне срочно нужно позвонить. Хозяин прижал обе руки к груди: «Я беспрельдно счастлив буду исполнить твою просьбу, мой добрый

гость!» – расплылся он в улыбке, взял листочек, положил его рядом со своим мобильным и продолжил чаепитие. Сидим минут десять. Входит другой постоялец. Завязывается разговор с хозяином еще на десять минут. Собственно, разговором это назвать было сложно, одна за другой следовали неторопливые фразы типа: «Рад приветствовать тебя, почтенный господин! – Хозяину дома сего мир, да благословит его Бог! – Вам хорошо в нашем прекрасном городе? – Чудесный город, такие дружелюбные люди. – Все хорошо? – Все замечательно. – Как спалось в нашем гостеприимном доме...» Только иранцы способны столько времени подобным образом «разговаривать». Я не выдержал и прервал их: «Вы забыли, мне необходимо позвонить». «Я помню твою просьбу, дорогой гость. Но все должно идти своим чередом. Сначала мы поговорим с этим уважаемым господином, выпьем чай, затем я зажгу сигарету, покурю, затем возьму телефон и наберу твой номер», – ответил любезный хозяин.

С непривычки, конечно, можно было подумать, что он просто издевался. Но нет. Вот он – настоящий персиянин, которого можно встретить даже в Реште.

Монумент обитателям Каспия на берегу в Чабоксаре. Здесь высадился на персидский берег Афанасий Никитин, преодолев свое «первое море»

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРИЧАЛА

Маленький помятый автобус, следующий в Чабоксар, стоял на пригорке одного из автовокзалов Решта. Когда пассажиры заполнили салон, автобус толкнули вниз с горки и завели «с толкача». Слава водителю, что по дороге он больше не глушил свою колымагу, и мы довольно быстро, хоть и вприпрыжку, добрались до Чабоксара.

Большой монумент царского осетра с более мелкими рыбами украшает прибрежный тупик, расположенный буквально в 200 метрах от трассы. Серые волны бьются о навал валунов под ногами. Слева и справа пологий песчаный берег с огромными корневищами погубленных морем деревьев. Вдалеке тракторы вытаскивают из воды большие рыбацкие лодки. Я сидел на берегу и представлял, как сюда причалил Никитин, как он жил в Чабоксаре полгода, осваивал местный язык, пытался заработать денег на дорогу, может, рыбачил или на рынке помогал местным купцам... Спокойно представлять картины из жизни тверского купца в Персии мешала дрожь, все больше сковывавшая тело. Сырость, туман, промозглый ветер не отступали уже

Чем занимался
полгода
в Чабоксаре
тверской
путешественник,
в записках
не говорится,
быть может,
вот так же ходил
на промысел
с местными
рыбаками...

несколько дней. Температура держалась выше 10 градусов, я носил теплый свитер, ветровку, зимнюю шапку. И даже в такой одежде приходилось все время ходить, чтобы не замерзнуть. Нужно было двигаться, да и хотелось найти место, куда причалил Афанасий. Хмурое небо сливалось с морем, но все-таки я отчетливо видел, что никакого порта или руин древнего пристанища в пределах видимости нет. В расположенном неподалеку «отеле» ни одного англоговорящего человека не нашлось. Гостиницы в Иране существуют прежде всего для самих иранцев, любящих путешествовать по своей стране. Особенно здесь, на каспийском берегу, считающемся всеиранским курортом. В поисках полиглота отправился на базар. Торговцам понадобилось полчаса, чтобы найти «ученого». Молодой преподаватель английского языка в очках немало удивился моему рассказу об Афанасии Никитине, пообещал поведать эту историю своим ученикам, но ничем помочь в поиске следов того путешествия не мог. Утверждал, что в Чабоксаре никакого музея не существует. Ближайших краеведов я могу найти в Кухе-шах во дворце Пехлеви в 20 километрах отсюда на юго-восток.

НА ГОРЕ ПОСЛЕДНЕГО ШАХА

Кухе-шах (то есть «Гора шаха») – старинный бальнеологический курорт на окраине города Рамсара в окружении леса в предгорьях Эльбурса. Здесь – фруктовые сады и парки, горячие источники, большая гостиница 1933 года постройки, дворцы иранской знати и летняя резиденция последнего шаха, Мохаммеда Резы Пехлеви. Не так давно выяснилось, что эта местность – самое радиоактивное место на планете. Естественная природная радиация здесь местами превышает норму в 80 раз. Виной всему горячие источники, протекающие в недрах земли сквозь радиоактивные минералы. Однако этот факт никак не сказался на популярности курорта, даже в промозглую погоду гостиницы заполнены отдыхающими. Превращенный в музей бывший дворец Пехлеви утопает в апельсиновых деревьях, цветах, пальмах, кипарисах. Перед главным входом – фонтан с осетрами. Сам дворец выстроен из полосатого мрамора. Все здесь полосатое – стены, лестницы, колонны, резьба на окнах, лежащие львы. Вну-

три сохранена обстановка последнего иранского монарха. В гостиной – невероятно огромный ковер с мельчайшей вышивкой горного пейзажа, людей, животных. На стенах – европейская живопись; потолки же расписаны в восточном стиле с зеркальными вставками. В отдельном здании выставлена коллекция минералов, среди которых самые крупные – аметистовые друзы из России.

Музейные специалисты однозначно утверждали, что ни в Чабоксаре, ни в окрестностях никогда порта не было. Здешний берег слишком мелкий и пологий для организации пристани больших судов. В былые времена купеческие корабли бросали якорь в нескольких сотнях метров от берега, а местные жители перевозили на своих лодках людей и товары на сушу. Очевидно, таким же образом высадился на персидский берег и путешественник из Твери...

Проведя в прикаспийском Иране более восьми месяцев, Афанасий Никитин идет ко «второму морю», Индийскому океану, к острову Ормуз на выходе из Персидского залива, откуда отправлялись суда в Индию... ■

СЕСТРА СТРАНЫ

АВТОР

ЕЛЕНА БЕРДНИКОВА

В МАТЕРИИ СТАЛЬНОГО РЕЛЬСА ДЕВЯТЬ ЭЛЕМЕНТОВ: УГЛЕРОД, МАРГАНЕЦ, КРЕМНИЙ, МЫШЬЯК, ВАНАДИЙ, ТИТАН И ЦИРКОНИЙ; ЕСТЬ ЕЩЕ ВРЕДНЫЕ ПРИМЕСИ, ПРИЧИНЫ ХРУПКОСТИ – ФОСФОР И СЕРА.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Закладка Великой Сибирской дороги. Наследник престола цесаревич Николай Александрович отвозит тачку земли на полотно дороги. 1891 год

В ТЕЧЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ 175 лет железная дорога – та константа русской жизни, с которой вряд ли может поспорить что-либо еще рукотворное. В своей главной роли дорога – перевозчица. За первые шесть месяцев 2013 года пассажирами «Российских железных дорог» стали более 520 миллионов человек. Более 51 миллиона пассажиров – это путешествовавшие поездами дальнего следования, а 470 миллионов – это ежедневные потоки рабочих мигрантов из пригородов в города. Пассажирские перевозки на дальние расстояния сократились, пригородные метания – возросли. А вот грузов перевозили за тот же период на 3,7 процента меньше, чем в 2012 году: 605 миллионов тонн. Железная дорога – великая объединительница. Протяженность ее в России – свыше 85 тысяч километров. В 1913-м железнодорожная сеть в стране насчитывала почти 73 тысячи километров. Но то была страна с другой территорией, и сейчас часть ее – уже не Россия. Дорога – не волшебница, но она помогла сохранить то, что было в ее силах.

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ

В марте 1891 года в России началось строительство уникальной железной дороги, которая в будущем получит название «Транссиб». Вернее, ее первого участка – Миасс – Челябинск. Хотя многие историки считают, что старт проекта нужно отсчитывать гораздо раньше – с конца 50-х годов XIX века. Тогда, учтя горький опыт Восточной войны (нападение англо-французской эскадры на русские порты по всему побережью Тихого океана), российское правительство приняло решение о создании мощной морской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сергей Юльевич Витте (1849–1915), выдающийся русский государственный деятель, министр путей сообщения, председатель Совета министров

базы на Дальнем Востоке. Тогда же сюда были направлены специалисты для проведения изыскательских работ и определения маршрута будущих обычной и железной дорог.

Проект долго вынашивался, у него было много защитников и не меньше противников, требовавших даже провести медицинское обследование сторонников строительства, чтобы удостовериться в их вменяемости. Возражавшие против проекта были уверены, что прокладывать железную дорогу в Сибири – пустая трата денег, ибо тайга, болота и климат сведут на нет усилия строителей. Пренебрежительное отношение вязкого имперского чиновничества к потенциалу – экономическому и человеческому – восточной окраины долго стояло на пути Транссиба, пока в 1881 году император Александр III не принял решения о «постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги». В мае 1891 года цесаревич Николай Александрович символически насыпал первую тачку земли на полотно строящейся дороги во Владивостоке, а став императором Николаем II, дважды присутствовал на замыкании Великого Сибирского рельсового пути. В 1903 году – через Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), а в 1916-м – через Амурскую дорогу, идущую в границах России. А название «Транссиб» вместо Великого Сибирского пути прижилось благодаря иностранцам. Trans-Siberian Railway – так с самого начала называли дорогу в английских и американских газетах, делая акцент на ее функции преодоления, сечения пространства. Транссиб ведь установил связь не только Европейской России с Сибирью. Дорога соединила два океана, Атлантический и Тихий, французский Брест и Владивосток, Европу и Азию. Министр путей сообщения Сергей Юльевич Витте, человек, благодаря усилиям которого бумажный проект превратился в итоге в колоссальную стройку, неслучайно

заметил в 1892 году: «Транссибирская магистраль откроет Европе ворота на азиатский Восток, и Россия, стоя на страже у этих ворот, воспользуется всеми преимуществами посредника». Большая часть Транссиба (дистанция Самара – Златоуст – Челябинск – Курган – Омск – Новосибирск – Ачинск) идет по степи, совпадающей со старыми торговыми путями. Но степной путь победил на чиновничьем тендере XIX века не сразу. Главы северных губерний долго лоббировали свой вариант: Рыбинск – Кострома – Вятка – Пермь – Екатеринбург – Тюмень; интересно, что путь «по лесам», дороги Пермь – Екатеринбург и Екатеринбург – Тюмень, существовал и до закладки Транссиба. Был и южный вариант: Оренбург – Орск – Ақмолинск – Минусинск – Нижнеудинск. Но он уводил слишком далеко от уже освоенных житниц, от старого железнодорожного центра на юге Урала. В итоге Транссиб прошел срединным путем. Он оставил в стороне многие старинные центры Сибири, например слишком северные для Транссиба губернии Тобольск и Томск.

Транссиб строили по облегченному варианту, клали легкие рельсы: никто не ждал вала грузов из края, где плотность жителей составляла не более двух человек на квадратную версту и который даже любивший Сибирь Александр III назвал краем «богатым, но запущенным». Но уже в первые «железнодорожные» годы Сибирь предьявила такое изобилие продукции – масла, консервированного мяса, зерна – на продажу внутри страны и на экспорт, что оно превзошло расчетную загрузку дороги в три раза. Было решено срочно укреплять путь, класть вторые пути, повышать пропускную способность дороги.

Транссиб стал доказательством того, что дорога и есть главная российская специальность, как ни забавно это звучит в свете известного афоризма о дураках и дорогах.

ВОИТЕЛЬНИЦА И МУЧЕНИЦА

Транспортные возможности востребованы не только миром в обоих значениях этого слова. Они тем более востребованы войной. Железная дорога – воительница.

Притом что первая чугушка империи – придворно-прогулочная Царскосельская дорога, связавшая Петербург, Царское Село и Павловск, – была построена по указу Николая I в 1837 году, настоящий импульс к строительству сети, как уже было сказано, был дан Восточной войной, острым осознанием инфраструктурной отсталости.

В 1857 году было образовано оказавшееся не слишком честным и успешным Главное общество российских железных дорог, ГОРЖД, в 1865-м – создано Министерство путей сообщения. Тогда приоритетным направлением развития был юг: строили дороги на Курск, в Донбасский угольный бассейн и дальше, к Черному морю. Пути очень пригодились в 1877–1878 годах, когда Россия вела на Балканах войну с Османской империей.

Некоторые историки считают, что именно строительство КВЖД и внедрение растущей России вглубь раздираемого противоречиями слабого Китая возмутили Японию, имевшую на Китай свои виды, и фактически стали причиной русско-японской войны. Как бы то ни было, когда в 1904 году война началась, Транссиб справился с ролью путепровода военных эшелонов.

В 1904 году еще не была готова «золотая пряжка Транссиба» – красивейшая Кругобайкальская железная дорога: ее, короткую – всего 260 верст, – но идущую по скалам вдоль озера, строили с 1900 по 1905 год. Тем не менее во время войны поезда уже шли по сплошному Транссибу. Они добирались до портов Владивостока, Порт-Артура (Люйшунь) и Дальнего (Далнянь) через китайскую территорию, а Байкал преодолевали на паромах. Зимой 1904 года на 70-сантиметровый озерный лед даже положили рельсы: вагоны шли на конной тяге, а в середине Байкала на льду были построены дома и работала полевая кухня для переправляющихся рот. Война оказалась неудачной, но провал научил многому. Среди прочего стало очевидно, что путь, проложенный по чужой территории, каковым была КВЖД, в условиях войны может оказаться недостаточным и в любом случае слишком дорогим: только охрана дороги стоила около 12 миллионов рублей ежегодно. В 1906 году были начаты изыскания трассы для Амурской дороги, и спустя десять лет ее достроили. Был проложен первый тоннель в вечной мерзлоте, по проекту инженера-мостовика Л.Д. Проскурякова навешен 2,6-километровый мост через Амур.

В истории дороги была и одна бесславная война – Гражданская. Она для дороги означала одно – разрушение. И белые, и красные ценили возможности

Поезд Китайско-Восточной железной дороги

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

бронепоездов, но, уходя, оставляли лишь искалеченные рельсы, сожженные вокзалы и разбитые локомотивы.

В Челябинске и Кургане в середине 1918 года вспыхнуло восстание Чехословацкого корпуса, опрокинувшее местные советы и проложившее дорогу адмиралу Колчаку.

А 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в доме недалеко от вокзала, вместе с семьей был расстрелян Николай II, за 27 лет до этого насыпавший символическую тачку земли на строительстве Транссиба. «Царский» день железнодорожника, 4 августа, установленный Николаем II в 1896 году, по сути, корпоративное празднование дня рождения Николая I, по указу которого на русскую землю положили первые рельсы, большевики не праздновали до 1936 года.

Железнодорожники – не просто перевозчики. У дорог есть свои знамена, а у служащих – с самого начала и до совсем недавнего времени были кители с погонями, шинели и фуражки. Железнодорожники живут, как правило, недалеко от вокзалов и способны собраться быстро. Когда-то именно эта организованность, способность к скоординированному, высокоэффективному действию сделала железнодорожников одним из передовых отрядов рабочего движения. Технически грамотные, привычные к огромной ответственности, при этом парадоксально малооплачиваемые – железнодорожники были заводилами стачек, паровым котлом протеста, локомотивом революции. Но эти заслуги не избавили их ни в 1919-м, ни в последующие годы от насаждения на дорогу транспортной ЧК, ни в конце 1930-х – от репрессий, следовавших за славословием секретаря ЦК ВКП (б) Сталина в адрес всех железнодорожников, «от стрелочника до наркома».

В 1937–1938 годах многие из тех, кто был причастен к дороге, – путейские инженеры и рабочие, слесари и начальники паровозных депо, машинисты, помощники машинистов, кочегары,

Бронепоезд
атамана
Калмыкова
на железно-
дорожной
станции
Владивосток.
1919 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

начальники и служащие станций – имели высокие шансы поехать по своей же дороге под конвоем или получить высшую меру наказания. Так что дорога – еще и мученица, потому что и она не избежала репрессивного молота. У людей часто не было ни ресурсов, ни опыта, чтобы справиться с работой на линии, но в причины брака никто не вдумывался: «вредительство», «саботажи» и «враг народа» – таков был уровень теханализа на многих узлах Транссиба.

СПАСИТЕЛЬНИЦА, МУЧИТЕЛЬНИЦА И ГУБИТЕЛЬНИЦА

Когда в 1941 году началось нашествие, поставившее вопрос «быть или не быть», для Транссиба настал момент истины. Он стал дорогой жизни, а Сибирь сыграла роль убежища, куда можно переправить промышленный потенциал, где можно спасти детей, вылечить тяжелораненых и откуда можно получить военную продукцию и живую силу.

Стало легендой то, что сибирские полки спасли Москву от оккупации, – но пришли они не пешком. И столицу, и Сибирь спас Транссиб, и если Кругобайкалка – его «золотая пряжка», то сам он в ту пору был и солдатским, и офицерским ремнем, подпоясавшим огромное борющееся тело. Тогда дорога доказала дальновидность тех, кто придумал ее, творящую из российских «территорий» единое военно-стратегическое пространство.

Но дорога – не святая. Не только мученица. Она и мучительница,

соучастница подневольных перемещений миллионов человек. Не только узники ГУЛАГа, но и почти все русские сидельцы, политические и уголовные, в последние 150 лет проехали по этим рельсам. Этапы и эвакуации – крестные пути, а дорога – это такие нескончаемые перекладки, по которым человек едет на перекладных. И не только они несут человека, но и он несет и выносит их.

Есть у дороги и более ужасное лицо, ставшее особенно очевидным недавно. Довольно безопасное средство передвижения, железная дорога как инфраструктурный объект опасна. Днем и ночью, на перроне и у полосы отчуждения. Вырывающиеся из-за поворота локомотивы, рвущиеся вперед скоростные поезда неостановимы «в последний момент», чудовищно огромны. Дорога превращается в губительницу легко. Она губит не только беспечных пешеходов, но и путейцев с десятилетиями опыта и стажа.

Это губительное качество дороги изначально, но не обязательно. Сейчас множество остановочных платформ, оборудованных пешеходными настилами, находится на кривых участках пути, где видимость не более 50 метров. Поезд пролетает такое расстояние за секунды. В Центральной России таких необустроенных мест особенно много, и все они вопиют о постройке подземных переходов. То обстоятельство, что все это было построено более ста лет назад, плохое оправдание. Это

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Железнодорожный вокзал
Владивосток.
1918–1920 годы

нужно перестроить. И такая гуманизация дороги гораздо проще, чем Кругобайкалка с ее 39 тоннелями и 200 мостами. Нельзя поверить в то, что гуманность технически невыполнима или слишком дорога.

ЛЮБОВНИЦА

Дорога не работница лишь для тех, кто сам работает на дороге. Этому миллиону «железных кадров» она – любовница. На дороге работают целыми семьями, ценятся профессиональные династии, и абитуриентов из «железнодорожных» семей охотно принимают в транспортные вузы и училища. Есть 9 университетов путей сообщения, множество железнодорожных вузов, колледжей и училищ. На дороге традиционно в почете крепкая семья: можно услышать назидательные истории о машинисте, поссорившемся с женой и проехавшем на красный сигнал светофора. А это – табу. Поэтому дома должно быть все складно, чему до сих пор отчасти служит социальная инфраструктура, которую когда-то создал Транссиб. Примечательно, что большая часть отраслевых образовательных учреждений находится на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Как говорил в начале прошлого века один из подрядчиков Амурской дороги: «На постройке других дорог я должен был снабжать рабочего инструментом и заботиться выдачей ему своевременно заработной платы. На Амурской дороге на мне лежала забота о жилище ра-

бочего и о его семье, об их пище, одежде, о гробе для покойника и соске для новорожденного».

Эта забота оказалась чрезвычайно цепкой. Она сопротивляется различным оптимизациям затрат и сейчас: чтобы жить дорогой, надо жить в ее особом мире как в коконе. Ведомственные детские сады, больницы, клубы, спортивные сооружения, школы, интернаты – ведь детей рабочих с дальних разъездов нужно учить в городах, детские железные дороги и кружки «Юный железнодорожник»; свой социум. Таков, во всяком случае, идеал. Жить легко и разумно, чтобы принести ревнивой подруге только лучшее: здоровье, отличный настрой, кураж.

Отец героини платоновского рассказа «Фро», отставной паровозный машинист, не может перестать жить дорогой и сидит ежедневно на бутре в полосе отчуждения, «следя плачущими глазами за паровозами, тяжело бегущими во главе поездов». Домой он «возвращался вечером, худой, голодный и бешеный от неудовлетворенного рабочего вождения». Когда же его снова записали на паровозную службу, он «боялся выйти на работу несмытым, неподготовленным, угрюмым, поэтому постоянно заботился о своем здоровье, бодрости и правильном пищеварении, расценивая сам себя как ведущий железный кадр».

ВДОХНОВИТЕЛЬНИЦА

В поэзии и прозе волнующая суть дороги так очевидна. Она – место драматических про-

исшествий, нерядовых встреч, вселенского томления.

Достоевский знакомит читателя с князем Мышкиным в вагоне поезда.

Анна Каренина и Вронский впервые сталкиваются в вагоне первого класса, стоящем на платформе Николаевского вокзала в Москве, а выйдя из него, слышат о сбитом поездом человеке. Спустя два с половиной года Анна, догадавшись, что тот «раздавленный» – шифр и к ее судьбе, гибнет под колесами товарняка. А Вронский уезжает с Курского вокзала добровольцем на юг, для того чтоб умереть, освобождая славян.

Анна и Вронский – не единственные герои Толстого, в жизни которых дорога играет роль опоясывающей рифмы: она вводит в ситуацию, и она же изводит из нее. Катюша Маслова, повидав, но, не встретив Нехлюдова на ночном полустанке, теряет, по выражению Толстого, «веру в добро», а на длинном этапе в Сибирь вновь обретает ее.

Герои чеховского рассказа «О любви» в финале плачут в купе поезда. Более счастливые Гуров и Анна Сергеевна, герои «Дамы с собачкой», ездят друг к другу на свидания.

Эрос дороги в классике явлен с предельной полнотой. Вся ее сложная семантика – движение, приключение, опасность, прогресс, очевидность общественной иерархии (блоковское «молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели»), тоска, мечта – подчиняется, и то отчасти, лишь литературе.

Дорога – великая вдохновительница. Недаром Николай Гумилев запрещал молодым поэтам писать в поезде: перестук колес задает ритм, и писать стихи в дороге – слишком легко.

Раньше стык был через каждые 25 метров – скоро положат 800-метровые рельсовые «плеты». Эта почти бесшумная, бесстыковая, шелестящая езда называется «бархатный путь», но люди по-прежнему будут писать стихи в поездах. ■

«И ВСЕХ, КОГО ЛЮБИЛ...»

Д.С. Самойлов
(1920–1990)

АВТОР

ГЕННАДИЙ ЕВГРАФОВ

МНЕ КАЖЕТСЯ, В ОСОБОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДАЖЕ В НАШИ НЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА ДАВИД САМОЙЛОВ НЕ НУЖДАЕТСЯ. ВЕРНЫЕ ПОКЛОННИКИ ЕГО ПОЭЗИИ ПОЭТА ПОМНЯТ И ПРОДОЛЖАЮТ ЛЮБИТЬ. ЕГО КНИГИ ВЫХОДЯТ, СТИХИ ЧИТАЮТ, И МНЕ ИЗВЕСТНО, ЧТО НЕ ТОЛЬКО ЕГО ДАВНИЕ ЧИТАТЕЛИ, НО И МОЛОДЕЖЬ.

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ С НИМ В СВОИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ, И ТАК СЛОЖИЛОСЬ, ЧТО ЗНАКОМСТВО ПОСТЕПЕННО ПЕРЕРОСЛО В ОБЩЕНИЕ, ОБЩЕНИЕ СО ВРЕМЕНЕМ – В ДРУЖБУ.

Д.С. жил то в Пярну, то в Москве, я постоянно навещал его и там, и там. Конечно, вели самые разные разговоры, что-то я записывал в дневник, что-то нет. Теперь жалею.

Но ничего нельзя вернуть, жизнь, как известно, фатальна и движется из пункта А в пункт Я. Чем и кончается.

Остается писать воспоминания о поэте, о времени, в котором выпало жить, и о других людях, с которыми приходилось дружить и общаться.

ЛАМПОЧКА ЮРСКОГО

В Пярну, как и в Москве, люди на поэта слетались как бабочки на огонь. Он умел привлекать к себе сердца и умы. Да и всегда слетавшимся и съезжавшимся было приятно послушать его новые стихи и пообщаться мало того что с мудрым, но и с любимым человеком и поэтом. А собеседником Самойлов был (когда хотел) удивительным.

Часто бывал в Пярну Александр Городницкий с женой, ученицей Д.С., замечательным поэтом Анной Наль. Бережно храню на своей книжной поэтической полке ее книгу «Весы» 1995 года рождения. Именно так, поскольку сборник этот был ее первенец. В отличие от своего достаточно известного мужа она, к сожалению, даже до сегодняшнего времени не известна широкому читателю, хотя талант ее и

В. КРОХИНА

ВИКТОР ПЕРЕЛЫГИН

Давид
Самойлов
и Зиновий
Гердт

дар своеобразны и оригинальны. Но так сложилась судьба... Как-то раз заглянул Сергей Юрский, в прихожей ввинчивал перегоревшую лампочку, о чем мне с некоторым удивлением рассказывала редко удивлявшаяся знаменитостям, постоянно бывавшим в доме, как в Москве, так и в Пярну, присутствовавшая при этом исторически-бытовом событии Варвара (дочь Д. Самойлова от второго брака, с Г. Медведевой. – Прим. авт.). «Вы представляете, – говорила она, – сам Остап Бендер! Влез на лестницу и вкрутил лампочку!»

МОСЬЕ ПАНИКОВСКИЙ И КОСМОНАВТ ГРЕЧКО

Поначалу скромный старик не вызывал никакого интереса у своих соседей – холодных и бесстрастных эстонцев. Но когда они увидели сошедших с экрана и расхаживающих по их улице то жуликоватого Паниковского (З. Гердта) из классического «Золотого тельца», то эксцентричного полковника Френсиса Чеснея (М. Козакова) из бурлеска «Здравствуйте, я ваша тетя!», то благородного

Атоса (В. Смехова) из почти мюзикла «Три мушкетера»; когда ТВ приехало в их городок снимать фильм о Д.С. и попросило местное СМУ, или как там оно называлось, заасфальтировать для съемок дорогу, по которой

Давид
Самойлов
и Георгий Гречко

ВИКТОР ПЕРЕЛЫГИН

должен был проехать тонваген, и когда по местным меркам это самое могущественное СМУ немедленно, без разговоров, на глазах удивленной публики дороге заасфальтировало – бесстрастные и холодные сердца жителей Пярну дрогнули и в их головах что-то зашевелилось. Но и тогда эстонские соседи так ничего до конца и не поняли про своего соседа из далекой и чуждой им России и продолжали теряться в догадках, кто этот странный старик, к которому приезжают такие известные люди из самой Москвы.

Впрочем, вскоре все прояснилось. Любопытство коренных местных жителей было удовлетворено, когда по просьбе местной русской интеллигенции, прознавшей, что в их городке «поселился замечательный поэт», Д.С. начал выступать с чтением своих стихов в местном культурном клубе. Отказывал Самойлов редко, только по причине нездоровья. Время от времени он выступал вместе с Зиновием Гердтом и Михаилом Козаковым.

Вот тогда жители маленького эстонского городка и узнали, что сосед их – всего-навсего русский поэт, но все равно почесывали свои репы, недоумевая, почему его с завидной регулярностью навещают всесоюзные знаменитости.

Добила соседей тяжелая артиллерия в лице летчика-космонавта, Героя Советского Союза Георгия Гречко. Космонавт, оказавшийся в августе 85-го проездом в Пярну, возжелал познакомиться с любимым поэтом. Набрал номер, позвонил, представился. На другом конце провода было коротко сказано: «Приезжайте!» – Д.С. тоже было интересно пообщаться с человеком, побывавшим в безвоздушном пространстве, – и Гречко приехал.

В назначенный день и час черный лимузин подкатил к дому. Из машины вышел самый интеллигентный и ученый (в прямом смысле этого слова) из всех космонавтов, которого мест-

ные аборигены видели только по телевизору в основном с руководителями партии и правительства, и не спеша, с женой, прошествовал по улице Тооминга в дом Самойловых. Когда в Москве Д.С. рассказывал об этом неожиданном визите, я спросил, какое впечатление Георгий Михайлович произвел на него и о чем они говорили. «Говорили? – переспросил Самойлов. – Как ты думаешь, о чем могут в первый день знакомства говорить два русских интеллигента, один из которых побывал в космосе, а другой о нем размышляющий?»

«О смысле жизни», – догадался я. «Так оно и было, – сказал Д.С. – Гречко весьма симпатичен и умен. Я подарил ему книгу и пластинку. А для вечности нас фотографировал Виктор».

Вот тогда эстонские соседи про Самойлова решили, что он не только поэт, но и какой-то большой начальник, вышедший на пенсию и избравший их прекрасное, уютное Пярну для дальнейшего проживания и общения с такими же, как и он, большими столичными людьми. Виктор Перелыгин, местный учитель русского языка и литературы, который и запечатлел этих «больших начальников» для истории, вхожий в дом Д.С., вел себя как настоящий русский партизан – ничем их догадки не подтверждал, но и не отвергал.

СКРИПЧКА ПИКАЙЗЕНА И ГИТАРА КИМА

Летом в Пярну отдыхали однокурсник Самойлова по ИФЛИ Яков Костюковский, один из соавторов сценария фильма Гайдая «Бриллиантовая рука», и очень хороший детский поэт Яков Аким, которого любили маленькие читатели. Да и Д.С. относился к нему очень тепло. Самойлов однажды сочинил: «Яков, пойдем, выпьем коньяков». Но конкретно не соотносил, к какому именно Якову это обращение относится. Тем более что оба Якова редко одновременно прибывали в Пярну.

ВИКТОР ПЕРЕЛЫГИН

Давид Самойлов
и Яков
Костюковский

Поэтому когда выходил из дома, собираясь навестить того или другого, говорил одно и то же и тому, и другому Якову. Они оба об этом знали, но виду не подавали, чтобы доставить лишний раз удовольствие Д.С., который тоже знал, что они знают, но, принимая правила игры, делал вид, что не знает, что они знают. Дом Самойлова располагался на улице Тооминга, в прекрасном, тихом и зеленом месте – десять минут до моря, пятнадцать – до центра. Окна кабинета выходили

в сад, за забором стоял дом, комнату в котором каждое лето снимал известный скрипач Виктор Пикайзен. Д.С. отмечал удобное соседство – не надо было ехать в Москву, чтобы наслаждаться классической музыкой, которую он очень любил. Иногда притворно удивлялся, что после концертов, которые музыкант порой давал в городской ратуше, он скромно ужинает кефиром с булочкой и потом сам себе еще играет на ночь на скрипочке. «Ему, оказывает-

ВИКТОР ПЕРЕЛЫГИН

ся, все мало!» – умиляясь, восклицал Д.С.

Напротив, через дорогу, стоял другой обычный, ничем не примечательный деревянный дом, в котором всегда останавливалась другая мировая знаменитость – Давид Ойстрах. О чем свидетельствовала мемориальная доска, на которой это было запечатлено. Самойлов шутил: «Когда помру, нашу Тооминга переименуют в улицу «Двух Давидов». И после паузы добавлял: «Чтоб никому обидно не было!» Улицу, кстати, пярнуские власти в честь людей, прославивших их город, так до сего времени и не переименовали.

Когда же в Пярну навещался Юлик Ким, на Тооминга он всегда приходил с гитарой, к которой относился бережно и трепетно, как к любимой женщине. Когда он расчехлял ее, мне думалось, что именно так он раздевает любимую.

Д.С. говорил: «Если хочешь что-то спеть, то спой мне песни лирические и художественные, а политические не надо».

Эту классификацию поэтических жанров он услышал на заре своей переводческой деятельности от одного акына. Акын делил все стихи «на политический, лирический и художественные». Молодой Самойлов, только начинавший свою профессиональную переводче-

скую деятельность, такой классификацией восхитился и запомнил на всю жизнь. Д.С., вторя вслед за акыном, повторил Юлику: «Спой художественные». Потому как «крамольных» песен Кима он не любил. Относил их к разряду «палитических». Юлик медленно раздевал свою гитару, настраивал и начинал петь.

После того как Ким исполнил одну из своих «художественных» песен, все сели за обеденный стол. За столом Д.С. говорил, что у русского человека есть одновременно два противоположных стремления: остаться дома, на месте, у истоков, и ударить неизвестно куда и поселиться неизвестно где.

Убеждал, что в России было пять истинных умов. Пушкин – ум эстетический, Герцен – гражданский, Достоевский – ум духовный, Толстой – нравственный и Ленин – ум политический. Мы пытались с Кимом втянуть Д.С. в дискуссию – а как же Тютчев, он что, ум не эстетический? А у Салтыкова-Щедрина не гражданский ли ум будет? А Троцкого со Сталиным куда отнести? Но Самойлов твердо стоял на своем и упорно повторял – пять. Спорить больше не хотелось, мы обдумывали мысль Д.С. и в конце концов признали ее верной. Потому что Д.С. говорил о самых значащих личностях в России.

Юлий Ким
в гостях у Давида
Самойлова
в Пярну

ПЕЧЕНЬЕ ДЛЯ ЗАХАРЧЕНИ

Однажды позвонил известный физик, членкор АН СССР, профессор Ленинградского электротехнического института Борис Петрович Захарченя. Сказал, что давно любит стихи Д.С., попросил разрешения прийти в гости, познакомиться.

Интеллигентного общения в Пярну все-таки не хватало, даже местная интеллигенция плохо знала русскую историю и культуру, да ко всему прочему Самойлова всегда тянуло к физикам – его интересовали вопросы устройства Вселенной.

Захарченя, лауреат Государственной и Ленинской премий, был известен своими трудами по оптике твердого тела. Рассказывал, что открыл и исследовал осцилляции магнитопоглощения, связанные с оптическими переходами между уровнями Ландау в кристаллах. Долго говорил что-то о своих трудах в области спектроскопии и полупроводников. Присутствующие в этом монологе поняли только слова «Ландау» и «полупроводники» и дружно закивали. Все остальные «осцилляции» были за гранью понимания присутствующих. Не помог даже отборнейший коньяк, который захватил с собой Борис Петрович. Со временем визиты Захарчени стали регулярными. Каждое лето он отдыхал в Пярну и каждый раз навещал Самойловых. Был Борис Петрович лыс, некрасив и смешно шевелил большими ушами. Он был весьма образован и начитан, но необычайно занудлив, к нему относились иронически и терпели как неизбежное.

Помню, как Захарченя нервно протирал огромные блюдца-очки, реагируя с удивлением на нелюбимые рассказы Давида Самуиловича из литературного быта (надо же, а еще инженеры человеческих душ!). Он надолго замолкал и после некоторой заминки собирался уходить.

Однажды Самойлов написал шуточное стихотворение, обращенное к ленинградскому чле-

ну-корреспонденту, и, когда Бориса Петровича во время очередного посещения хозяйка дома пригласила к столу, хозяин прочитал (привожу первые четыре строки):

*Захарченя, ешьте зелень,
Витаминов много в ней.
Так советовал Зеленин,
А оно ему видней.*

Полезную траву в тот раз принес Иван Гаврилович Иванов, лихой морской волк и прозаик-самородок, которого в доме Самойловых привечали и любили. Особенно с ним нянчилась Галина Ивановна, которая была первочитательницей его сугубо реалистической прозы. Ну а под Зелениным подразумевался тот самый профессор Зеленин, который изобрел известные капли.

Как правило, после ужина и разговоров ученый, отсидев за столом положенный срок, как всегда, раскланявшись, покидал гостеприимный дом, так сказать, островок русской словесности в Богом забытом эстонском городке Пярну...

Через много лет, весной 2005 года, я прочитал сообщение агентства «Росбалт» о том, что «в Петербурге 10 апреля на 77-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся российский физик академик Борис Захарченя».

АБЫЗООБРАЗНЫЙ АБЫЗОВ

Писатель, переводчик, собиратель, хранитель и публикатор русского культурного наследия в Прибалтике Юрий Иванович Абызов часто навещал Д.С. С давних пор Абызов жил в Риге и осуществлял, если так можно выразиться, культуртрегерскую связь между русской культурой и местным населением.

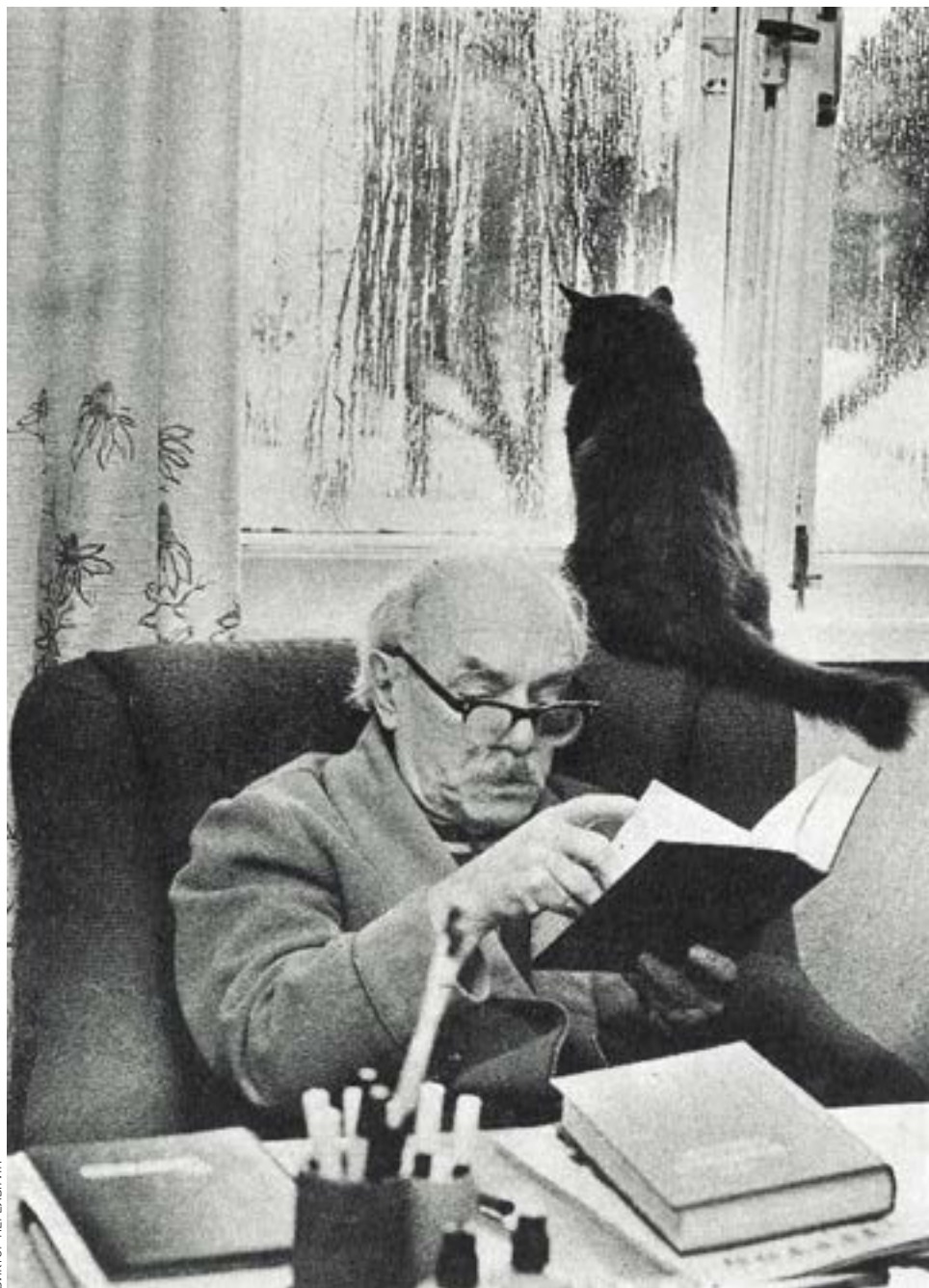
Он выбирался к Самойлову несколько раз в год, поселялся в очень уютной и опрятной гостинице «Каякас», которая располагалась в пяти минутах ходьбы от самойловского дома, и все время проводил у друга. Скрупулезнейшим об-

Давид Самойлов
и Юрий Абызов

разом он с несвойственной русским людям немецкой педантичностью собирал все эпиграммы, афоризмы, иронические стихи, псевдонаучные трактаты своего друга, так называемые стружки с его письменного стола. В то время о том, чтобы напечатать их, речь даже не заходила. Д.С. отшучивался, что, «когда взойдет прекрасная пора», эти сочинения составят предпоследний том его собрания сочинений. Был Юрий Иванович невысок, кряжист и красив. У него было

открытое типично русское широкое благообразное (Д.С. говорил «абызообразное». – Прим. авт.) лицо и все понимающие умные глаза. Говорил он медленно, несколько скрипучим голосом. Был остроумен, но остроумие чаще проявлялось на письме, нежели в неторопливой речи. На окружающий мир Абызов смотрел с неизбывным сожалением, жалостью и печалью, как бы вбирая в себя все его несовершенства и изъяны. Пороков было много, ноша невероятно тяжела, но Юрий

ВИКТОР ПЕРЕЛЫГИН

Иванович мужественно нес ее, не сгибаясь под тяжестью добровольно взваленного на себя бремени. Самойлов познакомился с ним в конце 50-х годов во время одной из своих поездок по Латвии и быстро сошелся во взглядах. Юрий Иванович был на год моложе поэта, как и он, воевал, и это сближало их еще больше. В эти годы он был еще достаточно весел и смотрел на мир и человека не так пессимистично и мрачно, как в более поздние времена. Он часто

приезжал в Москву и быстро вписался в круг самоейловских друзей. Портрет друга поздних времен Д.С. запечатлел в такой эпиграмме:
*Абызов был абызобразен,
Как Разин или Пугачев.
Теперь же стал благообразен,
Как Казин или Щипачев.*
Юрию Ивановичу больше хотелось походить на русского разбойника Степана Разина, нежели на старейшего советского поэта Василия Казина, о чем он и не преминул сообщить

Давид Самойлов
в своем кабинете
в доме в Пярну

Д.С., который ответил, что безобидный Щипачев (в свое время один из известных советских поэтов. – Прим. авт.) куда лучше разбойника Пугачева. Абызов успокоился, удовлетворился тем, что есть – и эпиграммой, и собственной похожестью на исторических персонажей, и больше Самойлову просьбами не докучал.

У Юрия Ивановича был тяжелый характер (мне казалось, что он чересчур обидчив), и даже Галина Ивановна, для которой не существовало авторитетов, всегда уважительно и подолгу разговаривала с другом мужа, который стал и ее другом.

Во время моего очередного приезда к Д.С. и очередного отъезда Абызова Самойлов, когда мы прогуливались к морю, спросил: «Ты знаешь, чем занимаются интеллигентные люди летом в Пярну?» – явно намекая на себя и Юрия Ивановича. «Нет», – сделал вид, что не знаю, кротко ответил я. «Интеллигентные люди занимаются тем, – поучительно продолжал мэтр, – что сидят в гостинице «Каякас», смотрят в окно на парк, пьют водку и читают Эккермана «Разговоры с Гете». Именно так мы провели с Абызовым лето». Я сочинил тогда такую эпиграмму:

*Юрий Иванович Абызов,
Известный деятель круизов.
Из Риги в Пярну и из Пярну в Ригу
Берет одну и ту же книгу.*
Под книгой подразумевалась рукопись Давида Самойлова «В кругу себя», которую Юрий Иванович долгие годы собирал и с которой он тщательно работал. Дружба с Ю.И. продолжалась вплоть до ухода Д.С.

20 декабря 89-го Самойлов обратился с последним посланием к другу. В нем было всего четыре строки:

*Не спи, не спи, Абызов,
Готовь себя к труду.
А я как баиня в Пизах,
Пока не упаду.*

«Башне» предстояло простоять еще чуть более двух месяцев. А Юрий Иванович ушел из этой жизни в 2006-м. ■

ОТШЕЛЬНИКИ

АВТОР

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

ФОТО

МАКСИМА СЛАВЕЦКОГО

ВСПЫШКА. ТРИ СЕКУНДЫ ТЕМНОТЫ. ОПЯТЬ ВСПЫШКА. ДЕСЯТЬ СЕКУНД ТЕМНОТЫ. ВСПЫШКА. И ТАК ДО БЕСКОНЕЧНОСТИ: ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ РОССИЙСКИХ МАЯКОВ, НА МЫСЕ СТИРСУДДЕН НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА, РАБОТАЕТ ВСЮ НОЧЬ. РАДИОПОЗЫВНОЙ СТИРСУДДЕНА – «НАДЕЖНЫЙ». И ЭТО НЕ СЛУЧАЙНО: МНОГИЕ ПОКОЛЕНИЯ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ БЫЛИ УВЕРЕНЫ, ЧТО СВЕТ ЭТОГО МАЯКА ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИВЕДЕТ ИХ В БЕЗОПАСНУЮ ГАВАНЬ.

МАЯК ЗНАЮТ И УВАЖАЮТ не только моряки – не раз он спасал жизни рыбакам, помогал сориентироваться летчикам. Но больше всего «свой» Стирсудден любят его «хозяева» – маячники. Если бы не их ежедневная работа, маяк уже давно бы погас навсегда. «Стирсудден» переводится со шведского как «указующий» – мыс выдается в Финский залив на северном его берегу при входе в пролив Бьёркезунд. Много отмелей и сильное течение делают это место опасным для мореходов, поэтому маяк здесь был необходим. Но история маяка почти такая же бурная, как и штормы в Бал-

тийском море. При Петре I на мысе в плохую погоду просто разжигали костер, в начале XIX века установили неосвещаемую башню. Долгие годы о необходимости полноценного маяка в этом месте твердили гидрографы, но лишь в 1873 году их мольбы были услышаны, и маяк начал действовать (кстати, рядом с маяком в 1907 году на даче целый месяц жили Владимир Ленин с Надеждой Крупской. После чего будущий вождь заметил в своих записях, что «маячники – не пролетариат». – Прим. авт.). В 1918 году маяк перешел во владение финнов, в годы войны был полностью разрушен, а в 1954 году построен заново.

Среди елей, недалеко от маяка, памятник Ленину – здесь летом 1907 года он отдыхал с женой на даче у знакомых

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИЛИ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Сегодня красно-белый красавец-маяк высотой 27,6 метра обращает на себя внимание всех проезжающих по Приморскому шоссе. Но парадные ворота, ведущие от дороги к маяку, всег-

Парадные
ворота, ведущие
к маяку, почти
всегда закрыты,
лестница
заросла травой

легаций. Даже специально был создан демонстрационный павильон, где было выставлено маячное оборудование. В 70-е и 80-е годы сюда приезжали министры и военные из Дании, из Финляндии, даже из КНДР.

Да и сейчас от желающих подняться на маяк нет отбоя, почти каждые выходные приезжают любители морской романтики. – Романтика романтикой, но маяки играют большую роль для любого государства, – считает Эдуард Дементьев. – По их развитию можно оценить мощь морской державы, понять, насколько развито в стране судоходство. Кроме того, многие люди, в том числе писатели, художники, бывали на маяках, их впечатления остаются в литературе, создают образ маяка – главной надежды моряков. Вынужденные запреты на посещения расстраивают не только туристов, но и тех, кто работает на маяке. Сложно представить себе более гостеприимных хозяев, чем маячники: даже незнакомых людей они обязательно напоят чаем, угостят сладостями, накормят обедом, обязательно дадут с собой какой-нибудь гостинец со своего огорода. Городские жители, не привыкшие к такому радушию, сперва теряются и не знают, как себя вести.

– Не думайте, что мы выпендриваемся, – говорит Эдуард, в то время как его жена Татьяна ставит на стол домашний торт с земляникой. – Мы и без гостей любим себя побаловать вкусностями: пожив несколько лет на островах на военном пайке, поневоле станешь гурманом. А гостеприимство у всех маячников в крови – сказывается дефицит общения, ведь почти круглый год, живя на острове с двумя-тремя семьями, других людей не встречаешь. Так что заезжего гостя накормим, напоим и спать уложим!

ГДЕ УЧАТ НА МАЯЧНИКОВ?

Эдуард знает, о чем говорит: до Стирсуддена он много лет жил на маяках на островах в Финском заливе – четыре года на Большом Тютерсе почти на границе с Эстонией и еще по три года на Северном и Южном маяках на острове Гогланд. Хотя попал на остров случайно: по профессии судосборщик, он получил травму на производстве и поехал «отдохнуть» на лето на гогландский маяк. «Отдых» растянулся на шестнадцать лет...

– Нет учебных заведений, где учат работать на маяке, – говорит начальник Стирсуддена. – Всему учишься на опыте. Сначала работаешь на низшей должности, разбираешься с обязанностями,

да закрыты, каменная лестница заросла травой. Даже тех, кто не поленился обойти территорию маяка и постучаться в другие ворота, скорее всего, не пустят внутрь: Стирсудден, как и любой другой маяк в Финском заливе, находится в ведении Министерства обороны РФ и является закрытым объектом.

– Мы бы и рады пускать посетителей, но начальство запрещает, – разводит руками начальник маяка Эдуард Дементьев. – Хотя именно Стирсудден был реконструирован в 70-е годы с расчетом на то, что сюда будут приезжать экскурсии из Петербурга, он должен был служить образцом для заграничных высокопоставленных де-

оборудованием. Изучаешь оборудование на практике – когда оно неожиданно ломается и его надо быстро починить.

– Нужны определенные качества характера, – уверена Татьяна. – Умение быстро принять решение и нести за него ответственность, обязательно умение быстро обучаться всему новому и находить нестандартные решения.

Работа на острове при маяке многим представляется совсем несложной: включил кнопку – лампа на маяке зажглась и мигает без твоего участия всю ночь. В реальности же это каторжный труд в тяжелых условиях.

– Очень много физической работы, – объясняет Эдуард. – Света нет, вода в колодце в 300 метрах от дома под горку, сколько принес, столько же и вынес – никакой канализации. Хочешь тепла – руби дрова, причем ходить надо далеко в лес, ведь вблизи уже все вырублено предыдущими поколениями маячников. Когда мы с женой вдвоем зимовали на Большом Тютерсе, то сломалась бензопила. Замену пришлют только с оказией, а оказия раз в полгода. Вот и пилили мы вдвоем каждое утро обычной двуручной пилой...

Маячники, как правило, заводят свое хозяйство – огород, птицу, скотину. Уход за животными отнимает много времени и сил, но без этого никак.

– Поскольку гидрографическая служба создавалась еще при царе-батюшке, то так получилось, что мы всегда сами по себе, не принадлежим ни к какому роду войск, даже к флоту, – объясняет Эдуард. – Поэтому нам полагается обычный общевоинской паек, не учитывающий тяжести физической нагрузки. Неудивительно, что в апреле у нас всегда начинался «великий пост»: паек кончается, дичи еще нет. И сидишь на картошке с луком. Да и от однообразия еды тоже устаешь – есть полгода одну тушенку! Если сложить все банки тушенки, которые я съел за годы маячной жизни, то можно жестяную избу построить! А

так хоть мясо свое есть, молоко, испечь что-то можно. Кроме того, занимаясь домашним хозяйством, «переключаешься» и душевно отдыхаешь.

Непозволительная для островитян роскошь – заболеть. Лекарств мало, медиков нет, а МЧС, конечно, прилетит, но вот только когда?

– Я только-только принял маяк Тютерс в качестве начальника, личный состав маяка – два человека, да и то моя жена отправилась на Большую землю за пайком, – вспоминает Эдуард. – И тут у меня зверски заболели зубы. Несколько дней боли. Ничего не помогало, да и болеутоляющих не было. Меня уже козы, которых мы там разводили, стали бояться... Один раз я в отчаянии зашел в сарай, в надежде найти там либо завалившийся за дрова анальгин, либо уж бутылку водки... И увидел мой спасительный инструмент!

Такой эксперимент лучше никому не повторять: Эдуард взял бензопилу «Дружба», два провода, отсоединил свечу зажигания, один проводок присоединил изолянткой к руке, а другой сунул прямо в больной зуб и дернул стартер.

– С табуретки я свалился, но зуб с тех пор года три не болел, – смеется маячник.

Начальник маяка Эдуард Дементьев и его жена Татьяна встречают гостей

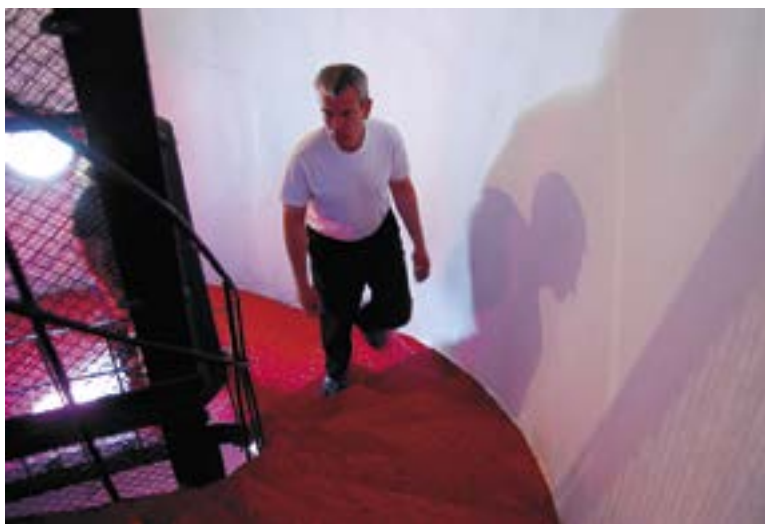
ПОТЕРЯННЫЕ ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Люди, запертые на полгода во льдах и снегах, больше всего страдают от изоляции. Хотя маячников часто называют «добровольными отшельниками», многим из них тяжело общаться лишь в узком кругу двух-трех семей.

– Неженатых на остров не берут, но и семейные пары часто не выдерживают такой проверки на прочность, – говорит Эдуард. – Количество разводов среди маячников чуть ли не равно количеству людей, поступающих сюда работать. Да и попробуйте общаться только со своей женой или мужем, да еще и 24 часа в сутки! Без телевидения, без Интернета...

– На островах место только самодостаточным людям, которым интересно наедине с собой и со своей семьей, – добавляет Татьяна. – Большинство маячников – люди своеобразные.

– Говоря прямо, немного сумасшедшие! – смеется Эдуард Дементьев. – Например, на острове Нерва есть маяк. Остров очень маленький, просто скала в море. Там нет ничего, даже пресную воду привозят с суши. В этих условиях жила семья маячников. Некоторое время назад там поставили автоматический маяк, а их перевели на берег в гидрографическую

Каждую ночь вахтенный поднимается наверх, чтобы проверить работу маяка

на Гогланд – хотя первой зимой (мы приехали в декабре) там без воды, света и тепла с маленьким активным ребенком было непросто. Сын мне сказал по приезду: «Мам, я думал, остров – это где пляж и пальмы». Но хотя он там был единственным ребенком и компании у него не было, годы жизни на Гогланде он вспоминает как лучшие в своей жизни.

– В городах много фальши и наигранности, а здесь живешь на самом деле, – пытается объяснить Эдуард. – Там все мимо-летно, тут глубоко. Тут не играет роли, как ты одет, какой марки у тебя машина, здесь не на кого производить впечатление, здесь даже деньги не имеют цены, потому что нечего и не у кого покупать. Зато важны твои поступки, твой труд, здесь чувствуешь уважение к себе. Словами этого не объяснить, можно только почувствовать.

службу. Так бывший начальник маяка приезжал на Нерву в свой отпуск. Да и сам Эдуард называет себя «человеком, потерянным для общества». Вернувшись после острова в большой город, он понял, что такая жизнь ему уже не подходит.

– Мы год жили с Эдиком и маленьким сыном в городе, – говорит Татьяна. – В материальном плане у нас все было отлично, муж нашел хорошую работу, я тоже работала, сын ходил в садик. Но я видела, что мужу все больше не по себе. И мы решили все бросить и снова поехать

3820 ГРЕБКОВ И ПОЛБАНКИ СГУЩЕНКИ

Правда, летом на островах не со-
скучишься. Охота, рыбалка. У ма-
ячников на Гогланде есть особое
развлечение – собирательство.

– Там можно жить как Робин-
зон, – говорит Эдуард. – С про-
ходящих мимо кораблей сдува-
ет много разных вещей круглый
год. Просто ходишь по берегу и
ищешь. Например, как-то наш-
ли целый ящик лимонада. Ба-
наны, апельсины, корабельная
мебель. Частая находка – обувь.
Люди заходят на яхту, разувают-
ся, тапочки оставляют на палу-
бе, а шторм их сдувает. Я как-то
иду, вижу левый кроссовок «ади-
дас». Почти новый, мой размер.
Думаю: зачем он мне? Кинул в
камни. Километра три прошел,
вижу – второй лежит, правый.
Я бегу обратно искать левый.
Но так и не нашел, завалился
куда-то. Одежду находили, как-
то нашли бочку с краской. На
Большом Тютерсе (правда, меня

в то время там не было) весь бе-
рег был завален водкой «Фин-
ляндия». Видимо, кто-то спешно
избавлялся от контрабанды...

Иногда островитяне помогают
пограничникам – с маяка вы-
сматривают заходящие в бухту
суда и сообщают о подозритель-
ных посетителях по радиосвязи.
– Как-то я заметил, что к нам по-
вадился какой-то странный су-
хогруз, – говорит Эдуард. – Ока-
залось, он тихо скидывал в
наши воды химикаты. По моей
наводке его арестовали и отпра-
вили в Питер.

На острове, где вас всего двое,
ждать помощи неоткуда – при-
ходится рассчитывать только на
себя. Это Эдуард Дементьев осоз-
нал на своем опыте, когда в ка-
честве развлечения отправился
на лодке с мотором с Большо-
го Тютерса на Малый, чтобы по-
смотреть на севший там на мель
заброшенный рыбачий баркас.
– Поехал «прогуляться» на
один день, не взял с собой ни-

чего, – рассказывает маяч-
ник. – Начался шторм, и мотор
затонул. А у меня из еды банка
тушенки и баночка рыбы. Пре-
сной воды там нет. К счастью,
на берегу можно найти пакети-
ки из спасательных плотиков с
консервированной водой. Пять
дней питался одним шиповни-
ком. Там зайцы, утки, а у меня
ружья нет. Похудел на 8 кило-
граммов. В рыбачьем баркасе
нашел полбанки засохшей сгу-
щенки, как же она пригодилась
мне на обратном пути! В ито-
ге я сколотил весла из досок и
поплыл. 3820 гребков, 11 мор-
ских миль. Когда сил совсем не
оставалось, я закрывал глаза и
делал 100 гребков. Потом оста-
навливался, подкреплялся раз-
бавленной в воде сгущенкой.
Потом еще 100 гребков... А в
середине пути вдруг нашел ту-
ман – я сложил весла и час про-
сто лежал на дне лодки, ждал,
когда рассеется. А жена моя,
оставшись на Большом Тютер-

Небольшой
маяк-дублер
на аккумуляторах
всегда на
«подстраховке» –
вдруг
электричество
отключат

Древний дизель-генератор на случай отключения электричества маячникам часто приходится ремонтировать самим

се, плакала – она была уверена, что я утонул. Хотя я натащил из баркаса досок, резины какой-то и соорудил огромный костер, чтобы дать ей сигнал. Но был сильный ветер, и дыма она не увидела. Когда же я добрался до маяка, то пришлось еще разбираться с руководством – где это я, начальник маяка, пропал целую неделю?!

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ИСТОРИИ РЖАВЧИНУ

...Начальник маяка Стирсудден ведет нас по винтовой лестнице в святая святых – на самый верх, туда, где по ночам зажигается лампа и хрустальная линза посылает лучи света на 21 милю в море вплоть до линии горизонта. Линза делает четыре обо-

рота в минуту, каждую ночь вахтенный замеряет этот интервал по секундомеру, чтобы убедиться, что все работает как надо.

– Мы поднимаемся сюда не только в связи со своими непосредственными обязанностями, но и часто по просьбе МЧС, – рассказывает Эдуард. – Зимой мы с маяка ищем рыбаков на оторвавшихся льдинах и их автомобили, докладываем в метеослужбу ледовую обстановку. Зимой приходится подниматься каждую ночь – из-за разницы дневной и ночной температур на подшипниках собирается конденсат, замерзает, и линза может перестать вращаться. Вахтенный поднимается, заливает внутрь тормозную жидкость и минут двадцать вручную крутит линзу, пока все не растает.

У основного маяка есть еще и дублер – маленький «фонарь», стоящий на смотровой площадке чуть ниже главного «светила». Дублер работает на аккумуляторах и нужен для того, чтобы в случае отказа основного освещения маяк продолжал работать.

– У нас нередко случаи отключения электричества, – объясняет Эдуард Дементьев. – Есть дизельный генератор, но, чтобы запустить его, нужно время. Поэтому включается дублер. Хотя один раз дублер «не справился» со своими обязанностями: участники проходившей мимо регаты в отчете написали, что маяк Стирсудден был не виден. Маячников лишили премии. Просто именно тогда от-

Приборы 70-х годов приводят в восторг иностранцев, но повергают в уныние работников маяка

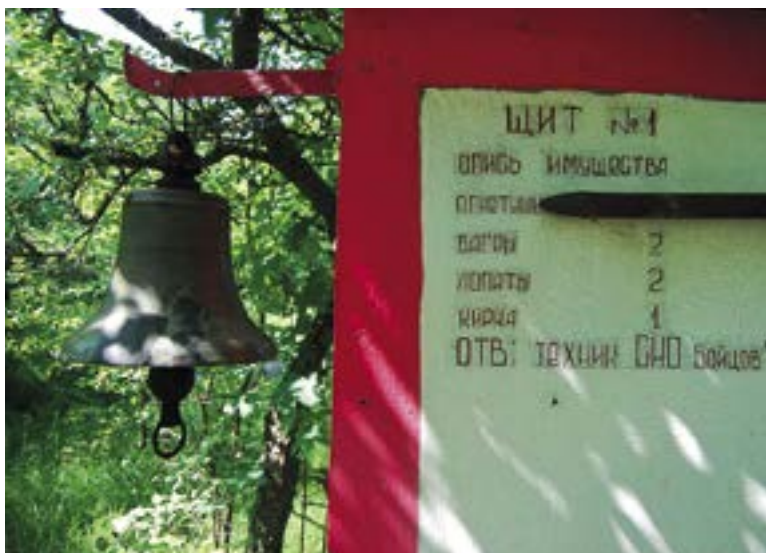
ключили электричество, и светил дублер, а его дальность всего 7 миль, и яхтсмены его не увидели.

Стирсудден – действующий маяк, но со времен СССР тут почти ничего не изменилось – то же оборудование 70-х годов, ленинские вымпелы на стенах, о неумолимом ходе времени говорит лишь облесшая штукатурка и ржавчина.

– К нам приезжали норвежцы из Общества защиты маяков,

они просто пищали от восторга, – с грустной иронией говорят Эдуард и Татьяна. – По их словам, у них такой «роскоши» нет, все в евроремонте и стеклопакетах. Говорят, если бы им чудом удалось найти у себя такой «старинный» маяк, они бы даже ржавчину не трогали, все так и законсервировали бы для истории. А один наш знакомый искусствовед, побывав у нас на маяке, назвал все увиденное «эстетикой умирания».

Демонстрационный павильон для высоких гостей

Многие туристы приезжают сюда не только из любви к маякам, но и желая увидеть такой «советский» колорит

«НЕ УДИВИМСЯ, ЕСЛИ МАЯК ЗАКРОЮТ»

Но маячникам не до шуток: оборудование Стирсуддена настолько устарело, что ремонт отнимает львиную долю времени. Всю работу по замене деталей, починке выходящих из строя генераторов и котлов приходится делать своими руками. Трубы лопнули, и зимой семьи сотрудников остались без водопровода. – Когда мы с Татьяной и сыном приехали с Гогланда сюда, то я решил, что тут не работа, а санаторий – на побережье, цивилизация недалеко, – вспоминает Эдуард. – Мы поэтому и попросили перевести нас с острова, чтобы сын мог ходить в школу. Тогда на Стирсуддене работали четыре семьи, восемь человек, как и полагалось по штату. Но постепенно ставки сокращались, и теперь на маяке трудятся всего четыре человека. А работа лишь увеличивается – нам пообещали, что ремонт будут выполнять организации – подрядчики Минобороны, но это так и осталось обещанием. Да и просто нет уже у военных таких специалистов, которые могли бы починить это советское оборудование.

Отношение Минобороны к своей гидрографической службе очень расстраивает маячников, привыкших считать маяк своим детищем и болеющих за него душой.

– Я предлагал сделать сайт, чтобы рассказать людям о нашем маяке, устраивать экскурсии на маяк, как это было задумано при его постройке, – говорит Эдуард. – Но это никому не нужно. Я уже не удивлюсь, если маяк вообще закроют.

Пессимизм стирсудденцев не случаен: такова сегодняшняя тенденция в России – маяки закрывают или делают автономными, выселяя с островов семьи маячников, жившие там поколениями.

– Автономно маяки работают от солнечной батареи либо от радиоизотопного термоэлектрического генератора – маленькой ядерной установки, – объясняет Эдуард. – С одной стороны,

Святая святых маяка – линза из хрустала усиливает свет лампы и посылает луч света на 21 милю в море

неплохо, но в нашей стране без надзора оставлять такие приборы нельзя. Были случаи, когда люди получали сильнейшие радиоактивные ожоги, ставив такой РИТЭГ на продажу, даже не зная, чем им это грозит. У нас же воруют все, что не охраняется. Кто-то тащит линзы с буев и украшает участок на даче. Многие сдают в металлолом. Неудивительно, что автономные маяки слишком часто гаснут.

GPS НЕ ПАНАЦЕЯ

Есть мнение, что с появлением технологии GPS маяки вообще утратили свое значение «спасителя моряков» и скоро совсем уйдут в прошлое.

– Это не так, – горячо говорит начальник Стирсуддена. – Во-первых, GPS принадлежит нашему теоретическому противнику, США, это их технология. Но даже если не думать об этом, GPS делает ошибку на 16 метров. В открытом море это не имеет значения, а там, где есть береговая линия, какие-то отдели и узости, даже ошибка на несколько метров может посадить судно на мель. А дно побе-

режья Финского залива каждый год еще и меняется – где-то что-то осыпается, где-то меняются течения. Не случайно гидрографическая служба регулярно делает промеры глубины и составляет карты дна. Поэтому в узких местах нельзя верить GPS, надо ориентироваться только на знаки или на лоцмана. Несколько лет назад в Выборгских устьях один товарищ самонадеянно отказался от лоцмана в пользу высокой технологии – и тут же застрял. К тому же чем выше технологии, тем больше шансов, что они откажут в самый неподходящий момент. Какой-то предохранитель сгорел, экран погас – и до свидания. А с маяком ничего не случится, он всегда будет светить. Тем более маяки являются еще и радиомаяками и передают радиосигнал с координатами.

Впрочем, сторонники высоких технологий убеждены, что если все маяки неожиданно погаснут, то хаоса не будет.

– Да у многих маломерных судов и GPS-навигатора даже нет! – объясняет Эдуард. – Они вообще не понимают, где находятся. Рыба-

кам, которые и зимой, и летом ориентируются по свету маяка, тоже навигатор не поможет. Летчикам удобно «отбивать» высоту по нашему лучу, зная, что он светит на высоте 44 метров. А если угроза террористической атаки или военные действия? GPS и ГЛОНАСС работать не будут. А маяк может поменять свою характеристику, «притворившись» другим маяком, и сбить врага с толку. Или с помощью обычной шторки оставить целый сектор в море без ориентира.

...Даже в июньские белые ночи маяк Стирсудден включает свой прожектор и приветливо моргает всем морским путникам. Вспышка, три секунды темноты, вспышка, десять секунд темноты, вспышка.

– Вот сын Георгий окончит школу, поедет учиться в крупный город, а мы с Эдиком опять поедим работать на остров, – мечтает Татьяна. – Тишина, никого нет... Правда, Жора – ему 15 лет – уже сообщил, что тоже хочет стать маячником. Видимо, любовь к маякам передается по наследству. ♀

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗОЛОТОЙ СКАЛЬПЕЛЬ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОМУ АКАДЕМИКУ ВИКТОРУ КАЛНБЕРЗУ ИСПОЛНИЛОСЬ 85 ЛЕТ. ВЫДАЮЩЕГОСЯ ХИРУРГА-ТРАВМАТОЛОГА, В СВОЕ ВРЕМЯ УДОСТОЕННОГО САМЫХ ВЫСОКИХ НАГРАД СССР И ЛАТВИИ, АВТОРА 90 МЕДИЦИНСКИХ ИЗОБРЕТЕНИЙ И 27 ПАТЕНТОВ В РАЗНЫХ СТРАНАХ, С ЮБИЛЕЕМ ПОЗДРАВИЛ ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ВЛАДИМИР ПУТИН. ГЛАВА ЖЕ ЛАТВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, ГРАЖДАНИНОМ КОТОРОГО ЯВЛЯЕТСЯ АКАДЕМИК КАЛНБЕРЗ, 35 ЛЕТ ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НИИ ТРАВМАТОЛОГИИ И ОРТОПЕДИИ, ЭТО СОБЫТИЕ ПРОИГНОРИРОВАЛ. НИ ОДНОГО ДОБРОГО СЛОВА О ЗНАМЕНИТОМ СОВРЕМЕННОМ НЕ БЫЛО СКАЗАНО И В ЛАТВИЙСКИХ СМИ...

В Ы СПРОСИТЕ – ПОЧЕМУ? Да потому, что, в отличие от многих своих земляков, Виктор Константинович никогда не пытался что-либо вычеркнуть из своей биографии. И никогда ничего не скрывал и не стеснялся: ни того, что родился в Москве, где прошли его детство и школьные годы, ни того, что именно Россию считает своей родиной, ни того, что русский язык знает лучше латышского, ни своего коммунистического прошлого, ни советских наград и званий. Виктор Калнберз в разные годы входил в состав пяти парламентов в советской и независимой Латвии, но кое для кого он был и по сей день остается «слишком русским» латышом, да к тому же еще и «слишком красным». Нынешние местные хамелеоны, не раз менявшие окраску в зависимости от политического момента, его не особо любят, оттого и стараются не замечать. Хотя даже по итогам опроса читателей латвийской радикальной газеты о знаменитых современных врачах Латвии академик Калнберз занял первое место.

ДОМ – МУЗЕЙ, ЖИЗНЬ – КНИГА

На его юбилей, проходивший в Латвийском обществе врачей, собрались десятки ведущих ученых и медиков страны, среди которых было немало его учеников, а также ветераны войны, воины-афганцы, журналисты русскоязычных газет и журналов, представители левых политических партий и Рижской думы. Поздравить именинника юбиляра пришли послы России и Белоруссии. Открыв красную папку, российский посол Александр Вешняков зачитал текст поздравления от главы РФ Владимира Путина, а от себя подарил настоящий тульский самовар емкостью 5 литров. Такого должно хватить для всего большого семейства Калнберз – у академика сын и две дочки (все – медики), а также шесть внуков и шесть правнуков! Символический подарок вручил и посол Белоруссии в Латвии Александр Герасименко – скульптуру зубра, пожелав герою торжества быть таким же крепким и здоровым.

Было еще множество поздравлений, но самый лучший подарок к знаменательной дате юбиляр подготовил не только для себя, но и для следующих поколений, издав при поддержке Латвийского общества врачей книгу мемуаров «Мое время». Это уже второе, дополненное издание воспоминаний Виктора Калнберза. Первое было опубликовано на латышском языке в 2004 году под названием «Оперирующий хирург». Все эти годы академик работал со своими архивами у себя дома на берегу озера Балтэзерс, где он оборудовал самый настоящий музей-усадьбу. В музее Калнберза собраны сотни интереснейших фотографий и документов, фотопортретов с автографами знаменитых личностей – писателей, артистов, композиторов, политических деятелей разных стран, крупных ученых, маршалов, летчиков, спортсменов, которым он оказывал лечеб-

Подарок юбиляру от посла России А. Вешнякова – настоящий тульский самовар

ную помощь и многие из которых потом становились его друзьями. Вот имена только некоторых из них: поэт Константин Симонов, маршал Семен Буденный, музыкант Мстислав Ростропович, актер Михаил Ульянов, генерал-полковник авиации Михаил Громов, летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Береговой, после операции подаривший хирургу свой генеральский китель со всеми орденскими планками...

Доктор Калнберз с юных лет не расставался с фотоаппаратом, благодаря чему мы сегодня можем не только читать его захватывающие мемуары, но и рассматривать уникальные фотореликвии.

Виктор Константинович родился в 1928 году в семье врачей, выходцев из Латвии, активных участников революционного движения. Детство его прошло в Кунцеве, где он жил с родителями и старшим братом, здесь же учился в школе. В феврале 1941 года партия направила главу семьи на родину – организовывать в Латвии здравоохранение по советскому образцу. Семья переехала в Ригу, но 28 июня пришлось срочно эвакуироваться на последнем поезде в Москву. Войну Виктор прожил в Сибири с родителями, работавшими в военных госпиталях.

Его старший брат сражался в Латышской дивизии, был тяжело ранен в боях на Курляндском котле и скончался в рижском военном госпитале, не дожив до Победы двух дней... Если до этого Виктор Калнберз подумывал о профессии дипломата, готовясь поступать в МГИМО, то трагическая судьба брата и бессилие врачей, не сумевших его спасти, повлияли на выбор юноши – он решил стать хирургом. Весной 1945 года Виктор окончил с золотой медалью кунцевскую среднюю школу и поехал в Ригу, куда после войны вернулись его родители. Следующие пять лет – учеба на медицинском факультете Латвийского госуниверситета. Как вспоминала одна из его сокурсниц, Витя с первого курса уже был звездой, он выделялся не только своим высоким ростом и прекрасным русским языком, но и тягой к знаниям. Помимо лекций и семинаров красавец-москвич усердно занимался в научном кружке по анатомии, уже на первом курсе став его председателем, на четвертом курсе он возглавляет кружок по химии, становится председателем научного общества факультета. Преподаватели доверяли студенту-отличнику проведение небольших операций, и он ни разу не подвел своих учителей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУКИ-НОГИ, ГРУДЬ...

В 1951 году Калнберз блестяще окончил мединститут с красным дипломом. Он сразу же включился в научную работу и хирургическую практику в рижском Институте травматологии и ортопедии. Талантливого молодого хирурга заметили с первых же операций по лечению переломов с применением аппаратов внешней фиксации. В 50-е годы в травматологии использовались многофункциональные конструкции московских изобретателей-медиков – К. Сиваша, Г. Илизарова, О. Гудушаури, М. Волкова, у которых Виктор Калнберз многому научился. И пошел дальше, предложив собственные облегченные модели из композитных материалов, которые были значительно легче металлических и гораздо дешевле. На аппараты рижского травматолога и приспособления к ним были выданы 33 авторских свидетельства, получено 12 патентов – в Англии,

США, ФРГ, Франции, Швеции и Швейцарии. В 1959 году молодого хирурга назначили директором Латвийского НИИ травматологии и ортопедии.

С помощью аппаратов собственной конструкции Калнберзу удалось спасти тысячи пациентов, получивших травмы конечностей, больных полиомиелитом, людей, страдающих врожденными патологиями конечностей. Он брался за самые безнадежные случаи, в том числе и за операции с высокой степенью риска. И вскоре молва о чудо-хирурге распространилась за пределы Латвии, к нему повезли пациентов со всех концов Советского Союза, а потом потянулись больные и из социалистических стран. Так, 7-летнему болгарскому мальчику, родившемуся с укороченной правой ногой, он провел серию сложнейших многоэтапных операций, и в итоге ему удалось удлинить пациенту ногу на 60 сантиметров! В 1989 году Вик-

тор Константинович провел первую в Латвии операцию по увеличению роста пациента на 10 сантиметров.

Аппараты внешней фиксации Калнберза вскоре были взяты на вооружение Министерством обороны СССР и широко применялись для лечения огнестрельных ранений в военнопольных условиях.

В возглавляемом им институте было организовано производство аппаратов, приносящих ежегодно стране по 2 миллиона долларов прибыли, поскольку они шли нарасхват в зарубежные страны, где стало известно об успешном использовании методов латвийского хирурга. К нему за опытом приезжали коллеги с Кубы, из Болгарии, Португалии, Чехословакии, ГДР. Приходилось и профессору не раз выезжать в разные страны с показательными операциями. Например, только за одну поездку в Венесуэлу он вместе с коллегами провел 95 таких опе-

Мемуары В. Калнберза – это честное повествование выдающегося хирурга о времени и о себе, о своих учителях и коллегах, уникальных операциях, непростых жизненных коллизиях, о дружбе, предательстве, преданности и любви к своему делу

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

раций! Здесь, к слову, приключился с Калнберзом забавный эпизод. В венесуэльском городке Гуаяна его попросили прооперировать главаря местной наркомафии, раненного в ногу при задержании. Профессор наложил арестованному мафиози на простреленную ногу аппарат для стабильной фиксации многооскольчатого перелома костей, после чего в шутку предупредил, что пациент теперь вполне может сбежать из-под стражи. И ведь как в воду глядел! Через два дня известный бандит действительно бесследно исчез из больницы с аппаратом, о чем раструбили местные вечерние газеты.

До Венесуэлы Виктор Константинович месяц проработал в госпиталях Афганистана, куда он отправился добровольно в 1987 году, чтобы обучать местных хирургов технике наложения своих аппаратов, а их Афганистану рижским Институтом травматологии было подарено более тысячи штук. Калнберз провел в боевых условиях десятки операций советским и афганским воинам, спасая им руки, ноги, а нередко и жизни. Виктору Калнберзу присвоили звание генерал-майора Народно-революционной армии Афганистана – это вам не шутки! Хирургу

торжественно была преподнесена генеральская форма, которую, впрочем, он надевал гораздо реже, чем белый халат. Сегодня этот китель занимает почетное место в музее академика рядом со стендом, посвященным той войне. После Афганистана Виктору Калнберзу было присвоено звание Героя Соци-

Отдельный стенд в музее академика посвящен советским космонавтам, многие из которых были не только его пациентами, но и добрыми друзьями

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

алистического Труда, вручена Золотая Звезда «Серп и молот» и орден Ленина. Остается с грустью добавить, что в 1991 году в независимой Латвии производство аппаратов внешней фиксации, востребованных по всему миру, было ликвидировано, такая же участь вскоре постигла и Институт травматологии, на базе которого уцелевшая небольшая больница сегодня едва сводит концы с концами...

Параллельно с ортопедическими новаторскими операциями Виктор Калнберз занимался пластической и реконструктивной хирургией. В 1970 году он первым в Латвии провел серию операций по реконструкции груди женщинам, перенесшим онкологические заболевания. При этом Калнберз использовал для пересадки жировые аутотрансплантаты и донорские биоткани. Информация о проводимых в Риге операциях на молочных железах с использованием биологических трансплантатов дошла до Америки. В 1975 году к профессору Калнберзу с разрешения латвийского КГБ приехали двое коллег из США. Гости все внимательно осмотрели, поговорили с пациентами, а потом вдруг обратились к профессору с неожиданным вопросом: «А вы согласились бы сделать такую операцию супруге президента США Джеральда Форда?» Растерявшись, он не сразу нашелся с ответом, но потом решил отшутиться, сказав, что не его надо спрашивать, а президента США: согласится ли тот, чтобы его жену оперировал советский хирург... В Америке в те годы широко использовались силиконовые эндопротезы молочных желез, но многие к этому относились негативно, предпочитая биологические импланты. Вернувшись домой, гости принялись хлопотать о визите рижского хирурга в США, но, когда информация дошла до министра здравоохранения СССР Б.В. Петровского, он категорически запретил Калнберзу вступать в какие-либо контакты с американцами,

заявив, что все это – провокация империалистов для дискредитации советских врачей. Вступать в перепалку с министром хирургу из Латвии не хотелось, тем более что незадолго до этого ему уже досталось от Петровского на орехи, да так, что чуть под суд не угодил...

КАК ИННА СТАЛА ИННОКЕНТИЕМ

Но прежде, чем рассказать об этом самом громком и известном деле в биографии прославленного академика, надо упомянуть, что в 60–70-е годы он провел ряд удачных операций по фаллоэндопротезированию и коррекции гермафродитизма. А в 1970 году по личной просьбе советского ученого-биолога профессора В.П. Демихова Виктор Калнберз провел первую в Советском Союзе операцию по смене пола, превратив 30-летнюю москвичку Инну в молодого симпатичного Иннокентия. До этого девушка, которой не смогли помочь лучшие психологи страны, трижды пыталась покончить с собой. Профессор Демихов, зная о работах Калнберза в сфере пластической хирургии, убедил его спасти несчастную молодую женщину. Инна приехала в Ригу, сказав, что, если он откажет ей в операции, живой она домой не уедет – только в гробу. Но переговоры длились еще почти два года, прежде чем Виктор Калнберз все же взялся за операцию, заручившись устным разрешением латвийского министра здравоохранения В. Канепа. Тем не менее гром из Москвы грянул нешуточный, хотя уникальнейшая в медицинском отношении операция прошла блестяще. А вот хирургу пришлось пережить немало неприятностей. Операция была завершена в апреле 1972 года, а в августе в Ригу нагрянула комиссия из союзного Минздрава, главной задачей которой было найти и установить вину в действиях рижского хирурга. К счастью, в комиссии собрались порядочные и высокопрофессиональные врачи; все тщательно

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Долгие годы В. Калнберз поддерживал теплые отношения с выдающимся ракетным конструктором Владимиром Николаевичем Челомеем, вплоть до его внезапной смерти в 1984 году, наступившей после автомобильной аварии

проверив, они были настолько поражены результатом проведенной операции, что даже не стали скрывать своего восторга. Таким же благоприятным было и их официальное заключение. И лишь в приватной беседе один из членов комиссии признался Виктору Константиновичу, что его задачей была оценка психического состояния... но не пациентки, а самого доктора! «И только тогда я все понял. Этому молодому врачу достаточно было написать, что Калнберз хороший врач, но он болен, и у

меня отняли бы все – диплом, работу, кафедру, а сам бы я стал пациентом Института им. Сербского», – с улыбкой вспоминает сегодня автор первой в истории советской медицины операции по смене пола.

Но Калнберза все-таки вызвали в Москву на ковер к Петровскому. Хотя министр и сам был хирургом, но такой «наглости» молодому коллеге спустить не захотел. Вот некоторые самые яркие цитаты, записанные Виктором Константиновичем после беседы в Минздраве: «Такая опера-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ментальной хирургии, которым когда-то руководил академик Б.В. Петровский...

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Власти независимой Латвии, мягко говоря, с прохладцей отнеслись к мировой славе своего легендарного соотечественника, обладателя «Золотого скальпеля» Латвии. Даже гражданства страны ему пришлось добиваться через суд. Всемирно известного академика, удостоенного множества наград и званий, в 1992 году пригласили в латвийский Минздрав и под угрозой увольнения заставили, как школьника, писать диктант и сдавать экзамены на знание латышского языка. Повод – окончание школы в России. Причина – желание избавиться от «слишком русского» директора. Да еще и проверили, не прячет ли прославленный хирург шпаргалки под партой... Академик справился блестяще, но осадок от пережитого унижения остался и по сей день.

И все же гораздо больше переживает Виктор Константинович за трагическую судьбу своего родного Института травматологии и ортопедии, которым он руководил 35 лет вплоть до его закрытия в 1994 году... И впрямь – нет пророков в своем отечестве. Но его родина, любовь и верность которой Виктор Калнберз сохранил, несмотря на все смены властей и режимов, своего сына не забыла. И теплое поздравление от российского президента к юбилею замечательного человека и уникального хирурга – еще одно подтверждение этому. Академик Калнберз и в свои 85 лет не собирается почивать на лаврах. Так, нынешним летом вместе со своим коллегой и другом, знаменитым «Детским доктором мира» Леонидом Рошалем, он проводит в Юрмале международный фестиваль «Новая волна в медицине» с участием русскоговорящих врачей из разных стран. Главная задача форума – поддержать молодых лидеров в медицине. Действительно, кому как не им, выдающимся «зубрам» медицины, позаботиться о подрастающем поколении...

ция чужда социалистическому порядку. Ваше место за решеткой! Вас надо судить! Больную вам не психиатры направили, а Демихов! Он только и способен на то, чтобы собачьи головы к задницам подшивать, и не больше!.. Вы же больны, вам лечиться надо!» Тогда, в 1972 году, латвийский врач-первопроходец отдела строгим выговором. Ему было указано на недопустимость подобных хирургических вмешательств в будущем и запрещено выступать и публиковать статьи об операциях по смене пола. Петровский еще долго негодовал и при каждом удобном случае на медицинских конференциях и активах с возмущением рассказывал о случившемся, не упоминая фамилии героя скандала. Но она все равно стала известна. На Калнберза из разных республик Союза посыпались слезные мольбы о помощи. В итоге он провел пять операций по смене пола пациентам из России, Грузии и Латвии. Правда, действовал уже под защитой свидетельства на изобретение «способа хирургического лечения гермафродитизма», полученного в 1975 году по итогам его операций.

С Валентиной Терешковой латвийского хирурга познакомил ее второй муж, тоже хирург-травматолог, генерал-майор медицинской службы Ю.Г. Шапошников

Почти двадцать лет длилась эра молчания вокруг этой темы, но в 1989 году о проведенных Калнберзом операциях написала «Литературная газета», а затем известный тележурналист Владимир Молчанов в программе «До и после полуночи» показал сюжет о латвийском хирурге. Академик Виктор Калнберз, что называется, «проснулся знаменитым». Сегодня такие операции проводятся в рядовых клиниках, в том числе – вот парадокс! – и в московском Институте клинической и экспери-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Профессор медицины, дочь С.П. Королева, Наталья Сергеевна Королева подарила своему латвийскому коллеге-хирургу для его музея несколько семейных фотографий с автографом

ОБЕТ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ВЛАДИМИР КОРЕЦКИЙ
ДАЛ В ОКЕАНЕ ОБЕТ ПОСТРОИТЬ ПЛАВУЧИЙ ХРАМ,
ОН МОЖЕТ ПЕРЕСКАЗАТЬ ВО ВСЕХ ДЕТАЛЯХ.

...РАНИМ УТРОМ Владимир понял, что шторм, в который они попали предыдущим вечером, не только не уменьшается, но даже набирает силу. Его маленькая семиметровая яхта «Владимир Высоцкий» все чаще оказывалась на гребне волны, так что четыре члена экипажа сильно приуныли. Был среди отчаянных яхтсменов и 14-летний сын Владимира Корецкого Руслан, который помимо обязанностей переводчика отвечал за ведение дневника плавания. Этот дневник он собирался показать ди-

ректору школы, который не отпустил его в плавание и обещал исключить, назвав предприятие его отца – руководителя Волгоградской областной детской общественной организации «Яхт-клуб «Парус» им. В.С. Высоцкого» – безумным. На маленькой яхте преодолеть восемь морей и океан! Но Владимир Корецкий объяснил сыну, что если тот вернется из этого беспримерного плавания, то станет героем, и из школы его никто выгонять не будет. А если им вернуться не суждено, так и думать об исключении из школы на дне морском не придется...

ЗНАК СВЫШЕ

Перед плаванием Корецкий пошел к архиепископу Волгоградскому и Камышинскому Герману и попросил благословить переход от Волгограда до Торонто (с посещением Святой горы Афон) в честь 300-летия российского флота, отмечавшегося в 1996 году. Когда маленькая яхта вошла в Атлантический океан, то целью ее экипажа было добраться до Нью-Йорка, а потом подняться до Монреаля и поклониться иконе Иверской Божией Матери. Благословение на это экипаж получил на Святой горе Афон от архимандрита Иеремии, которому путешественники передали дары от архиепископа Германа...

А в тот самый день, когда экипажу пришлось столкнуться в Атлантике с неуправляемой стихией, Корецкий никак не мог забыть слова, сказанные Руслану, – что на дне морском школа не понадобится. Казалось, они слишком близки к истине... Яхта трещала так, что надежды на благополучный исход

почти не оставалось, а прямо перед суденышком поднималась десятиметровая волна, грозившая раздробить их, как молот скорлупу ореха. Корецкий отдал команду запаковать в полиэтиленовые пакеты фотоаппараты, видеокамеры и документы, а негативы спрятать в герметично закрытые бутылки. «Папа, – крикнул в отчаянии сын отцу, – мы погибнем?» Корецкий посмотрел на волну-убийцу, на мокрых, исхудавших членов своего экипажа, прижавшихся к мачте. В основании этой мачты была прикреплена икона Святого Николая Чудотворца, подаренная им архиепископом Германом. «Нет, сынок, не только не потонем, а в благодарность Богу и всем святым за спасение построим по возвращении корабль-храм! И назовем его «Владимир!» Откуда тогда пришли ему в голову слова о корабле-храме, он и сам потом не мог понять. Ведь даже на эту семиметровую яхту он едва

наскреб денег, продав свою любимую черную «Волгу».

Экипаж яхты тогда счел слова своего капитана бредом. Но Корецкий так красочно рассказывал о том, как ярко будут блестеть купола корабля-храма на фоне водных просторов, что участники экспедиции приободрились и не опускали рук ни в этот день, ни в следующий. И еще пять дней, пока продолжалась «Берта» – самый страшный ураган в Атлантике в конце XX века...

О его ужасающих последствиях путешественники из Волгограда узнали, когда пришвартовались в Нью-Йорке. Моряки стоявшего рядом авианосца свешивались за борт и с изумлением разглядывали маленькую яхту, уцелевшую там, откуда их огромный корабль поспешил убратся. «Русские – сумасшедшие герои!» – переводил их крики отцу Руслан.

А самое настоящее чудо произошло на следующий день. Приютил путешественников Фонд

Толстого в Вэлли Коттедж (штат Нью-Йорк), созданный эмигрантами из России. Экипаж приводил себя в порядок, ремонтировал яхту и набирался сил, чтобы плыть к Монреалю. На территории фонда расположен храм во имя святого Сергия Радонежского. Его настоятелю отцу Григорию путешественники поведали о своем пути, о посещении Святой горы Афон, о благословении дойти до Монреаля и приложиться к иконе Иверской Божией Матери. По преданию, монахи Иверского монастыря на Афоне увидели ее в море, поддерживаемую огненным столпом. С той иконы, которая и сегодня находится в монастыре на Афоне, было сделано много списков. Один из них, созданный в 1981 году и мироточивший почти пятнадцать лет, был подарен специалисту по иконописи из Канады Иосифу Муньос-Кортесу. Он-то и привез список иконы в Монреаль.

«Не надо плыть в Монреаль, – вдруг прервал путешественни-

Не узнать в корабле-храме бывшее военное десантное судно...

Макеты «Святого равноапостольного князя Владимира» Владимир Корецкий дарит высокопоставленным людям страны для привлечения внимания к нуждам единственного самоходного плавучего храма в России

ков отец Григорий, – эта икона здесь». Владимир Корецкий вздохнул с облегчением: не придется заниматься формальностями, связанными с пересечением границы. Замечательно, что икона в Нью-Йорке! «Берите ближе», – улыбнулся отец Григорий и откинул с груди покрывало. Оказалось, мироточащий иверский образ он носил на себе. Накануне в Фонд Толстого приезжал тогдашний первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Виталий и привез на время эту икону...

Во всем этом Корецкий увидел не простую случайность, а знак свыше – как и в спасении от урагана. Поэтому когда он вернулся в Волгоград, то потерял покой и сон. Нужно было исполнить данное во время шторма в Атлантике обещание о строительстве корабля-храма...

ПЕРВЫЙ ХРАМ

Подробности того давнего перехода через Атлантику Владимир Корецкий рассказывал, когда в холодный серый день мы шли по пустынной набережной Волги. У спуска к яхт-клубу Владимир прервал рассказ и молча указал вперед. Причал оцепенел матчами мелких судов. И над этим лесом возвышался купол с крестом. Пока мы спустились к причалу, то успели рассмотреть, что рядом с куполом красуются две небольшие позолоченные луковичы, установленные на стойках над шатрами храма, который расположился посередине длинного корабля. Это и был тот самый плавучий храм, который Владимир Корецкий обещал построить.

Остатки утреннего тумана ползли над рекой. По отражению куполов в воде побежала рябь: недалеко шла тяжелая баржа. С нее донесся короткий густой гудок. Это приветствовали «Святого равноапостольного князя Владимира» – тот самый плавучий храм, отражением которого в воде мы только что любовались. – Как же красоту такую не поприветствовать? Вам нравится? – спросил Корецкий.

Трудно найти в России, а может, и в мире более преданного поклонника творчества Владимира Высоцкого, чем Владимир Корецкий

– Не то слово!

– Я когда сам смотрю, то словно в первый раз вижу, – сказал Владимир, провожая баржу взглядом. И пояснил: приветствовать плавучий храм гудком стало обычным делом для всех проходящих мимо судов. А некоторые подходят познакомиться поближе. Уж слишком необычен корабль-храм.

За прошедшие годы Владимир не раз вспоминал ту ситуацию, когда дал обет построить корабль-храм. Ведь в плавании было много опасных моментов... Сын упал за борт и сильно поранился крючками снастей, которые тянулись за яхтой. Однажды экипаж от голода слопал пойманную барракуду, хотя эта рыба считается ядовитой. Тоже обошлось. В долгий штиль у Бермудских островов десять суток пили дождевую воду, которую старательно собирали в кружку. А встреча с пиратами... Ни в один из этих моментов Владимиру не пришла в голову мысль дать обет. А тут – перед разверстыми небесами... «Самому надо было укрепиться, цель поставить, слово дать Богу. Ничего подобного до плавания у меня и в мыслях не было. Снизло!» – сказал Корецкий архиепископу Герману, когда передавал ему копию иконы Иверской Божией Матери в дар от Зарубежной православ-

ной церкви. Архиепископ Герман выслушал его внимательно, вспомнил, что еще до революции ходил по Волге плавучий храм, на строительство благословил.

Корецкий начал искать средства. Думал, что легко справиться с этой задачей. У него ведь в Волгограде много друзей, его хорошо знают как исполнителя песен Владимира Высоцкого. Из плавания его как героя встречали, о нем взахлеб рассказывали российские и американские СМИ... Но друзья хлопали по плечу, предлагали распить водочки, попеть под гитару и... на этом все кончалось. Понял Корецкий, что друзья у него – для ухи под водочку и песни под гитару. Нужно новых искать.

И они нашлись. В 1997 году в Волгоград приехал с визитом православный священник из Голландии протоиерей Федор (Теодор ван дер Воорт), сотрудник международной благотворительной организации Kirche in Not («Помощь церкви в нужде»). Они познакомились и быстро нашли общий язык: оказалось, отец Федор, будучи студентом, тоже пересекал Атлантику в 1972 году на девятиметровой яхте с экипажем из трех человек. Походом Владимира Корецкого через океан и восемь морей на семиметровой яхте отец Федор был поражен.

Устройство каливы, которая расположена на причале, где пришвартован плавучий храм, Владимир Корецкий подсмотрел во время своего паломничества на Святую гору Афон

дукты – лишь бы храм стоял у их селения.

Стало ясно, что дело надо продолжать. Тем более что у Владимира Корецкого появились сподвижники. Вновь получив благословение у владыки Германа, отправились в Германию просить руководство организации «Помощь церкви в нужде» помочь в строительстве еще одного корабля-храма. Основатель организации, отец Веренфрид, поддержал идею, и генеральный совет фонда выделил требуемую сумму. Второй плавучий храм был устроен уже на барже. И снова он был назван не так, как мечтал Владимир Корецкий. Владыка Герман решил дать новому плавучему храму имя «Святитель Николай». Владимир Корецкий опять с владыкой спорить не стал. Тем более что икона Святителя Николая была у них на мачте яхты, и к ней они обращали свои молитвы о спасении во время урагана «Берга».

«Святитель Николай» имел класс «Р» (река) и потому, в отличие от «Святителя Иннокентия», обладающего классом «О» (озеро), не мог ходить по водохранилищам. Храм отвели в поселок Октябрьский, где он стал постоянным местом для молитв не только местных жителей, но и солдат воинской части.

Итак, вместо одного обещанного плавучего храма Владимир Корецкий спустил на воду уже два. С мечтой увидеть на борту плавучего храма имя «Владимир» он мысленно распрощался. С построенными плавучими храмами и так хлопот было много. Их надо было постоянно ремонтировать, искать солярку для буксиров, снимать с мели, а еще искать деньги для оплаты работы матросов. Поэтому когда в 2004 году ему рассказали (в Волгограде все знали о плавучих храмах Владимира Корецкого, который облазил берега Волги в поисках подходящих посудин. – Прим. авт.) о бывшем десантном корабле «Олекма», гниющем в Сарептском затоне, он чуть было не отмахнулся. Денег нет, сил нет, уже

А рассказ об обете, данном во время шторма, его потряс. Поэтому когда Владимир Корецкий предложил священнику Федору как представителю Kirche in Not поддержать идею создания плавучего храма, тот обещал содействие. Тем более что корабль-храм должен был помочь миссионерскому делу в Волгоградской епархии.

Это и повлияло на положительное решение руководства организации Kirche in Not. В Волгограде купили буксирный катер и дебаркадер, который превратился в плавучую церковь.

Владимир Корецкий не только сам принимал участие в работах, но и привел трех своих сыновей. В мечтах он представлял, как будет красоваться на борту имя «Владимир». Но владыка Герман принял реше-

ние назвать первый плавучий храм «Святитель Иннокентий» – в честь выдающегося русского православного миссионера святого Иннокентия, митрополита Московского (1797–1879), совершавшего свой духовный подвиг в Сибири и на Аляске. Спорить с владыкой Корецкий, конечно, не стал, но со своей заветной мыслью увидеть плавучий храм с именем «Владимир» на борту не расстался...

ВТОРОЙ ХРАМ

В первом плавании «Святитель Иннокентий» посетил полсотни населенных пунктов. Местные жители и отдыхающие восприняли появление храма на водах с огромной радостью. Жители станиц на Дону так привыкли к нему, что не хотели отпускать, приносили даже про-

два плавучих храма есть. Но затон зачем-то навестил. Возможности будущего плавучего храма он оценил сразу. Была у этого старого десантного корабля такая деталь, как аппарат – приспособление для пологого спуска на берег. С помощью аппарата можно высаживать десант и бронетехнику в самое труднодоступное место на берегу. И Владимир Корецкий сразу понял, как удобно будет подниматься верующим по этой аппаратуре на борт плавучего храма. Храмовое помещение можно будет расположить в бывшей бункерной части, куда ранее загонялась бронетехника. А сам корабль может ходить даже по большим водным пространствам вроде Волгоградского водохранилища. И будет этот храм самоходный. Воодушевляла его и красота самой идеи: в буквальном смысле слова перековать мечи на орала! Из бывшего военного судна сделать храм! С этой новой идеей он и отправился в епархию. Владыка Герман с радостью благословил строительство третьей церкви. В выкупе и перестройке «Олекмы» под храм снова участвовала международная благотворительная организация «Помощь церкви в нужде».

Отец Никон побывал во всех миссионерских походах «Святого равноапостольного князя Владимира»

ТРЕТИЙ ХРАМ

31 октября 2004 года состоялось торжественное освящение первого в мире самоходного корабля-храма. В церемонии приняли участие многие священнослужители Русской православной церкви, представители местных и региональных властей и общественности, деятели культуры и искусства, зарубежные гости. Первое крещение в новой церкви состоялось в ноябре 2004 года. И тогда же в ней появилась икона Святых апостолов Петра и Павла, переданная в дар храму от президента РФ Владимира Путина и руководства ФСБ РФ. Эта икона была конфискована при попытке вывезти ее за границу. Когда корабль-храм впервые пришвартовался у Центральной

набережной Волгограда, то посмотреть на это чудо сбежались толпы народа, а очереди желающих посетить его стояли с утра до вечера. Но самым главным было то, что новый корабль-храм был назван «Святой равноапостольный князь Владимир». Как и мечтал Владимир Корецкий. Мы побывали в плавучем храме, который только недавно вернулся из ремонтного дока. Попал он туда после последнего миссионерского похода. Владимир Корецкий и служащий на судне-храме отец Никон с волнением вспоминали все самые трогательные моменты плавания. Это был самый длительный и самый драматичный поход «Святого равноапостольного князя Владимира».

Самый большой водосвятный бак на Волге стоит на причале рядом с плавучим храмом

ему пришлось отвечать на вопросы, почему не идет плавающий храм. Конечно, храм не пустует и тут, возле причала. В нем регулярно проводятся молебны для рабочих яхт-клуба. Жители ближайшего к причалу микрорайона Кировский приходят сюда на праздники, крестят детей, а с недавних пор появилась мода венчаться в плавающем храме. Это тоже большое дело. Но все же создавался этот единственный в России самоходный плавающий храм для дальних походов, для преодоления больших водных просторов, чтобы помочь православным, живущим вдали от храмов. А вот приходится стоять в затоне...

Такое положение корабля-храма, когда он в прямом и переносном смысле оказался на мели, складывается не впервые. Во время переоборудования военного судна в храм денег настолько не хватало, что рабочие сидели на берегу и ждали туристов, которые придут посмотреть на эту диковину. А деньги, оставленные ими, тут же тратили на покупку краски или деталей для ремонта. Да и сейчас ситуация точно такая же: почти все наличные деньги уходят на краски. Кисти художника Александра Воропаева принадлежат все рисунки на борту корабля. При нас он спешил нанести последние штрихи, обновить корабль, чтобы к новому плаванью все было готово. Поход плавающего храма до Москвы никто не отменял. Планы на него у Владимира Корецкого большие. Во время посещения «Святым равноапостольным князем Владимиром» прибрежных сел для окормления верующих он много раз слышал от жителей о сотнях затопленных при строительстве водохранилищ на Волге храмов. Владимир Корецкий хочет нанять команду дайверов, чтобы во время похода с борта плавающего храма организовать поиск церквей под водой. Напротив каждой из них на берегу будет установлен символический знак. Это еще один обет, который дал Владимир Корецкий. ■

Художник
Александр
Воропаев
расписал борта
плавающего храма
картинами
на библейские
мотивы

Встречные рыбацкие артели на Волге приставали к плавающему храму, брали благословение, ставили свечи, просили молиться за них и, конечно же, делились своим уловом. Еще интереснее было со встречными судами. На их экипажи и пассажиров золотые купола производили ошеломляющее впечатление. Капитаны просили освятить их суда, а команды поднимались на борт плавающего храма на молебен. Отец Никон рассказывал о целях похода плавающего храма. В прибрежных селениях он и крестил, и венчал. Народу в бывший бункер, где раньше стояла боевая техника, а теперь было обустроено церковное помещение, ничем не отличающееся от привычной сельской церкви, набивалось столько, что свечи от жары гнулись...

Бывало, плавающий храм идет по Волге, а вдоль берега не только скапливаются люди, но и бегут или едут за ним вдоль реки. Новость о том, что по воде идет чудесный корабль-храм, распространялась мгновенно. Сначала «Святой Владимир» побывал в Астрахани, Камышине, Николаевске, потом вернулся в Волгоград и отправился в поход до Москвы с намерением зайти в Саратов, Казань и Нижний Новгород. Запомнилась встреча в Са-

ратове. От набережной, где пришвартовался плавающий храм, под колокольный звон поднялись с крестным ходом до кафедрального собора. Но именно в речном порту Саратова было принято решение прекратить поход и вернуться домой. Так много времени плавающий храм тратил на посещение прибрежных селений, где не было церквей, что в Саратове оказался уже в конце октября. Сверху по Волге навстречу двигался лед. А тут еще дало о себе знать старое дно бывшего десантного корабля. Прохудившееся судно заметно накренилось... Опытные матросы готовились сбежать с судна, а у боцмана от страха руки постоянно тряслись. Стали распространяться слухи о тонущем плавающем храме под Саратовом. Был этот момент для Владимира Корецкого не менее опасным, чем тот шторм в Атлантике. Но даже и в таком состоянии он сумел привести плавающий храм в Волгоград. Последние две навигации плавающий храм походов не совершает. Больше года ушло на поиск денег для ремонта и сам ремонт. А когда собрались летом выступить в поход, то не смогли найти средств на сольерку... «Неловко перед людьми – не знаю уж как!» – признался Владимир, вспоминая, сколько раз

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ [ФОТО АВТОРА]

ГЕНЕАЛОГИЯ ТУРКМЕН – ПРЕДАНИЕ ИЗНАЧАЛЬНО УСТНОЕ, ЗАТЕМ ЗАФИКСИРОВАННОЕ, КАНОНИЗИРОВАННОЕ В НЕСКОЛЬКИХ ПОЗДНИХ ИСТОЧНИКАХ, КАК, НАПРИМЕР, «РОДОСЛОВНАЯ ТУРКМЕН» АБУ-Л-ГАЗИ, НАПИСАННАЯ МЕЖДУ 1650 И 1660 ГОДАМИ. ОНА АБСОЛЮТНО МИФОЛОГИЧНА И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ – НАИБОЛЕЕ ВОСТРЕБОВАНА.

«**Р**ОДОСЛОВНАЯ ТУРКМЕН» – ЭТО гид в туркменском мире: если ты туркмен, то, назвав свое имя, род и племя, ты сообщаешь собеседнику исчерпывающую информацию о себе. Весь туркменский мир сложен огромными, подобными цепочкам органических молекул, молекулами племен и родов. Назвав племя – ты называешь молекулу. Назвав род – называешь отрезок, который занимает в ней род, назвав имя – свое место в этом отрезке...

В ГОСТЯХ У ТУРКМЕН

Еще когда я впервые попал в Форт, узнал, что в Баутино живет последняя семья мангышлакских туркмен. Я не знаю, почему мне так захотелось увидеть этих людей... Они были загадкой. Поэтому я решил, что сейчас мы направимся к ним (я представил себе седобородых старцев в мох-

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №6 и 7.

Величие степных
каньонов
поистине
потрясающе

натых бараньих шапках с косичками вьющейся шерсти, спускающимися на глаза).

– А, Баубековы! У них и пообедаем! – на свой лад истолковала мое решение Куралай.

Дом оказался обычным, с широкими воротами и большим пустым двором, на котором лежала разломленная от жары туркменская овчарка – алабай. Никаких седобородых аксакалов, никаких следов древности. Дом был добротный, новый, да и хозяйка, женщина за 70, приветливо встретив нас у входа, не подавала никаких признаков ветхости и с явным любопытством проводила нас в гостиную. На ней был синий бархатный халат и зеленый платок с цветами, покрывающий голову. Как и большинство домов на востоке, дом, лишенный громоздкой мебели, казался пустым: дверной проем обрамляли красные, в цвет ковров на полу, портьеры. Мы уселись на ковры вокруг низенького столика и принялись знакомиться. Помимо хозяйки, Куралай, Рената, Ольги и меня в комнату зашел и сел чуть в сторонке на ковер симпатичный молодой мужчина – младший сын хозяйки. Как нарочно, у хозяйки оказалось непривычное на русский слух имя.

– Рахимбиби?

– Рахимбиби, – спокойно повторила хозяйка. – Кызы – это «дочь» по-туркменски. Нургельды Кызы – это по-русски отчество – Нургельдиевна.

Я наконец справился с этим непростым заданием. Теперь надо было объяснить, с какой целью мы здесь. Фраза о писательстве, о путешествии вокруг Каспия почему-то не произвела на Рахимбиби особого впечатления.

– А как же вы пишете, – внимательно спросила она. – По книгам или как?

– По книгам, разумеется, тоже, – сказал я, стараясь держаться как можно достойнее. – Но для меня важны собственные впечатления.

– А-а! Вот, значит, как. До вас писали-писали, а теперь вы, – определила мою функцию Рахимбиби. – Не история вас интересует, а самый последок. – Ну, нет, я бы не сказал, – поправился я. На Востоке, если тебе безразлично прошлое, то рассчитывать на серьезное к себе отношение как к писателю трудно. – Просто одних книг недостаточно. Живые люди – вот что меня интересует. Скажем, основателем вашего рода был кто?

– Основоположником нашего рода был прапрадед, святой человек, Молла-Нефес.

– Он какого племени?

– Абдал.

О! В свое время старики говорили: «Когда абдал есть, разве другие могут быть ханом?» Абдалы ставились среди туркмен очень высоко.

– Он был мулла?

– Он ахунд был (высшая степень духовного звания, характеризующая высокую ученость человека. – Прим. авт.). Вот его эсаяк...

На стенке вместе со старинным Кораном, висящим на гвоздике в прозрачной пластиковой сум-

ке, – черный, длинный, тонкий посох, эсаяк. Полтора века этому посоху!

– А Ходжа Нефес случаем не из ваших был?

– Да-да, рода абдал...

– Он ведь предложил царю Петру завоевать Хиву...

– Вот его фотография, – торжественно произнесла Рахимбиби, извлекая откуда-то репродукцию картины свидания Ходжи Нефеса с царем Петром. – Конечно, наш предок – Ходжа Нефес...

– Он потом в отряде Бековича был...

– Да, – оживилась Рахимбиби, наконец удовлетворенная возможностью поговорить со сведущим человеком. – Он был переводчиком в отряде князя Бековича-Черкасского.

– Предупреждали же его, – произнесла Куралай, имея в виду Бековича, – что хивинский хан так просто его не отпустит...

– Это Аюка-хан, калмыки подговорили, – убежденно сказала Рахимбиби. Я понял, что в степи жива еще своя, не книжная память.

– Если пойдете на мыс, там еще один наш предок похоронен. Святой, Ходжа Мешан. Это прапрадед был. Убил его батыр Сиунгора (я чуть не подскочил на месте), убил и обокрал...

Куралай заговорила о ли по-туркменски, то ли по-казахски. Некоторое время Рахимбиби обменивалась с нею фразами, причем я понял, о чем идет речь: Куралай говорила, что Сиунгора не убивал Ходжу Мешана, может быть, только ограбил. А Рахимбиби не соглашалась: убил, говорит. Так вот, значит, какие подвиги совершал тут Сиунгора, чья убранный в запасники музея кольчуга когда-то призвана была подтвердить давнюю дружбу казахского народа с русским...

– А Ходжа Нефес, Ходжа Мешан – они часом не родственники?

– Ну да, – с достоинством произнесла Рахимбиби. – Они – рода ходжа. У нас в семье абдалы с ходжой породнились.

– Редкое сочетание, – обронил я.

Рахимбиби оценила это замечание. Через полчаса я знал все о ее отце, дедах и нынешней семье: у нее четверо сыновей и шестеро внуков, младший сын, Нурмурад, живет с нею, привез жену из Ашхабада. Старший сын, Ходжамурад, живет в Актау... Было ясно, что Рахимбиби расположилась к нам.

– Хотите посмотреть драгоценности? – вдруг спросила она. Все, разумеется, захотели. Почему-то среди кочевников Средней Азии туркмены отличались тем, что умели ткать прекрасные ковры, строили купольные мавзолеи и выделяли грубоватые, но очень выразительные, массивные украшения из серебра. У всех туркмен есть фамильное серебро. Куралай, поддавшись вороватости металла, протянула руку и примерила браслет. – А это манлай называется, – сказала Рахимбиби, закрывая свой лоб сплошным каскадом вытянутых серебряных подвесок.

Как странно: туркмены и казахи – братья по крови, тюрки. И тем не менее никакой степной ар-

хитектуры казахи (по крайней мере, казахи Мангышлака) не знали; а туркмены знали свойства камня, глазури, кирпича, умели свести свод... Казахи боялись моря – туркмены чувствовали себя в нем совершенно свободно; одни, как говорится, знают толк в серебре, другие – профаны. Даже по Куралай и Рахимбиби это очень видно.

Сейчас во всем Казахстане очень большой интерес к своей национальной идентичности. Казахам интересно – кто они? Есть несколько больших родов, несхожих меж собою. Огромное количество народу делает ДНК-экспертизу. Получаются очень интересные результаты: больше всего, разумеется, генов монгольских и тюркских. Но любители покопаться в геномном материале отыскивают связи и с Русью, и с Персией, чуть ли не с Тибетом.

Поразительно, что в том же вопросе туркмен не станет интересоваться хромосомами: он тщательно выверит все по традиции. По традиции все туркмены происходят от легендарного Огуз-хана – внука Могол-хана, а также (если верить Абул-Гази) очень дальнего потомка Яфета, сына Ноя. Сами туркмены зачинаются где-то в пространстве между реальной и мифической историей. В том, мифическом времени Огуз-хан двигает свои войска в Сирию и Египет, завоевывает Афганистан и Кашмир. Покорив страны, возвращается на родину, в Моголистан, в свой юрт, чтобы устроить великий той (пир), на котором и завершает творение мира, разделив его между тремя старшими и тремя младшими сыновьями и их 24 внуками. На этом пиру каждый род получал свое имя, место в боевом порядке, свою тамгу и узаконенный кусок конины на общем пиру. Например, Игдир – это внук Огуз-хана и все его потомки, чье имя означает «прекрасный» и «великий». Тамга рода – омгон-сокол; доля мяса – ляжка. Большинство туркменских племен возводят свое происхождение к Огуз-хану. Но ни абдалов, ни хожда нет между ними! Это пришлые, чужие племена, которые тем не менее получили в туркменском мире очень высокий статус. Одни – как обладающие правом на власть, «врожденные цари». Другие – как духовные столпы общества.

...Через некоторое время на столе возник обед. Блюда приносила миловидная молодая туркменка Джаннат – жена Нурмурада. Рахимбиби тем временем не спеша рассказывала про деда:

– Мой дед, Бериджан, возле Махачкалы утонул на пароходе... Он хлопок торговал, в Туркмению ездил... У него таких вот ковров (показывает на свои) – 80 было.

– А ковры считаются признаком богатства? – спросил я.

– Богатства... – с придыханием произнесла Рахимбиби. – Ковер – это ручная работа, кто тклет – как будто университет окончил, даже намного выше. Сколько ниток есть, сколько узоров, как их ткать... Ковер – не шутка дело! Ковер, собака алабай, лошадь аргамак – вот все туркменское богатство!

Она не сказала «нефть». Она не сказала «газ». Она сказала только о том, что было всегда. И трех богатств – ковра, коня и собаки – хватило, чтобы народу всегда было что продать, чтоб обменять на хлеб. То были честные мены.

– Говорят, туркменские овчарки со времен Римской империи известны? – неудачно попыталась поддержать разговор Куралай.

Рахимбиби возмущенно фыркнула:

– Римской империи не было здесь! Алабай – умная собака, не трогает человека, не кусает, если она почувствует в человеке что-то плохое – вот тогда она двигается. А если в человеке плохого ничего нет – она не трогает.

Расстались мы с неподдельным чувством удовлетворения...

В СТЕПИ

...Дорога давно превратилась в глубокие колеи, и Ренат с трудом продирался по ним, пока не остановился.

– Стоп, – сказал он. – Это дорога, пробитая КамАЗами. Здесь мы не проедем...

Мы высыпали из кабины. Куда ехать, никто не знал. Карта была только у меня, но слишком крупного масштаба, чтобы всерьез помочь нам. Тем не менее я извлек ее из рюкзака.

– Когда мы были в Сауре, ветер был с моря. И в Баутино с моря, я заметил. Ветер – с запада. Солнце было на юге, когда я снимал... Мы едем на восток... – резюмировал я.

Куралай застонала. Оказывается, ей давно казалось, что мы потерялись, и она предлагала ехать на юг, до пересечения с главной дорогой: там она все знала... А я предложил в последний раз попытаться найти провал Жыгылган.

– Доедем до следующего горизонта, – сказал я, разглядывая окрестности в фотоаппарат, как в бинокль. – И если не увидим провала, возвращаемся на юг.

Внезапно в объективе промелькнул нехарактерный рукотворный силуэт. Так, так, так... Непослушным, дрожащим глазом объектива я попытался остановить картинку: два крошечных белых домика. Вокруг – никого, будто никто не живет... Через несколько минут подруливаем к домикам. Внутри действительно совершенно пусто: ни кровати, ни стула, ни пустой консервной банки или бутылки. Голый земляной пол. Невесомые, потерявшие плотность дерева, вымороженные, иссушенные солнцем двери из поседевших досок приперты камушками. Как и двери, рамы окон, сами стены домишек выжжены солнцем, выстужены морозами, выскоблены ветрами.

И все-таки провала нам не видать...

От стойбища действительно открылся новый горизонт, и стала видна долина за гребнем, на котором стояли домишки. Но моря на всем обозримом пространстве не было. Я забрался на крышу домика и оглядел окрестность. Это ничего не прибавило. Разве что, ища опоры, я наткнулся на

Подземная
мечеть святого
Тулеген-Ата

самодельное сито для просеивания песка, которое заставило бы почтительно замолчать любой музей современного искусства. И все это вместе: и это сито, и сырцовые, местами уже оплывающие кирпичи, из которых эти домишки были выстроены, и невесомые, съеденные ветрами двери – все это было свидетельство жизни, в которой люди лишены *всего*, к чему мы уже привыкли. Ну, например, к текущей в кранах воде. Так вот, проблемы воды для людей, обитавших тут, не было. И это сито для них не искусство, а нормальный рабочий инструмент. Вопрос: а сделало ли это их несчастнее? Или счастливее? Почему-то раньше, когда я сталкивался с такими вот пороговыми различиями в благосостоянии людей, я неизбежно задавал себе этот вопрос и никогда не мог ответить на него. Сейчас я знаю: те, кто добровольно выбирают себе жизнь пастырей стад, ничуть не несчастнее нас с тобой, приятель. Поэтому я покидал зимнее стойбище без печали.

Мы поняли, что остается одно: ехать на юг, к трассе. Удача отвернулась от нас. Провал Жыгылган явно *не хотел*, чтобы мы его обнаружили.

Вскоре мы увидели вдали очертания небольшого поселения...

– Ага! – вскричала Куралай. – Это Уштам! Ну, теперь хоть ясно, где мы!

Некрополь Уштам оказался весьма необычным местом. За невысокой оградой от скота в степи стояли три купольных мавзолеев XIV века. Мы притормозили и вылезли из машины. Было странное чувство – что мы чудом опять попа-

ли на свой путь, в свой коридор в пространстве. Оно возникало из ощущения, что нам не нужно больше торопиться. Мы пошли осматривать некрополь. Когда видишь такое в степи первый раз, это производит впечатление: туркменские мавзолеи сложены из массивных желтоватых блоков известняка. Высота – метров шесть. Куралай объяснила, что один мавзолеев – родовой склеп, другой – медресе, а третий – мечеть с узким ходом внутри стены, по которому мулла поднимался на крышу и сзывал учеников и прихожан.

Я прошелся по кладбищу. Повсюду было много забытых надгробий, заросших серо-голубым лишайником. Я посмотрел, какие знаки оставили казахи на стене фамильного склепа – эти процарапанные острым орудием рисунки я начал коллекционировать еще в прошлый раз. Набор изображений был типичный: кони, всадники с луками, символы мужского и женского, солярный знак в виде креста, наконечник стрелы, многократно обведенная ладонь левой руки («рука Фатимы» – оберегающий знак) и, если приглядеться, едва заметно проступающая ладонь правой. Девять лет назад не на Уштаме, а, наверное, в Ханга-Баба я видел на стене мавзолеев подробно выцарапанное в мягком известняке изображение большого морского корабля *в разрезе*. Разумеется, изобразить такое никакой казах не мог: то был наш соотечественник, матросик с инженерным, язви его в душу, мышлением, которому, вишь, засвербело увидеть свой корабль как на чертеже. И он постарался. Интересная вещь получилась: большой пароход со всеми трюмами, отсеками,

машинным отделением, каютами и надстройками. Но что еще интереснее: я тогда этот корабль не сфотографировал. И вот теперь я хожу как дурак и разглядываю стены другого некрополя, словно жду, что каким-то чудесным образом это изображение проступит на них...

Когда я обернулся, никого вокруг не было. Я дошел до соседнего мавзолея – «медресе» – и заглянул в него, когда внутри явно совершался какой-то обряд. В центре пространства было несколько могильных плит, рядом с которыми, продетый через лошадиный хомут, был вбит высокий прямой шест – символ тюркского «мирового древа». Внизу было что-то вроде алтаря: во всяком случае, и земля пола, и уголки могильных плит были залиты жиром самодельных свечей, в котором плавали обгорелые фитили. Смысл обряда был в том, чтобы три раза по часовой стрелке обойти вокруг могил святых, читая молитвы или сохраняя внутреннее молчание. После этого нужно было взяться за шест, поднять глаза к небу и загадать желание. Желания, загаданные на Уштаме, сбываются. Я включился в процессию, когда Ольга уже завершила свой путь...

Когда мы вышли из мавзолея, Куралай улыбнулась: – Вот такой у нас, казахов, ислам...

– А что, хороший ислам, живой, старика Хана-Тенгри (мировое древо. – Прим. авт.) не забываете...

– Вообще-то клясться на могилах святых – это издавна повелось на Мангышлаке. Немногие решались на это. У двух туркменских родов был как-то спор по одному важному делу, и судья, не зная, чью сторону принять, велел, чтобы одна из споря-

щих сторон – а было их сто человек – поклялась на могиле святого Караман-Ата. Они осмелились клясться, хотя были не правы. Сначала ничего не произошло. Но когда они отошли от могилы и сели на коней, вдруг грянул гром среди сухого неба, лица их почернели, все сто упали с лошадей и в ту же секунду умерли...

– Любите вы чудеса, – улыбнулся я Куралай.

– Ну почему – чудеса? Когда я однажды из кузова машины выпала – я сразу почувствовала, что не разобьюсь, потому что упала в облако... Мягкое такое... И оно меня аккуратно на землю и положило: ни одного синяка, ни одной царапины. Это – чудо или нет?

– Чудо, конечно.

– Значит, у нас правильный ислам.

– Конечно, правильный... Двух одинаковых исламов не бывает, и все равно, каждый – правильный. Только вот странное дело: вчера я видел в городе... Две девчонки, с ног до головы – в черном. Раньше такого не было...

– А-а, это секта... – с неприязнью сказала Куралай. – Вах... Вахха... Законники, короче. Мы, казахи, природные суфии.

Я не хотел продолжать разговор о религии, но тем не менее подивился, как четко она определила: современный ваххабизм может быть только книжной, начетнической культурой, в этом смысле он – порождение политики, мегаполисов и... студенческих кампусов. Живое сознание никогда не примет такой засушенной – чудеса отменяются! – схемы. А современные казахи как раз очень пластичны, динамичны и в жизни, и в мышлении.

Шесты на могиле Султан-Епе символизируют не только «мировое древо», но и мачты корабля

МАРШ ВСЕХ СВЯТЫХ

В следующий раз мы остановились у каньона Султан-Епе. Это был первый каньон на нашем пути. Первое ощущение от него – как будто ты попал в вестерн, и сейчас по дороге внизу или по плато напротив промчатся всадники и разыграется сцена из боевика. Но ничего, по счастью, не происходит, и ты стоишь в тишине, постепенно осознавая все величие окружающего пейзажа.

В каньон нас привело имя Султана-Епе – суфия, который жил здесь лет триста назад, пришел из города Багиргана, с Аральского моря.

На Мангышлаке приоритеты ислама выстроены довольно странно. Главный – пророк Мухаммед, за ним следует ученик его ученика Ходжа Ахмед Яссауи, роскошный мавзолей которого был выстроен Тамерланом в городе Туркестане. Но поскольку от Туркестана до Мангышлака около 1500 километров, здесь поклоняются ученикам Ходжи Ахмеда Яссауи, его посланцам, среди которых Бекет-Ата занимает первое место, а Султан-Епе, Шопан-Ата, Караман-Ата, Шекпак-Ата и другие – общим числом 363 – собственно, и считаются главными подвижниками мусульманской веры. Места, с ними связанные, являются главными объектами поклонения.

По преданию, дело было так: незадолго до кончины пророк со своими сподвижниками ел хурму. Спелые плоды лежали на серебряном блюде, но один все норовил скатиться и выпрыгнуть из блюда, сколько его ни водворяли на место. Внезапно Мухаммед услышал откровение: «Эта хурма предназначена для мусульманина Ахмеда, который родится на четыреста лет позже вас». Пророк спросил у окружающих, кто возьмется передать хурму будущему хозяину. Никто не вызвался. Пророк повторил свой вопрос. И тогда один из сподвижников, Арыстан-Баб, сказал: «Если вы у Аллаха выпросите четыреста лет жизни, то я передам хурму». Пророк ответил: «Ты проживешь сказанное мною число лет». «Как же я узнаю того Ходжу Ахмеда, которому ее следует поднести?» – спросил Арыстан-Баб. «Когда народ в Туркестане станет собираться в мечеть, то он войдет в нее первым, а выйдет последним», – сказал пророк. Когда Арыстан-Баб, прожив еще 373 года, отыскал в великом Хорезме, в городе Туркестане, того, кому предназначалась хурма, от нее осталась только косточка. Ходжа Ахмед Яссауи, приняв благословение пророка, съел косточку и с того самого дня ничего не ел. Хотя после смерти Арыстан-Баба он прожил еще долго и кончил свои дни только в 1166 году: сперва он отправился в Бухару, где обучался у суфийского мастера Абу Юсуфа Хамадани, а потом основал собственное суфийское братство, «Яссавийя», духовным хлебом которого стали «Хикметы» – собственные стихи Ходжи Ахмеда, положенные в основу *зикра* – текста совместной молитвы братьев во время суфийских радений. Одни говорят, что у Ходжи Ахмеда было 14 тысяч мюридов (учеников), другие – что только 3360. Как бы то ни было, однажды наставник на глазах у них изо всех сил швырнул эсаяк далеко в степь и велел

ученикам отправляться на поиски посоха и не возвращаться без него. С тех пор минули века. Пришли монголы, и великий Хорезм пал, став уделом Джучи, одного из сыновей Чингисхана. Потом удел Джучи подмял под себя Тимур, потом и он умер. В это время – в XIV, XV, XVI веках – на Мангышлаке стали появляться странные люди, аскеты, проповедники. Это были дети и внуки тех, кого Ходжа Ахмед Яссауи отправил в Степь с благовестом истинной веры. Эти-то проповедники и нашли эсаяк Ходжи Ахмеда Яссауи возле старой Хивинской дороги, где за прошедшие годы он пустил корни и превратился в могучее дерево...

Еще предание гласит и *верит*, что Мангышлак – это край, где жило 363 святых праведника. И хотя находки ученых говорят, если не ошибаюсь, только о 36, предание это все пропускает мимо ушей.

Султан-Епе был как раз одним из таких праведников: он поселился в пещере на спуске в каньон. О чудесах, которые он совершил, до сих пор ходят легенды, но больше всего он прославился как покровитель пиратов и рыбаков, всех путешествующих и страждущих, как наш Николай Угодник. Поэтому поток паломников к его могиле не иссякает. Девять лет назад место здесь было почти не тронутое. Могила представляла собой две невысокие каменные ограды, сделанные одна в другой: внутренняя была завалена камнями, которые удерживали вертикально пять поседевших деревянных шестов, которые я принял тогда за аллегория мачт корабля. Разросшийся куст терновника мешал навязывать на шесты обетные лоскутки материи, но, несмотря на колючки, все «мачты» на высоту человеческого роста были сплошь в этих лоскутах, как забинтованные...

Мы стали спускаться к каньону, и тут только я заметил, что ниже края плато, где раньше среди густых деревьев была обвалившаяся пещера Султан-Епе, теперь выровнена площадка, на которой стоит странное невысокое здание из розового ракушечника, без окон и без дверей, но со странными плоскими башенками. Я, кажется, понял: это был тот самый монастырь для братьев-суфиев, который в одиночку выстроил здесь ногайский мальчик Хейрулла: Султан-Епе раз привиделся тому во сне и велел сделать это.

– Мы сейчас спустимся вниз, – сказала Куралай. – Это необычный монастырь, многокамерный. В конце там есть ханака, келья для отшельника. А эти вот купола являются люками, сквозь которые проходит свет. Ну что – готовы?

С чистыми помыслами, с чистыми пожеланиями... – проговорила за всех нас Куралай. – Сначала заходят мужчины, потом женщины.

Я разулся. Босые ноги почувствовали чуть отсыревший, покрытый мелкими крошками камня ковер. При свете вспышки фотоаппарата удалось разглядеть, что ковер этот зеленый. Внутри было несколько круглых белых колонн, которые поддерживали «потолок», единую громадную желтоватую каменную плиту. Потом мы прошли в ка-

Святые тоже
не чурались
игр – эта похожа
на древние
нарды

меру, над которой был «люк», откуда сочилось немного света. Сели под люком кружком на пол. Куралай прочитала молитву и сказала, что здесь каждый может попробовать испытать свои ощущения. Я закрыл глаза. Довольно неожиданно и быстро меня прямо-таки потащило вверх. Моя голова, особенно затылок, устремлялась вверх, и будто вспышки перед глазами: синие, белые... Весьма необычные ощущения...

Потом Куралай сказала, что можно попробовать пройти в ханаку (темную камеру дервиша). Я полез в крошечную тьму, благо руки чувствовали все превосходно: сухой прохладный камень стен, потом расширение... Вот уже и противоположная стена чувствуется... Теперь попробовать встать... Это удастся. Высота небольшая, над головой сантиметров двадцать. Тьма крошечная. Ни крупинки света. Вдруг я ощутил себя в спасительной темноте. Почему спасительной? Она не была обычной, эта темнота, в ней, внутри каменного мешка, я чувствовал себя как в утробе матери. Мыслей никаких не было. А из чувств осталась только покой. Потом я услышал, что по тому же ходу ощупью ползет Ольга. Вот, заползла, нащупала меня, встала. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь нарушал мой покой в этом космосе материнской утробы, покой, предшествующий рождению...

– Дыши тише, – попросил я.

Ольга перестала, казалось, совсем дышать, и я вновь ощутил, как тьма мягко объела меня... Это было непередаваемое ощущение...

Ольга потом говорила, что не в «молельне», а именно здесь, в темноте, ее сильно потянуло наверх – туда, в запредельность...

Всего в монастыре под землей мы пробыли по таймеру диктофона 16 с половиной минут. Это одно из самых значительных пережитых мною искривле-

ний времени. Если бы меня спросили, сколько времени прошло, я бы очень затруднился с ответом...

Но что-то изменилось. Да: вдруг стало уже часов семь. Вокруг была живописная каменная гряда, заросшая редким кустарником, – и повсюду этот вечерний уже, розоватый, свет солнца. У нас было еще часа два. Темнеет здесь в девять.

– Ну что, – неуверенно выдал из себя я. – Почему бы нам не заночевать здесь? Место красивое. Вода...

– Ну нет, – решила вопрос Куралай: почему-то всякую неуверенность она отсекала сразу. – Тут недалеко уже Шекпак-Ата. Там нормальный дом для паломников...

«Кремневый дед» – так звали очередного святого, во владения которого мы отправлялись. Говорят, когда появлялись враги, Шекпак-Ата начинал так клаять своими когтями, что искры летели снопами и суеверный ужас охватывал недругов. «Шекпак» – по-казахски «кремень». «Ата» – дедушка. Правда, кремня здесь навалом.

Довольно скоро доехали до Каньона Кампасай. Заметили впереди мужика на лошади, который пас верблюдов. Подъехали, спросили, как проехать на Шекпак-Ата. Мужик был русский, с русыми волосами, клочками торчащими из-под вязаной шапки, с красно-коричневым обветренным лицом. Стал объяснять, как мы быстро поняли, дорогу на Султан-Епе.

– Нам Шекпак-Ата нужен, – сказала Куралай.

– Шекпак-Ата? Эх-а, ты! Этот, наверное, туда, – указал он могучей рукой на холм у нас за спиной.

– А что это, русский – и в степи? – поинтересовался я.

– А многие сейчас уходят в степь, – сказала Куралай. – В городе работу потеряет, бомжевать не хочет, дома сидеть не хочет, пить не хочет, вот и идет в пастухи. Чем не жизнь? ♪